
ОГОНЁК
ПРОШУ ДОЛОЖИТЬ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ЛИЧНО НИКИТЕ СЕРГЕЕВИЧУ ХРУЩЕВУ, ЧТО ПРИЗЕМЛЕНИЕ ПРОШЛО НОРМАЛЬНО, ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ХОРОШО.
Ю. А. ГАГАРИН
ВЕСЬ СОВЕТСКИЙ НАРОД ВОСХИЩЕН ВАШИМ СЛАВНЫМ ПОДВИГОМ, КОТОРЫЙ БУДУТ ПОМНИТЬ В ВЕКАХ КАК ПРИМЕР МУЖЕСТВА, ОТВАГИ И ГЕРОЙСТВА ВО ИМЯ СЛУЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ.
Н. С. ХРУЩЕВ

Фото В. Кругликова.

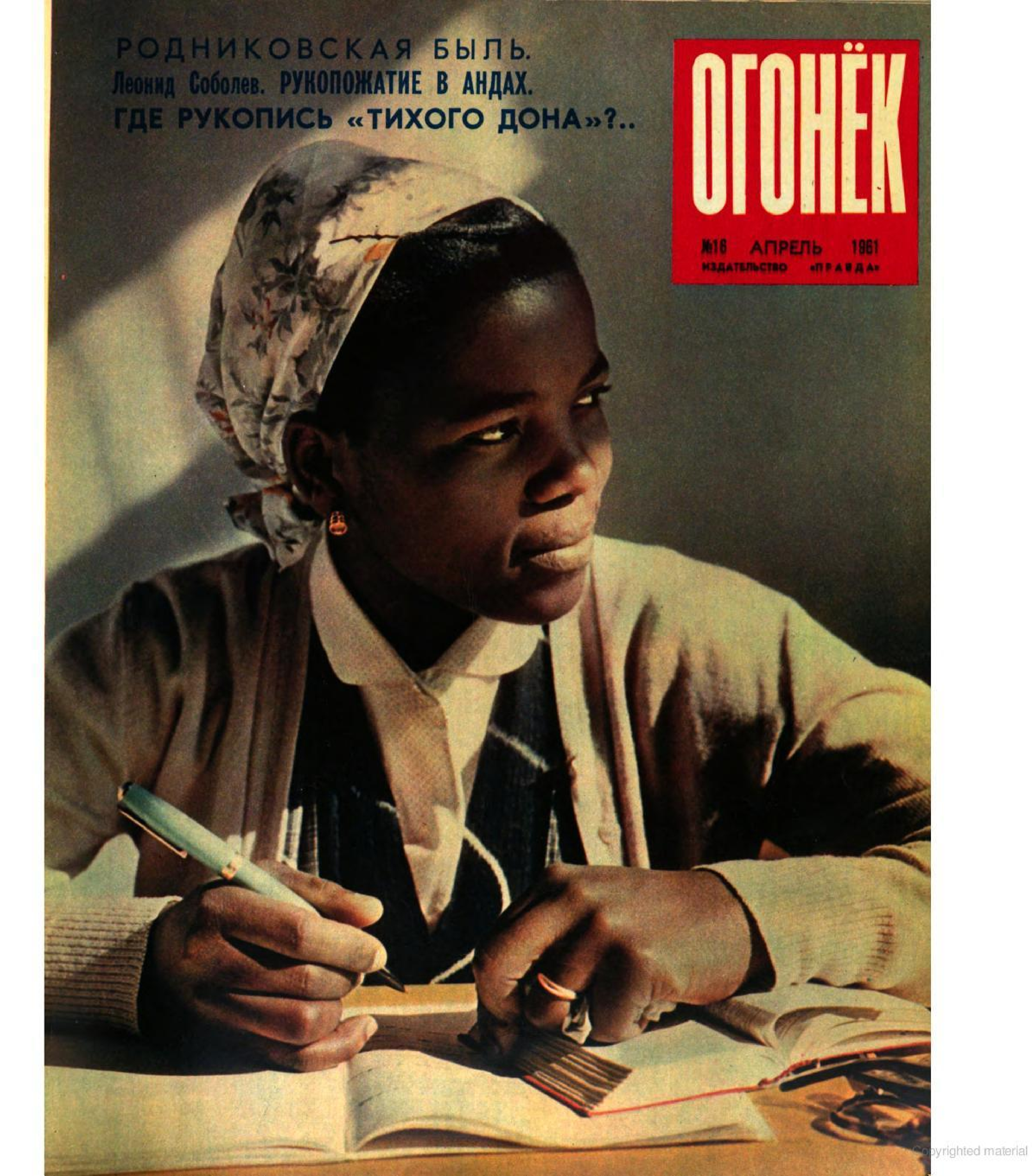
Стоило жить!

Николай АСЕЕВ

Мы дожили до этого!
Стоило, стоило жить!
Ждать, надеяться, думать, трудиться, стараться,
Чтобы первый из нас
Мог отважный свой путь проложить
Сквозь космическое пространство.

В эту область беззвездья, беззвучья,
таинственной тьмы
Он вознесся впервые
Полетом неслыханной славы.
Одинокий, единственный. Нет, не один:
С ним и мы,
Мы — родные народы
Великой Советской державы.

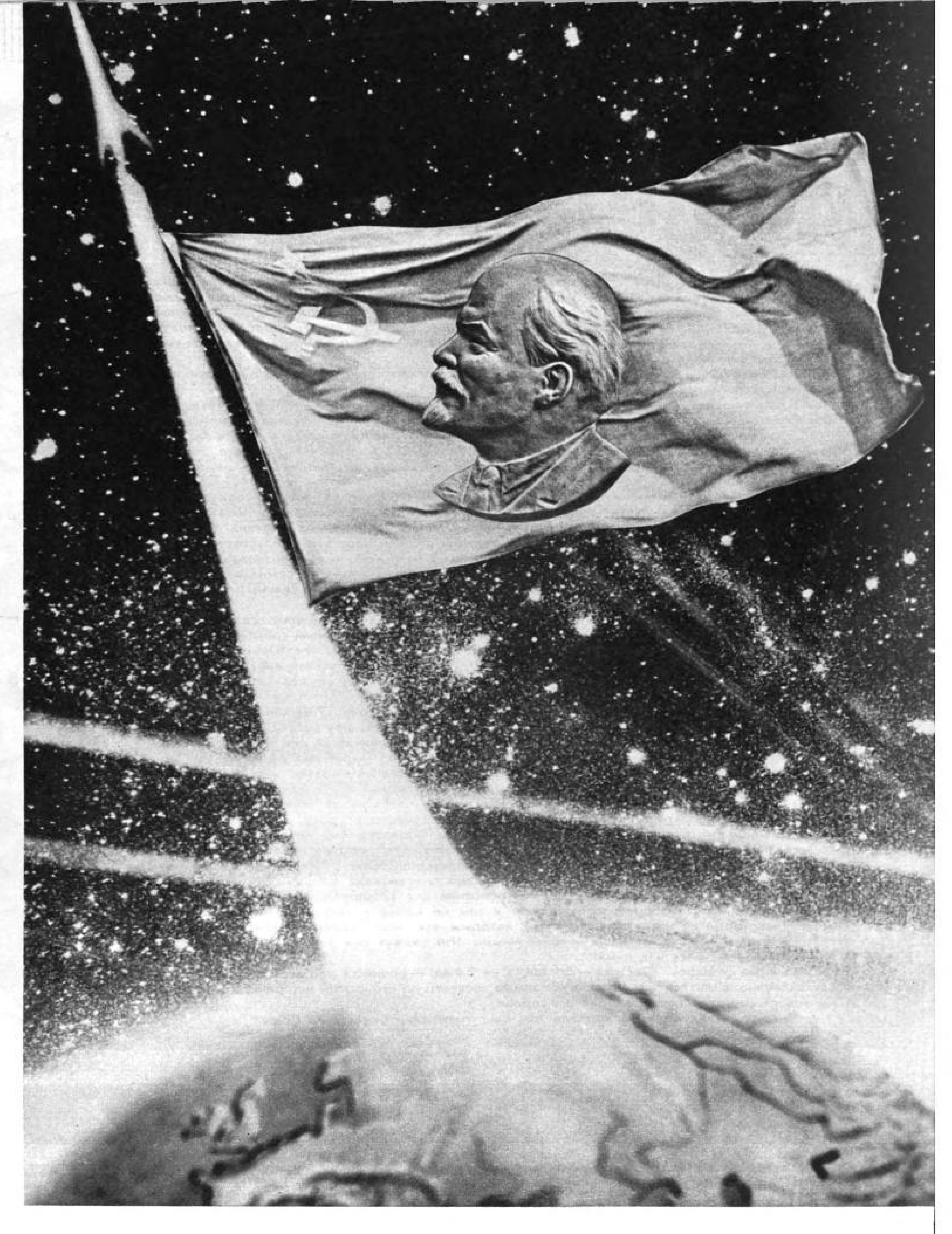
В неразведанный мир, на невероятную высь
Поднялся он, и мир ему будет века благодарен.
Поднялся он, и мы с ним душой
Заодно поднялись,
Заодно!
Душа в душу с тобою, товарищ Гагарин!

РОДНИКОВСКАЯ БЫЛЬ.
Леонид Соболев. РУКОПОЖАТИЕ В АНДАХ.
ГДЕ РУКОПИСЬ «ТИХОГО ДОНА»?..
ОГОНЁК
№16 АПРЕЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
№ 16 (1765)
16 АПРЕЛЯ 1961
39-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«КОММУНИСТИЧЕСКАЯ»

Фото Л. Портера.

Ленин

Идет ли сессия Совета,
Бурлит ли наш Партийный Съезд,—
Огромный зал
во власти света,
И в зале нет свободных мест.

Повестка дня:
— Вперед и выше!
Здесь
лучший цвет
людей труда.
И сам Ильич
Из светлой ниши,
Как наяву, шагнул сюда.

Он словно
Высказать стремится
Все то,
что нам недосказал,
И взором вечного провидца
Глядит в Большой Кремлевский зал.

И кто возрос под этим взором,
Тот званье ленинца несет
Навстречу бурям и просторам
И в глубь космических высот.

Сергей СМИРНОВ

Мих. АЛЕКСЕЕВ

Читайте, завидуйте...

Как всё и все вдруг преобразилось и преобразились: тучи, до этого закрывавшие солнце и совсем некстати забрасывавшие сырым, явно опоздавшим снегом землю, как бы поняв свою неуместность, в один миг очистили небо; люди обрели необычайную подвижность и чувствительность — на глазах у многих, никого не стыдясь, появились и задрожали, заблестели в ресницах слезы, те самые, какие бывают только в минуту наивысшего душевного восторга.

Током высочайшего напряжения прошли через людские сердца как будто совсем простые, как будто совсем обычные слова:

«Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич».

Перед лицом столь великого события, перед лицом такого подвига хотелось бы быть скромным, не говорить излишне громких слов, поменьше употреблять пышные эпитеты, которые, как бы звучны и хлестки ни были, все равно оказались бы бледными и немощными пред совершившимся.

Хотелось быть скромным, но сами собой, не спросясь тебя, рвутся на волю гордые, дерзкие мысли: Восток, а не Запад, гражданин Союза ССР, а не Соединенных Штатов, черт возьми! И чтобы, господа, у вас на этот счет не оставалось решительно никаких сомнений, вот он перед вами, этот гражданин, простой и великий в своей простоте — голубоглазый, курносый, лобастый, земной, русский, смоленский парень. У него есть имя, познакомьтесь: Гагарин, Юрий Алексеевич. Советская власть старше его всего лишь на семнадцать лет, та самая власть, которая взрастила, воспитала и подняла его на вершину славы, равной которой, пожалуй, еще не было на свете.

Его сравнивают с Колумбом, открывшим когда-то Новый Свет. Не будем оспаривать правомерность такого сравнения — людям свойственно во всяком крупном событии отыскивать исторические параллели. Для нас важнее другое: хочется верить, что Юрий Алексеевич Гагарин своим полетом открыл наконец глаза и тем, кто упорно не желал видеть очевидные факты: социализм побеждает, социализм берет верх в давнем споре с капитализмом, и тут уж, как говорится, ничего не поделаешь: так рассудила история.

Нам, однако, хочется еще немного поговорить о Юрии Гагарине, подчеркнуть в нем то, что свойственно миллионам Гагариных (пусть они носят другие имена),— в его биографии ничего нет необычного. У него есть отец, которому сейчас 59 лет, и который работает столяром. У него есть мать, которая хлопочет по дому, варит мужу своему еду, стирает белье и, наверное, временами, по извечной слабости всех домохозяек, немножко ворчит. У Юрия есть жена, есть совсем малые дети...

И вот здесь я останавливаюсь и думаю (приглашаю подумать об этом и других): малые дети, одному из них два года, а другому всего лишь один месяц от роду. А отец их полетел туда, куда еще никто из людей не летал. Логичнее, казалось бы, послать в этот полет холостого парня: мало ли что могло случиться... Но тут, похоже, была такая уверенность в успехе неслыханного путешествия, что полетел он, Юрий Гагарин, женатый, семейный человек. Полетел — и вернулся на великую радость всем нам!

Все это началось и завершилось в первой половине дня 12 апреля 1961 года. В тот день, захлестнутый волною всеобщего возбуждения, я тем не менее в какую-то минуту подумал о людях (некоторые из них и поныне живы), которым все наши слова казались неизменно пустыми звуками, а дела наши — призрачными. Что скажут они теперь?! Стыдно, небось Так-то жизнь посмеялась над ними!

Сказочный корабль «Восток» — Восток, а не Запад! — пронесся над всей нашей планетой и благополучно вернулся на священную землю, пославшую его с этой исторической миссией. И мы говорим с радостным замиранием сердца:

— Читайте, завидуйте,— на корабле том был гражданин Советского Союза!

Восток, а не Запад.

Так-то!

РЕПОРТАЖ О

Е. ВЕЛТИСТОВ

Фото О. Кнорринга.

Первое слово — Левитану.

— Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза...

Это случилось в 9 часов 58 минут по московскому времени. Пробежал по коридору Всесоюзного радио редактор, прижимая к груди листок с сообщением, захлопнулась толстая дверь студии, зажглась надпись: «Тише! Микрофон включен!», и Юрий Борисович Левитан начал читать. Торжественный тон, помимо слов, говорил сам за себя: свершилось!

Словно открылся невидимый шлюз: лавина телефонных звонков, телеграмм-молний, новостей хлынула в многоэтажный Дом радио. Москвичи хотели срочно знать, когда будет приземление. Колхозники из Калмыкии просили передавать состояние здоровья Гагарина ежечасно. Геологи назвали новый минерал гагаринитом. Звонили из Ханоя, Варшавы, Сталинграда, Дубны, Афин. Стенографистки заполняли сотни листков.

Штаб новостей — редакция «Последних известий». Первыми в эфир — самые важные: о космонавте, о его самочувствии, о полете. Они передаются через минуту-полторы после поступления — время перебежки от редакции до микрофона. Юрий Левитан снял пиджак, он читает, жестикулируя карандашом, в голосе — несдерживаемая радость. В перерывах между сводками звенят реплики взволнованных москвичей, уже записанные репортером Аркадием Ревенко на ленту: «Я очень рада за свой Союз, что такие люди у нас хорошие!», «Ведь первым-то полетел русский», «Лети, Юрий Алексеевич!», «Счастливого приземления!». Звучал голос Циолковского, напутствовавшего своих соотечественников теплыми, очень заботливыми словами.

В эфире — только музыка и последние известия. И вот в 12 часов 22 минуты прервался и выпуск последних известий: диктор объявил о благополучной посадке, и слова звучали, как самый торжественный марш.

На мгновение работа прервана: в телевизоре портрет космонавта

Приходит сообщение о биографии Гагарина. Его ждут здесь, на радио, не только радиорепортеры, но и журналисты многих газет и журналов. Уезжают маши-

Какая новость важнее? — решают в «штабе», в редакции «Последних известий».

Москва, 12 апреля, 12 часов 30 минут.
Фото А. Бочинина.

РЕПОРТАЖ

ны в Гжатск, летит сверхсрочный телефонный вызов в Саратов. А телеграммы все идут: «Ура на века! Ура сыну великой Родины! Слезы переполнили грудь, но это радость, гордость. Инженер Грецова, Харьков», «Чудеса, сказка — теперь быль. Я счастлива. Пионерка 3-го класса Галя Федосеева», «Спасибо Родине, спасибо партии! Семья Панферовых. Багратионовск».

Сообщение из Симферополя: сегодня в городе родились шесть мальчиков — всех назвали Юрами.

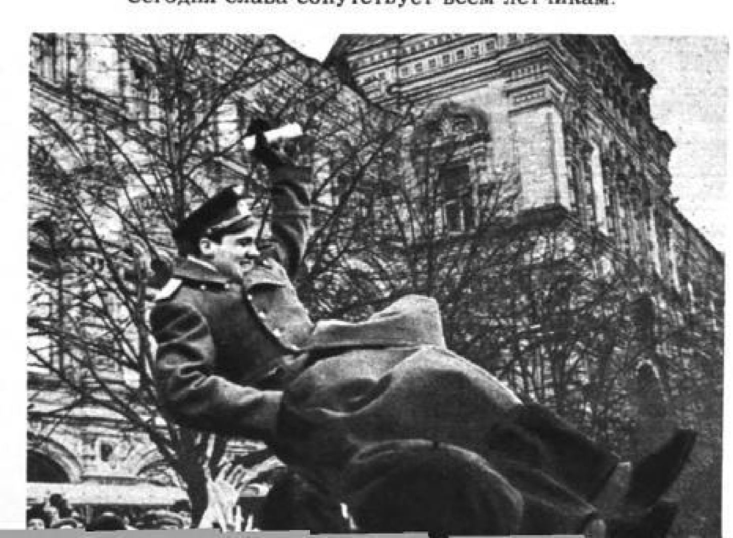
Шли телеграммы от однофамильцев, от тех тысячи двухсот Гагариных, которые живут в Москве и Московской области.

Хотелось бы объявить в микрофон все эти слова радости, но, пожалуй, не уложишься и в несколько суток.

— Такого,— сказал Левитан,— не было со Дня Победы.

Привозят репортаж с Красной площади. И в то время, когда страна слушает о стихийной демонстрации на Красной площади, площадь еще бурлит. Возвращаясь в редакцию, мы видим плакаты с поспешно написанными, волнующими словами: «Москва — Космос — Москва. Гагарину ура! Коммунистической партии слава!» Качают летчиков, кричат «ура», темнолицые студенты-африканцы кружатся в бешеном, зажигательном танце. Хорошо!

Сегодня слава сопутствует всем летчикам.

РОВЕСНИК

В те минуты, когда первый космонавт Юрий Гагарин благополучно приземлился на родную землю, работница московской швейной фабрики № 36 Галина Щипанова подарила Родине сына. Вес малыша — 3 350 граммов, рост — 51 сантиметр. Он тоже благополучно «приземлился» и чувствует себя великолепно.

— Весть о великом событии придает мне силы,— говорит Галина,— видите, мое самочувствие уже совсем хорошее. У меня сегодня праздник вдвойне. Сыну моему теперь открыты такие просторы, что земными расстояниями их не измеришь. Мне хочется назвать его в честь нашего прославленного героя Юрием, но вот не знаю, как муж...

Тогда мы позвонили отцу — слесарю-инструментальщику Василию Щипанову на завод шлифовальных станков, поздравили его с двумя радостными событиями (о рождении сына он еще не знал) и сообщили о желании жены.

— Конечно, я — за! — закричал в трубку счастливый отец.— Вы знаете, моя жена прямо-таки «космическая женщина»: ведь и дочку Ларису она родила в исторический день запуска первого в мире искусственного спутника Земли — 4 октября 1957 года. Так что теперь все наше семейство можно назвать «космическим»!

Ю. КРИВОНОСОВ

Семья героя. Он сам — крайний справа.

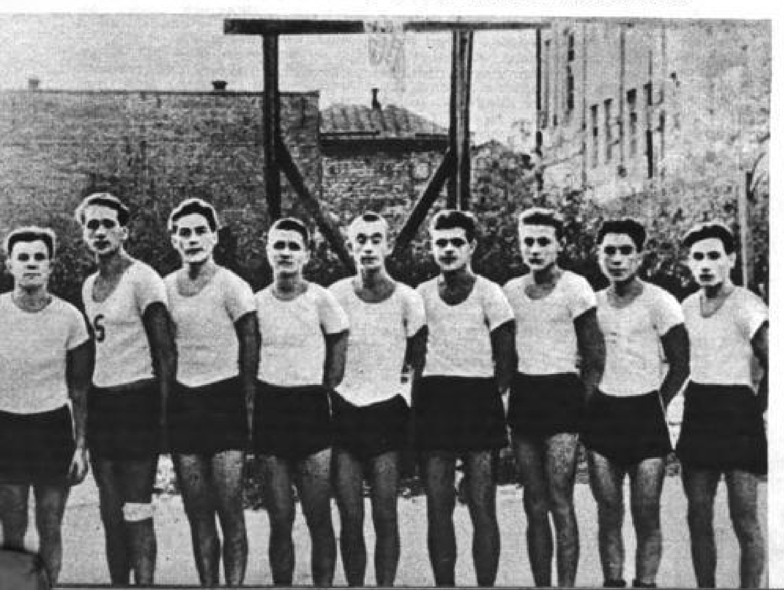

Юра Гагарин. Ему сейчас завидуют мальчишки всей планеты.

Слева — два будущих литейщика, справа — будущий первый в мире космонавт.

Знатный был капитан у этой команды баскетболистов!

НА ПУТИ

Перед нами автобиография Юрия Алексеевича Гагарина. «...Родился 9 марта 1934 года в семье колхозника... В 1941 году поступил учиться в первый класс... поступил в РУ № 10 г. Люберцы... направлен на учебу в Саратовский индустриальный техникум, занимался в Саратовском аэроклубе...» И за этими простыми строчками встает — ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ.

Кто же знал Юрия Алексеевича, кто с ним рядом учился, работал?

Звоним по телефону.

ГЖАТСК. СРЕДНЯЯ ШКОЛА.

— У вас с 1945 по 1949 год занимался Юрий Алексеевич Гагарин. Очевидно, многие учителя помнят его?

— О да, конечно! У нас тут сейчас целая очередь у телефона собралась. Первой будет говорить с вами преподавательница географии Антонина Васильевна Иванова.

— У телефона Иванова. О Юре Гагарине я могу сказать только самые хорошие слова. Он был очень скромным, старательным пареньком. Увлекался математикой, хорошо успевал и в гуманитарных науках, много читал. Весь коллектив школы гордится нашим воспитанником. А теперь я передаю слово учительнице математики Зинаиде Александровне Комаровой.

— К словам Антонины Васильевны я могу добавить, что Юра Гагарин был не только старательным, но и мыслящим учеником. Очень быстро решал он устные задачи. Ребята его любили, и пионер он был настоящий. Ну, вот и все, что можно сказать по телефону. А теперь кое-что добавит Зинаида Дмитриевна Троицкая, она тогда была у нас завучем.

— Юра Гагарин занимался во многих кружках: в математическом, техническом. Всегда и во всем проявлял он удивительную целенаправленность. Вот если бы все ученики у нас были такие!

Заключила разговор Тамара Федоровна Денисова, директор школы:

— Я от всех преподавателей скажу: мы очень горды своим воспитанником, горды тем, что этот герой родился на русской земле.

ЛЮБЕРЦЫ. РЕМЕСЛЕННОЕ УЧИЛИЩЕ № 10.

— Скажите, пожалуйста, у кого занимался Юрий Алексеевич Гагарин?

—У телефона мастер производственного обучения Софья Яковлевна Зингер. Я очень хорошо помню Юру Гагарина, он поступил к нам

ПРОСТО

«Простой. Обыкновенный»,— говорят репортерам Зоя и Валентин, сестра и брат первого космонавта.

Фото Д. Бальтерманца.

Мы спешим в небольшой городок на Смоленщине, туда, где жил и рос первый в мире человек, взглянувший на землю «свысока».

Радио передает новые и новые известия. «Выдающийся... Уже вошедший в историю... Легендарный... Первый на земном шаре...» — так говорит о нем весь мир. «Простой. Обыкновенный» — так сказала о герое его сестра Зоя Алексеевна Гагарина. И, думается, в этом сочетании — большая символика и глубокий исторический смысл.

...Жил парнишка под Гжатском. Пошел в школу, а тут война. Пришли немцы и в его дом. Выгнали на улицу хозяев. Подошел было Юра однажды к забору, который когда-то вместе с отцом ставил вокруг дома,— появился откуда ни возьмись фашист. Грозил кулаками: «Пошел прочь, русский поросенок!»

Потом многих угнали на запад. Перед отступлением спалили немцы чуть ли не весь поселок. Дом Гагариных каким-то чудом уцелел.

После войны переехала семья в Гжатск. Дом из села перевезли по бревнышку. Был он изрешечен осколками. Залатали, как могли. Пошла мирная жизнь и у Юрия Гагарина, непоседливого, озорного русского паренька.

Подумаешь — и правда, детство как детство, юность как юность. Бегал по Гжатску мальчишка, точь-в-точь такой, как те, что окружили сейчас дом героя. Так же, как и они, смотрел в небо, провожая завистливым взглядом самолеты. В Доме пионеров мастерил модели планеров. Если читал стихи на концертах самодеятельности, то обязательно про летчиков. Спорил с приятелями об авиации.

Было их три закадычных друга: Юра, Валентин и Женя. Учились в одном классе. Играли в одном духовом оркестре, Юра слыл лучшим трубачом. Вместе ходили на рыбалку, увлеклись одно время бок-

УРА,

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ В. РОДИОНОВ ВСТРЕТИЛСЯ С Ю. А. ГАГАРИНЫМ ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОСЛЕ ПОЛЕТА.

— Всего несколько минут назад я видел Юрия Алексеевича Гагарина и говорил с ним. Поэтому я сейчас очень волнуюсь.

Видел я его на аэродроме. Тут собрались друзья Юрия Алексеевича, чтобы поздравить его с успешным полетом, обнять и расцеловать этого необыкновенного и дорогого всем человека.

И вот из приземлившегося самолета вышел он. Многие из собравшихся на аэродроме прекрасно знали Юрия Алексеевича. И все же даже они не ожидали, что этот ставший уже живой легендой человек — такой простой, застенчивый, удивительно милый парень.

Одет он был в теплый комбинезон, как нарочно, небесно-голубого цвета, и в черных унтах. На голове шлем, который он потом снял, и ветер чуть растрепал его коротко стриженные волосы. Я ожидал увидеть очень уставшего человека, которому не до разговоров, который хочет как можно скорее добраться до места отдыха. Но Юрий Гагарин был очень спокоен, приветлив и, несмотря на пережитые волнения, бодр. Единственно, что его смущало,— это восхищенные взгляды и огромная, ставшая сразу всемирной слава.

Несколько секунд на аэродроме было тихо, и вдруг тишину разорвал звонкий мальчишеский голос: «Юра! Ура!». И все наперебой бросились

В КОСМОС

в 1949 году, учился на формовщика-литейщика. Юра был очень дисциплинированным, активным, исполнительным. Интересовался художественной самодеятельностью, занимался у нас в драматическом кружке. Жил он в общежитии. Училище окончил по повышенному разряду, и мы рекомендовали его в Саратовский техникум.

А ребята наши теперь расшифровывают буквы РУ — «ракетой управляем».

САРАТОВСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ТЕХНИКУМ.

У телефона — заместитель директора Сергей Николаевич Румянцев:

— Здравствуйте, спасибо, мы тоже горячо поздравляем вас. Говорите громче — шумно, собралось очень много народа: наши преподаватели, учащиеся, корреспонденты...

Юра окончил техникум с отличием, но, кроме учебы, успевал многое: занимался в аэроклубе, был секретарем ДОСААФ трудовых резервов. Я передаю трубку преподавателю-инструктору физического воспитания.

У аппарата Геннадий Григорьевич Соколов.

— Вы помните Юрия Алексеевича?

— Не только помню, я хорошо знаю его. Когда мы в последний раз с ним виделись, он рассказывал о своей семье. Жена, говорил, очень хорошая. Рассказывал о полетах. Знал я, что он замечательный человек, но не предполагал, что такой!

Как поступил учиться в техникум, был самый активный спортсмен-перворазрядник, баскетбол любил. Говорил, что спорт ему очень помогает в работе.

САРАТОВСКОЕ ДОСААФ.

К телефону подходит начальник саратовского аэроклуба Петр Владимирович Соколов:

— Три раза в неделю в течение года Юрий Алексеевич приходил в наш аэроклуб. Ребята его любили, выбрали комсоргом отряда.

Гагарин был очень способным учеником. Его первый самостоятельный полет был выполнен на «отлично». Говоря языком авиаторов, он вылетел по минимальной летной программе. Только 12 часов его учил инструктор в воздухе и выпустил самостоятельно. А, как правило, учлеты проводят с инструктором 15—16—17 часов.

Мы гордимся, что первый космонавт получил первое летное образование в нашем клубе. Передайте Юрию Алексеевичу от всего нашего коллектива самое душевное, самое сердечное поздравление и пожелания успехов в дальнейшем освоении космоса.

Н. ВЕРИНА, Н. СВЕТЛОВА

ЧЕЛОВЕК

сом. Теперь один из друзей, Валентин Петров, инженер, работает в родном городе. Второй, Евгений Васильев,— в Москве, на заводе, кажется, токарем. А третий — первый на планете космонавт.

Летели годы. Пошел Юра в ремесленное училище постигать искусство огненной профессии литейщика, а в мечтах по-прежнему голубое небо. Профессию освоил хорошо, на практике все, что требовалось, делал добросовестно. Но однажды, когда выдалось свободное время, отлил одну вещицу. Так, для себя, на память. Отлил самолет.

Мы листаем альбом с семейными фотографиями: мужает, растет будущий первый космический летчик.

Время от времени приезжал Юрий Алексеевич в родной дом. Последний раз был, правда, давно. На Октябрьские праздники. Шел тогда в маленьком доме Гагариных пир горой. Отмечали сразу два события: 43-ю годовщину Великой революции и свадьбу младшего сына, Бориса. И ничем он не выделялся, будущий герой планеты,— человек как человек! Поздравлял новобрачных, лихо отплясывал по грубым половицам деревенской избы, кричал «Горько!». После того раза не был дома, а потом...

День обещал быть будничным, трудовым. Отец Юрия Алексей Иванович рано утром отправился в соседнее село по своим столярным делам. И вдруг: «Юрий Гагарин — первый человек в космосе!»

Мать услышала имя сына по радио, разволновалась, слезы полились — не удержать. Через несколько минут ее видели на станции. Маленькую женщину с заплаканными глазами. И как раз в то самое время, когда ее сын, совершив космическое кругосветное путешествие, шел от своего корабля навстречу друзьям, она села в поезд: скорее в Москву! Узнать, жив ли, здоров ли. Поезд спешил в столицу. Мать со всех сторон слышала имя своего сына и украдкой вытирала слезы.

Кажется, весь Гжатск пришел сегодня сюда.

Растерявшиеся родственники не успевают отвечать на вопросы журналистов. Пришли сюда товарищи Юрия по школе, соседи, знакомые. Каждый рассказывает о земляке с гордостью, каждый подолгу выискивает наиболее весомые слова. Но никто не может вспомнить чего-нибудь «сверхособенного».

«Простой. Обыкновенный» — так говорили и сестра героя Зоя, и брат Борис, и еще многие, кто знал отважного космонавта.

Да, выдающийся, уже вошедший в историю, легендарный — просто Человек!

О. КУПРИН

Гжатск, 12 апреля 1961 года.

ЮРА!

к самолету. А уже через несколько минут Юрий Гагарин был в объятиях своих друзей. Его поздравляли со званием майора, ведь это звание было присвоено Юрию Алексеевичу, когда он отправлялся в свой героический полет вокруг Земли.

И хотя все присутствующие понимали, что сейчас не время мучить Юрия вопросами, все-таки не могли удержаться и спрашивали его о полете. Каюсь, спросил и я. Он положил мне руку на плечо и тихо ответил, что он чувствовал себя нормально, хорошо перенес состояние невесомости, все время поддерживал связь с Землей. Спросил, откуда я сам. И узнав, что я из военной газеты, взял у меня из рук блокнот и написал: «Желаю воинам округа отличных успехов» — и расписался: «Юрий Гагарин». Все смотрели на меня как на редкого счастливца.

Вечером я вновь встретился с Юрием Алексеевичем. Он уже отдохнул и сейчас играл в бильярд. А по радио в это время передавали записанный на пленку его голос из космоса.

— Я никогда не забуду,— сказал мне Юрий Гагарин,— то чувство огромной радости, гордости за свою Родину, которое охватило меня, когда корабль пошел на снижение. Я не очень хорошо умею петь, но тут я запел песню о Родине.

В этот момент раздался телефонный звонок. Звонила жена Юрия Алексеевича. Я не стал прислушиваться к разговору...

По телефону.

«На память дорогим родителям от сына».

В полет! Пока не космический, а самый будничный — тренировочный.

Скоро в космос. А пока дома.

Гагарины в выходной день.

Фото специального корреспондента «Огонька» В. Тарасевича.

Старт

А. ГОЛИКОВ, И. СМИРНОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Асфальтированная дорожка ведет к высокому серому зданию. Здесь первый космонавт нашей планеты Юрий Гагарин проходил подготовку к межзвездному рейсу.

— А почему Гагарин, почему из многих желающих выбрали именно его? — спрашиваем мы у научного сотрудника.

— К первому космонавту предъявлялись весьма жесткие требования, и отбор был очень тщательным. Кстати, некоторые полагали, что для космонавта главное — абсолютное здоровье, богатырское сложение и могучие мускулы. Это далеко не все. Ведь первый межзвездный полет таил в себе много неизведанного. Испытание не только физическое, но и духовное: огромная удаленность от родной планеты могла вызвать чувство одиночества, ожидание непредвиденных смертельных опасностей, растерянность. И поэтому от первого космонавта требовались не только отличное здоровье, сила, выносливость, но и устойчивая нервная система, воля, мужество. Всеми этими качествами обладал Юрий Гагарин. Он оказался одним из лучших. Профессия летчика развила в нем смелость, хладнокровие, находчивость, быструю реакцию. Летая на сверхзвуковом самолете, он испытывал значительные перегрузки, а при пикировании ему приходилось ощущать состояние невесомости.

Приходилось ему и сталкиваться с неожиданно возникавшими опасностями. Это приучило его быстро оценивать обстановку, принимать правильные решения и с железной последовательностью их выполнять.

— Такие требования предъявляются ко всем будущим космонавтам? — спрашиваем мы.

— Думается, что потом будут послабления. Ну, вот хотя бы со здоровьем. Сейчас никто не знает, каким здоровьем должен обладать межзвездный путешественник. На всякий случай мы требуем стопроцентного. А может быть, на Марс полетит космонавт в очках: отличное зрение не потребуется.

Юрий Гагарин обладает многими хорошими качествами: у него общительный, приятный характер, умение наблюдать за своими ощущениями и правильно оценивать их. Интересы его очень разнообразны: он много читает, любит театр, спорт и, конечно, авиацию.

Мы просим рассказать о том, как готовили Юрия Гагарина к полету. Научный сотрудник ведет нас в просторную, светлую комнату с гимнастическими стенками, турником, брусьями. У стены над полом натянутая резиновая сетка—батуд.

— Юрий Гагарин проходил серьезную физическую тренировку. Бег на дальние дистанции, лыжный кросс развивали выносливость, занятия со штангой — силу. Большое место отводилось упражнениям, которые должны были ему помочь освоиться с состоянием невесомости. Юрий Гагарин учился управлять своим телом в пространстве. Он прыгал с вышки в воду, нырял, плавал, выполнял под водой сложные упражнения, занимался на батуде.

Чтобы точнее координировать движения, будущий звездоплаватель подолгу тренировался на гимнастических снарядах, играл в волейбол, баскетбол, футбол.

До полета Гагарин жил за городом, в живописной местности.

День был расписан по часам. Подъем в 7 часов, зарядка пятьдесят — шестьдесят минут, потом завтрак и занятия по программе подготовки к полету. А программа была весьма обширной.

— Предписанный режим соблюдался точно?

— Да. Юрий Алексеевич придерживался его пунктуально. Он даже бросил курить.

— И водки, конечно, не пьет?

— Систематически, понятно, нет, а так, в торжественный день по русскому обычаю чарку поднимет. Ну, конечно, не во время тренировок. Все указания врачей он выполнял всегда.

Научный сотрудник показывает нам центрифугу, вибростенд и другие тренажеры. Здесь будущий космонавт привыкал переносить значительные перегрузки, которые ему предстояло испытать при взлете космического корабля, при спуске его с орбиты в земную атмосферу. В отдельной комнате стоит специально оборудованная барокамера. В ней созданы условия, близкие к тем, какие ожидались в космическом полете.

— В этой барокамере,— рассказывает научный сотрудник,— Юрий Гагарин проводил длительное время в полном одиночестве, питаясь специальной пищей, приготовленной для космических полетов.

— А можно нам попробовать «космическую» еду?

— Пожалуйста.

Научный сотрудник подает нам небольшой брикет, завернутый в целлофан. Похоже на пасту, темного цвета. Пахнет аппетитно. Пробуем: безусловно, вкусно. Даже жаль, что вторую порцию не предлагают.

— Юрию Гагарину,— рассказывает научный сотрудник,— перед полетом пришлось много и упорно заниматься. Он изучал вопросы, связанные с динамикой полета реактивного летательного аппарата, физикой космического пространства, астрономией, астронавигацией.

Первый космонавт должен был хорошо знать работы Циолковского, Цандера, свойства атмосферы Земли, устройство спутников и космических ракет.

Само собой разумеется, что Гагарин детально изучал космический корабль, на котором предстояло ему совершить космический полет. Он часами тренировался, выполняя различные действия, которые ему придется совершить в полете, включал и выключал различные краны, нажимал кнопки, рычаги. Он добился полной автоматизации дви-

ВНИМАНИЕ! НА ПРОВ

У человека каждой профессии есть своя фраза, которую он произносит всегда, перебирая главные события, пережитые им. Для журналиста вехи времени, прошедшие через его сердце, заключены в словах: «Я писал об этом...»

«Я писал об этом» — значит я был причастен к людским тревогам и историческим свершениям, сумел всмотреться в лицо дня, в глаза дня...

В общем, не так уж важно бывает, когда в такой-то день пошел снежок, какие лица смотрели с киноафиши, как была одета школьница, вдруг бросившаяся к автомобилю, откуда вырывался голос радиодиктора... Но 12 апреля каждый журналист, которого утро застало в Москве, старался собрать все подробности, обступавшие его. Ведь и через двадцать лет, когда он произнесет: «Я писал об этом»,— люди будут выспрашивать, как же выглядела она тогда, родина первого полпреда планеты Земля...

В этот день мы и встретились с несколькими нашими иностранными собратьями по перу.

Честно говоря, мы полагали, что с московского корреспондентского пункта «Нью-Йорк таймс» уже ушли за океан длинные корреспонденции и очерки, пересыпанные тысячами подробностей во вкусе американского читателя. Поэтому мы даже заготовили вопрос, обращенный к Осгуду Каразерсу и Симуру Топпингу: «Что было самым сенсационным в вашем репортаже в Нью-Йорк?»

Но Топпинг только развел руками: «Сам факт, конечно! Какие комментарии могут соперничать с этой сенсацией? В этом случае журналистское умение пасует перед деловитостью стиля ТАСС».

Может быть, ни разу в журналистском доме болгарских газетчиков Гешаковых внутрисемейная «конкуренция» не разгоралась с такой силой.

Надо сказать, у Лиляны Гешановой было некоторое преимущество перед мужем: сообщение застало ее в аплодирующем троллейбусе, когда водитель, явно рискуя войти в противоречия с ОРУДом, остановил машину и распахнул дверь возле уличного репродуктора. И, что греха таить, Лиляне хотелось, чтоб читатели именно ее газеты первыми представили это восторженное московское утро.

Когда мы пришли к Гешановым, Васил, узнавший обо всем дома, готовил вопросы к пресс-конференции с Юрием Гагариным. Первым пунктом значилось:

«Как выглядит Земля из космоса? Наверно, она похожа на ученический глобус. Правда?»

Должны огорчить Гешакова: вопрос этот уже записан не только в его блокноте, и, может быть, он не будет первым, кто задаст его. Во всяком случае, Кикутаро Ман, корреспондент японского агентства Цусин, тоже собирается спрашивать об этом Гагарина.

Однако одно сообщение, видимо, передано в Японию не будет — сообщение о том, какую реакцию вызвал полет Гагарина в семье самого Мана. На стене кабинета висят красочные рисунки пятилетней дочки Мана. И, надо сказать, тематика их весьма разнообразна. Когда после сообщения Ман спросил дочку, не собирается ли она нарисовать космонавта, та заявила решительно:

— Нет. Я должна теперь полететь сама и нарисовать землю и небо.

Что же касается корреспондента «Юманите» Макса Леона, то он не стал ждать ни собственного полета в бездонность галактики, ни пресс-конференции с Гагариным. Впрочем, газета и не давала для этого времени: с самого утра вся редакция была в сборе и, готовя экстренный выпуск газеты, требовала от Леона подробностей.

И Макс поступил весьма предусмотрительно, когда накануне взял

жений, безошибочно находил нужный выключатель или рычаг с завязанными глазами.

Большую работу проделали ученые и врачи для создания абсолютной безопасности первого космического путешествия человека. Корабль «Восток» был снабжен надежной аварийной системой, обеспечивающей спасение космонавта в случае каких-нибудь неполадок при спуске на Землю.

Кроме того, были тщательно продуманы все вопросы, связанные с сохранением жизни и здоровья космонавта при приземлении его в различных географических районах Земли: в тундре, тропиках, пустыне, океане, на реке, в горах...

Программа обучения предусматривала и небольшое медицинское образование, чтобы космонавт мог оказать себе первую помощь.

Юрий Гагарин прошел дополнительную парашютную подготовку, выполнил несколько парашютных прыжков методом катапультирования. Он тренировался в применении кислородных приборов, кислородных масок, в противоперегрузочном костюме.

Когда подготовка закончилась, наступил день полета.

— Ясным весенним утром врачи еще раз осмотрели Юрия Гагарина, помогли ему надеть скафандр,— рассказывает научный сотрудник.— Потом первый звездоплаватель поднялся в кабину космического корабля, занял свое место. Он, полулежа на кресле, пристегнул себя ремнями. Пилот космического корабля был спокоен. Глядя на него, не верилось, что предстоит полет, который потребует от него напряжения всех духовных и физических сил. Словно прощаясь у дачного поезда, он помахал рукой, и тяжелая металлическая дверь кабины закрылась.

На ракетодроме все замерло в ожидании исторического момента. По микрофону сообщили: «До старта космического корабля-спутника «Восток» остается пять минут». Врачи, ученые, инженеры склонились над телеметрическими приборами, замерли возле экранов телевизионных устройств. И вот раздается команда «пуск». Оранжевое пламя до половины охватывает гигантский корпус космического корабля, он вздрагивает и сначала медленно, как бы нехотя, отделяется от Земли и, набирая скорость, стремительно уносится вверх, исчезает с глаз, словно растворяется в голубом небе. Историческое событие началось. Советский человек выполнял космический полет.

ПОТРЯСАЮЩЕ!

— Что вы думаете о первом в истории полете человека в космос?

На вопрос «Огонька» отвечают:

великий киноартист,
парламентарии из Ливии,
видный политический деятель ФРГ,
французский ученый,
австрийская писательница.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН:

— Прошу редакцию «Огонька» передать советским людям: «Поздравляю со смелым и вдохновенным достижением! Восхищен!»

ВО ИМЯ МИРА, ВО ИМЯ ПРОГРЕССА

Члены ливийской парламентской делегации восхищены беспримерным подвигом советской науки и техники, пославших первого человека в космос. Мы горячо поздравляем всех ученых и рабочих, которые внесли вклад в это величайшее дело во имя мира и прогресса.

Ливийский народ вместе с советским народом радуется небывалому в истории событию.

Космический корабль носит название «Восток». Мы считаем, что не только солнце восходит на востоке. Восток, колыбель цивилизации, обогащает мир новыми открытиями, значение которых трудно охватить умом.

Сенусси ХАМАДИ,

заместитель председателя палаты депутатов парламента Соединенного Королевства Ливии.

12 апреля войдет в историю как незабываемый день. Советский народ ликовал, и мы, члены ливийской парламентской делегации, были охвачены вместе со всеми величайшей радостью.

Запуск космического корабля, в котором находился майор Юрий Гагарин,— яркое свидетельство великого искусства и гениальности советских ученых. Им принадлежит первенство в исследовании межпланетного пространства!

Мы выражаем надежду, что величайшее в истории событие послужит делу мира во всем мире, укреплению дружбы между народами.

Ливийская парламентская делегация поздравляет Советское правительство с достигнутым под его руководством беспримерным успехом.

Милуд ХАЛИЛ,

член сената Соединенного Королевства Ливии.

ЭПОХАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

То, что произошло, не было неожиданностью: после прежних замечательных успехов советской ракетной техники и экспериментов с животными мир готовился услышать о первом полете человека. И все же эпохальное событие потрясло всех. Можно только поздравить советских ученых и инженеров.

Я очень надеюсь, что этот огромный успех советской науки и техники заставит политических и государственных деятелей, ученых и техников на всем земном шаре задуматься над тем, как подчинить грандиозные победы человеческого разума миру, благу человечества.

Еще раз самые горячие и сердечные поздравления.

Д-р Эрих МЕНДЕ,

председатель Свободной демократической партии Германии, председатель фракции СвДП в бундестаге ФРГ.

НЕСЛЫХАННЫЙ НАУЧНЫЙ ПОДВИГ

Впервые я приехал в Советский Союз и очень взволнован, что мой приезд совпал с великим событием.

Я не специалист в области ракетостроения, но я отдаю себе отчет в тех трудностях, которые стояли перед людьми, совершившими этот неслыханный научный подвиг.

От чистого сердца поздравляю советских людей с изумительным успехом, которого они достигли.

Пьер КУТЮР,

генеральный управляющий, уполномоченный правительства по Комиссариату атомной энергии Франции.

ЧЕЛОВЕК ВСЕСИЛЕН

Горда и счастлива, услышав одну из самых великих новостей, которые когда-либо узнавало человечество.

Кончились годы, столетия, тысячелетия, когда человек был прикован к Земле.

Начался новый век — век неслыханных возможностей, немыслимой в прежние времена свободы человеческого гения.

Советский Союз еще раз доказал всему миру, что человек, свободный от эксплуатации, ставший хозяином своего настоящего и своего будущего, всесилен!

Ева ПРИСТЕР,

австрийская писательница.

...ДЕ — МОСКВА...

интервью у профессора Парина, попросив его описать возможное зрелище.

Теперь в корреспонденции уже рисовались иллюминаторы, за которыми космонавту открывался голубоватый шар Земли, похожий на гигантскую Луну, черное, без глубины небо и лишенные ореола пронзительно-яркие звезды.

Правда, Леон был вынужден признаться, что, возможно, после рассказа самого Гагарина это описание станет просто-напросто научной фантастикой, но сейчас Париж ждал, и Леон диктовал и диктовал...

Диктовал и корреспондент агентства ДПА из Западной Германии И. Вистинос. И когда мы пришли к нему, он уже, видимо, изнемог и от пишущей машинки и от бесконечных телефонных разговоров.

— Я уже три дня не ем, не сплю!— сокрушенно вздохнул он.— Какая-то газета опубликовала сообщение о том, что советский космонавт взлетел несколько дней назад, и теперь меня одолевает вопросами вся Западная Германия!

Но если любой журналист мог сказать, что ему здорово повезло, потому что он был в Москве в этот день, Станислав Козловский чувствовал себя глубоко несчастным: нужно же было попасть в больницу как раз в то время, когда слушатели польского радио не отходят от репродукторов!

А польское радио вызывало своего корреспондента... И все-таки Польша услышала репортаж из Москвы. Правда, на этот раз голос ведущего репортаж был неожиданно женский. Передавала Ева, жена Станислава.

Уже восемь лет, как не приходилось ей заниматься журналистикой, но сегодня...

Рассказывая нам об этом, Ева улыбнулась:

— Журналисты, как солдаты: если выбывает один, на его место должен встать товарищ.

Вот что хотелось рассказать нам о своих товарищах по профессии. В этот день не имело значения, какое направление представляет та или иная газета. Нас всех объединяла фраза, которую когда-нибудь будем произносить и мы: «Мы писали об этом...»

Галина ШЕРГОВА

1. — Комментарии? Пока без комментариев, — передает Осгуд Каразерс.
2. Кажется, самой оперативной из Гешаковых оказалась Марианка: она уже здоровается с Гагариным.
3. Вот и место на стене кабинета для нового рисунка дочки Мана.
4. Каких еще подробностей потребует Париж?
5. Да, денек был нелегким! И Вистинос и машинка поработали «на полную силу».
6. Ева стала сегодня радиокомментатором, а кот вправе мечтать о славе Чернушки.

Фото А. Узляна.

НАЕДИНЕ СО ВСЕЛЕННОЙ

А. НИКОЛАЕВ,
кандидат медицинских наук

...Нескончаемые вереницы немигающих, холодных, ослепительно ярких звезд. Среди них Земля. Это ее голубоватый диск висит в черной глубине Вселенной. И, огибая родную планету, мчится крохотная звездочка — космический корабль. На его борту первый сын Земли, посланный в далекую разведку,— Юрий Алексеевич Гагарин.

Но это космическое путешествие началось не тогда, когда корабль с человеком на борту взял старт с Земли. Это случилось много раньше. Мысли и опыты ученых складывались в четкие математические формулы, инженеры склонялись над чертежами, биологи и врачи следили за состоянием и самочувствием человека в барокамере...

Родились новые науки, проложившие человеку путь в космос. Одна из них — космическая психология.

ЧЕЛОВЕК ИЛИ «ЭЛЕКТРОННЫЙ МОЗГ»?

После запуска и благополучного возвращения советских космических кораблей-спутников ученые приступили к непосредственному изучению вопросов, связанных с полетом человека на другие планеты нашей солнечной системы. Сначала по неизведанным космическим трассам полетели межпланетные станции, сложные электронные устройства, собирающие и передающие на Землю ценнейшие сведения. Почему же они оказались первыми разведчиками космоса? Приборы обладают качествами, которых нет у людей: на них меньше действуют перегрузки, вибрации, крайне низкие и высокие температуры. Сейчас уже созданы очень умные машины-автоматы — «электронный мозг», который удерживает в памяти десятки тысяч информаций и выдает их, когда потребуется.

— Зачем же тогда человеку лететь в космос, если за него все могут сделать машины? — спрашиваете вы.

Прежде всего потому, что знания человека представляют собой более высокую ступень по сравнению с любым автоматическим устройством. Мозг человека обладает эквивалентом в 10 биллионов электронных трубок. Высшие отделы коры больших полушарий у человека могут удержать до 15 триллионов отдельных информаций. Эта способность неизмеримо выше возможностей самой мощной электронно-вычислительной машины. Кроме того, нервная система человека обладает такими способностями, как уравновешенность, подвижность и гибкость при решении сложных вопросов, тогда как «электронный мозг» делает лишь то, что ему задали.

Программирование сложных машин не всегда обходится без ошибок. И тогда машина будет давать бессмысленные ответы, не «чувствуя» своей ответственности, не «понимая» своих ошибок. Кроме того, дистанционное управление приборами на большом расстоянии не всегда обеспечивает точное и качественное измерение нужных сведений. Да и количество сведений, которые в настоящее время можно передать с другой планеты, еще крайне ограничено, тем более что часть их может теряться при кодировании и воспроизведении сигналов.

Человек же, конечно, сможет использовать измерительные приборы с бо́льшей пользой; сможет регулировать их и даже в случае надобности исправлять. Человек в космосе поставит такие опыты и передаст такие ценные сведения, чего никогда не сделает ни один, даже самый совершенный, электронный прибор.

«РАСПОРЯДИТЕЛЬ И РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ»

Великий русский физиолог И. П. Павлов писал: «Деятельность нервной системы направляется, с одной стороны, на объединение, интеграцию работы всех частей организма, с другой — на связь организма с внешней средой». При этом кора головного мозга является, по образному выражению И. П. Павлова, «распорядителем и распределителем» всей деятельности организма.

Как известно, восприятие внешнего мира происходит благодаря функционированию органов чувств. И. П. Павлов разработал теорию их работы, которая нашла свое отражение в его учении об анализаторах. Каждый анализатор, будь то зрительный, слуховой или тактильный, имеет три основные части: рецептор — воспринимающие окончания нервов, проводящие пути — нервные волокна и так называемое корковое представительство анализатора — участки коры головного мозга.

Физиологические процессы, происходящие в анализаторе, составляют материальную основу восприятия, сущностью которого является правильное отражение нашим сознанием событий, протекающих вне нас.

Как повлияет космическое путешествие на психику человека, на его нервную систему?

Как почувствует он себя на близкой нашей соседке Луне или на загадочном Марсе?

Многие зарубежные ученые утверждали, что психика человека не сможет выдержать отрыв от Земли и длительную изоляцию. При этом даже ссылались на многочисленные опыты и наблюдения.

Первые эксперименты по изучению влияния на организм длительной изоляции были проведены известным английским психологом профессором Д. О. Геббом. Испытуемые находились в небольшом помещении столько времени, сколько человек может выдержать. Люди были в специальных очках, пропускающих только рассеивающий свет, в наушниках, на руках специальные перчатки. Голова человека находилась на губчатых резиновых подушках. Камера постоянно была освещена и обеспечивалась кондиционированным воздухом. Движения испытуемого были скованы, а спать, наоборот, разрешалось неограниченное время.

После 3—4 дней около 90% испытуемых пришлось отстранить от участия в экспериментах. С остальными опыт продолжался в течение 10 дней. Было установлено, что отсутствие внешних раздражителей при длительной изоляции приводит к развитию умственного напряжения, повышению возбудимости, беспокойству и отсутствию сна. В отдельных случаях возникали галлюцинации и склонность к фантазированию.

Недавно за рубежом делали и такой опыт.

Человека клали в ванну, наполненную водой такой же температуры, как человеческое тело. Ванну помещали в звуко- и светонепроницаемую кабину. Чтобы выключить не только зрение и слух, но и осязание, между телом человека и ванной также существовал изолирующий слой. Человек не мог двигаться и лишался ощущений, идущих от мышц и суставов.

Долго находиться в таком состоянии человек не мог. У него появлялись признаки расстройства сознания, галлюцинации.

Но ведь полет в космос не имеет ничего общего с подобным прозябанием человека!

Пассажир межпланетного космического корабля совсем не будет выключен из жизни. Он сможет и видеть, и слышать, и осязать. Он будет двигаться и вести ценнейшие научные наблюдения. Пример этому — первый в истории человечества пилот космического корабля Юрий Гагарин. Пример этому — его репортаж из космоса.

Пролетая над Южной Америкой, он передал по радио: «Полет проходит нормально, чувствую себя хорошо».

Теперь кажутся смешными слова скептиков о том, что психика человека не выдержит отрыва от Земли. Ведь были люди, которые даже всем летчикам предсказывали психические заболевания. Были и такие, кто утверждал, что не только летчики, а даже пассажиры обыкновенного поезда должны «тронуться» в уме от «бешеной скорости».

ТЕМНОТА МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

И все же вид, открывающийся перед космонавтом в мировом пространстве, сильно отличается от того, что человек привык видеть на Земле. Эта разница возникает главным образом из-за отсутствия в космосе светопоглощающей и светорассеивающей газообразной среды, в результате чего образуются чрезмерные контрасты между ослепительной яркостью и густой темнотой. Такие условия могли бы создавать для астронавта грандиозную экзотическую панораму. Однако они представляют определенную опасность для его зрения.

За пределами светорассеивающих слоев земной атмосферы солнце предстает перед взором космонавта как блестящий диск, окруженный темнотой космоса. Яркий солнечный диск может ослепить межпланетного путешественника. Однако это не все.

За пределами земной атмосферы интенсивность солнечного излучения приблизительно на 50% больше, чем на Земле. Когда человек переводит взгляд от темного неба на солнце, то его глаза не успевают приспособиться к такому интенсивному излучению сужением зрачка. Для образования ожога сетчатки в космосе, за пределами земной атмосферы, достаточно воздействия солнечной радиации на глаз в течение 10 секунд или менее. А зрительные расстройства прежде всего скажутся на психике космонавта.

Значит, необходимо защищать глаза, по крайней мере, при нахождении в сферах, ближних к Солнцу и Луне. Такая защита может быть обеспечена при помощи светорассеивающих очков. Будущие пассажиры межпланетных кораблей должны знать и подготовиться к яркости нашего светила.

НА КОСМИЧЕСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Итак, свершилось историческое событие, сбылась самая дерзновенная мечта человека. Первый космонавт Юрий Гагарин здоровым и невредимым вернулся на Землю.

Это только первый шаг, который крайне важен и очень необходим для последующего проникновения в «околосолнечное пространство».

Полет на другие планеты имеет свои отличительные особенности от орбитального полета корабля-спутника вокруг Земли. Межпланетный корабль должен иметь систему не только для возвращения на Землю, но также и для посадки на чужую планету и последующего взлета.

Решение этих задач потребует значительного увеличения стартового веса, так как потребуется ракетное топливо не только для взлета с Земли, но и для посадки и взлета с другой планеты.

По мнению зарубежных ученых, наиболее экономично стартовать межпланетному кораблю с орбиты спутника Земли. Для полета к далеким мирам в качестве промежуточной станции природа как бы сама заготовила для нас естественный спутник — Луну. Для этого прежде всего и надо обследовать нашу небесную соседку. Как известно, Луна не очень-то гостеприимна, на ней практически отсутствует атмосфера, имеют место резкие колебания температуры в течение суток. Поэтому надо решить не только медико-биологические проблемы самого космического полета, но и проблемы жизнеобеспечения при длительном пребывании на Луне.

Однако обеспечение астронавта пищей, кислородом — это еще не все. И здесь не следует забывать о психологии человека. Представьте себе мертвую, безлюдную пустыню Луны. Нет ни одного деревца, ни травинки, ни голубого неба, ни всплеска морской волны, ни освежающего ветерка, а лишь черная бездна космоса и ослепительно горящие звезды.

Или представьте себе красную пустыню Марса, или кипящий океан Венеры...

Конечно, все это окажет влияние на психику человека при его длительном пребывании в этих условиях.

Поэтому первой и наиболее целесообразной рекомендацией космической психологии является периодическая смена космонавтов.

Ну, а если уж космонавты очень затоскуют по родной планете, то современная радиоэлектроника предоставляет к их услугам телевизор.

И, может быть, улыбка близких и друзей или хорошая пьеса из МХАТа рассеет дурное настроение и благотворно отразится на нервной системе. Но космонавту скучать будет некогда. Он будет весь поглощен большой исследовательской работой.

Сколько неизведанного встретит он на своем пути! Ведь от него будут ждать ответа астрономы и биологи, врачи и физики, инженеры... Да стоит ли перечислять все специальности, для развития которых космическое путешествие дает очень много!

«СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ ЧЕЛОВЕК»

До сих пор мы с вами разбирали влияние условий космического полета на психику человека несколько абстрактно. Мы говорили о человеке вообще и не говорили, что это за человек. Ведь советский человек полетит на другие планеты не ради денег и славы, не ради захвата чужих территорий и поисков новых ракетных баз, а ради высокой цели познания неизведанных тайн космоса, ради блага людей на Земле. Он будет считать честью, что полет доверили именно ему — человеку Советской страны.

А когда человек верит в правоту и великий смысл своего дела, даже общие, казалось бы, бесспорные законы человеческой психологии раскроются с совершенно неожиданной стороны. Возьмите Николая Кибальчича, Юлиуса Фучика, четверку отважных советских солдат, давших всему миру пример мужества и товарищества. И, наконец, Юрия Алексеевича Гагарина — первого в истории человечества космонавта.

Зарубежные ученые не раз писали об отрицательном влиянии одиночества на психику пассажира космического корабля. Но советский человек Юрий Алексеевич Гагарин не чувствовал себя одиноким. Он поддерживал двустороннюю радиосвязь с земным шаром и знал, что каждый человек, затаив дыхание, следит за его полетом, прислушивается к его сигналам, восхищается его мужеством. Какое же это одиночество!

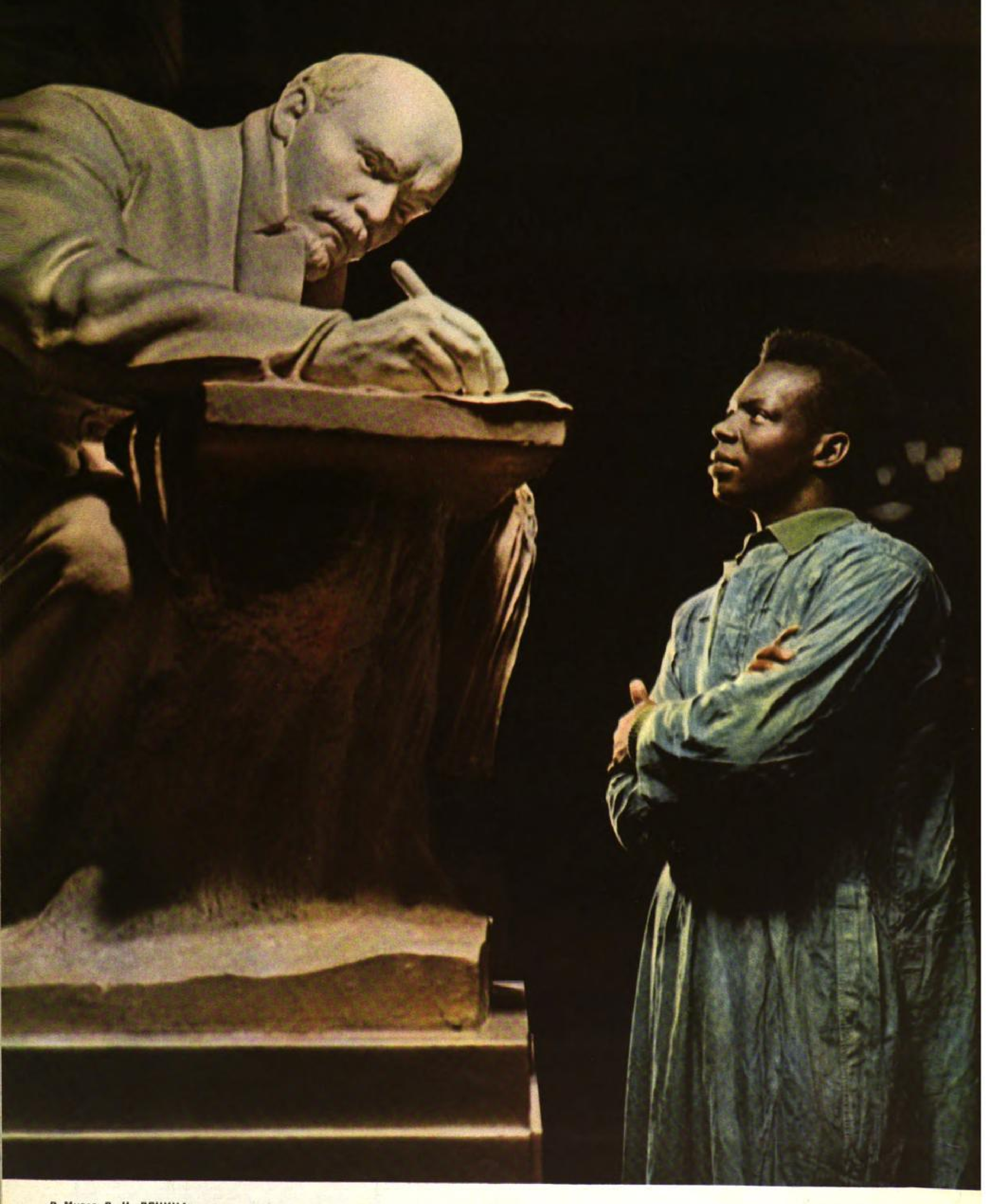
То, что еще вчера казалось мечтой фантастов, то, о чем не решались слагать даже песни, сегодня стало уже пройденным этапом. Первый в истории человечества пилот космического корабля совершил облет вокруг земного шара. И недалек день, когда по неизведанным космическим трассам пронесутся первые межпланетные корабли с экипажем на борту!

В связи с тем, что в последние часы работы над этим номером журнала произошло замечательное событие — космический полет Юрия Гагарина, — очерк «Родниковская быль», объявленный на обложке, переносится в один из ближайших номеров.

ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ.

Фото Дм. Бальтерманца.

В Музее В. И. ЛЕНИНА.

Фото Дм. Бальтерманца.

Родословная счастливого поколения

Галина КУЛИКОВСКАЯ, А. УЗЛЯН

...высшим счастьем нашего и вашего поколения является борьба за коммунизм...

Из письма Петра Заломова ученикам Вырицкой средней школы Ленинградской области.

Каждый день ровно в шесть часов утра в прозрачном по-весеннему воздухе дрожит и ревет заводской гудок. Его густой, низкий бас плывет над тихими, погруженными в сон поселками. Вставай, сормович!.. И раскрывают десятки разноцветных глаз разноликие дома. Большие и малые, красные, светло-желтые и бирюзовые, кирпичные и еще не уступившие им своего места побуревшие деревянные — все они одинаково послушны гудку. Просыпаются и улицы: выбегают, весело позванивая, трамваи, выползают, шипя упругими дугами, троллейбусы, мягко шуршат по асфальту, выбрасывая голубоватые дымные струйки, автомобили. Все шумнее, людней в Сормове.

Второй гудок — через пятьдесят минут. Он напоминает: приготовься, сормович! Торопись! Эй, поспешай, если ты еще не в проходной! Осталось всего десять минут!

Ровно в семь часов — третий гудок. В его рев вплетается мощный гул и рокот тысяч машин, аппаратов, станков, печей... Рабочий день начался!

Так было, так есть и так будет!

Гудки подымали и звали рабочих и сто лет назад и пятьдесят, когда жили и боролись герои горьковской «Матери». Они подымают и зовут армию наследников Павла Власова — Петра Заломова, ставших подлинными хозяевами «Красного Сормова». Они еще долго — пятьдесят, сто и больше лет, пока просуществует завод,— будут подымать и звать людей на труд! Такова сила традиций, которые пощадило время. Переживая века, они входят в нашу жизнь обновленными, а иногда даже утратившими первоначальный смысл, но все же существуют.

Василий Алексеевич Рыбаков тоже слышит сквозь дрему призывные гудки, хотя ему незачем вставать и некуда торопиться. Вот уже пять лет, как в обычный для всех час не озаряются его окна на втором этаже большого каменного дома. Тихо и сонно в комнате. Спит Анна Ивановна, жена. А Василий Алексеевич не спит. Чуткое, натренированное за долгие годы ухо улавливает знакомый зовущий звук. Старый рабочий подымает с подушки седую голову и молча прислушивается. Нет, не зовет он сейчас, а напоминает, и бегут-бегут вереницей тени минувшего...

Как напугал его, деревенского мальчонку, заводской гудок в первую же сормовскую ночь! Ревел он не в шесть, как сейчас, а в четыре утра. Ошалело вскочил Вася с тюфяка, разостланного на полу. Мать мягко подтолкнула его: «Спи, это не тебе еще...» А он со страхом смотрел в бездонную черноту за стеклом, в которой появлялись и пропадали еще более черные призраки. Люди подчинялись гудку.

Потом был весенний день, сначала хмурый, а во второй половине ясный и солнечный, и в этот день не все рабочие почему-то повиновались гудку. Многие не шли на завод, а чисто одетые, какие-то праздничные, собирались в переулках, громко разговаривали, пели. После обеда это были не группки, а большая толпа, запрудившая главную дорогу. И вдруг посредине ее возникла стройная колонна. Она двигалась к их дому — жили Рыбаковы как раз в том месте, где сейчас красуется нарядный кинотеатр «Буревестник». Колонна росла, формировалась в ряды, приближалась.

— Гляди-ко, гляди-ко, флаги несут! Красные! — кричали мальчишки, Васины дружки.

Но тут из переулка, как из подземелья, печатая шаг, блестя штыками, замаршировали солдаты.

Рабочие дрогнули, замешкались, и Вася увидел — было это как раз возле самого его дома,— что высокий, бледнолицый, темноволосый человек с красным полотнищем в руках оторвался от колонны и пошел навстречу солдатам и штыкам. Один из всех! Вася зажмурился...

Повзрослев, он узнал, что это был Петр Заломов, рабочий завода, такой же, как и все остальные, и что — но это уже передавалось шепотом — он революционер, и его сослали потом в Сибирь.

А через три с половиной года молодой слесарь паровозосборочного цеха Василий Рыбаков стоял на баррикаде, перегородившей ту же самую большую дорогу, по которой со знаменем в руках шагал Петр Заломов. Над баррикадами алело красное знамя, точно такое, как было тогда у Заломова.

Два дня сражались дружинники с полицией и войсками. Два дня не уходил с баррикад Василий. За ранеными ухаживали женщины, и была среди них круглолицая сестра милосердия Аннушка, будущая жена Рыбакова. И случилось же так, что живут они сейчас в четырехэтажном каменном доме как раз вблизи того перекрестка, где стояли баррикады и где теперь каждый шаг напоминает об этом: школа с мемориальной доской, где находился штаб, улица, носящая имя Баррикад, памятник Владимиру Ильичу Ленину с высеченными на постаменте словами: 1905 год—это «генеральная репетиция».

Тревожный и надрывный, долгий гудок, который подал в памятное утро 12 декабря 1905 года слесарь сормовской электростанции И. М. Олимпиев, был заранее условленным. Он означал сигнал к восстанию. Для Василия Рыбакова и многих других членов партии это был последний заводской гудок. После декабрьских событий на завод не брали. Даже служба в армии не увеличила «благонадежности» Василия Рыбакова. В период разгула реакции пришлось скитаться и в поисках работы уехать в Среднюю Азию.

Только много лет спустя, в начале тридцатых годов, Василий Алексеевич услыхал родной сормовский гудок. И тогда показалось ему, что и звучит он совсем иначе: молодо, бодро и весело. Он с легким сердцем прислушивался и слушался его изо дня в день, из года в год, все двадцать два года подряд. А вот сейчас он на пенсии, на заслуженном отдыхе. Не нужен ему гудок, и он не нужен гудку. Грустновато. Однако на заводе помнят, и почитают, и уважают ветерана-сормовича. Приезжал Никита Сергеевич — пригласили. Встречал, разговаривал с товарищем Хрущевым. Вон на стене фотография, на которой запечатлен как раз этот момент...

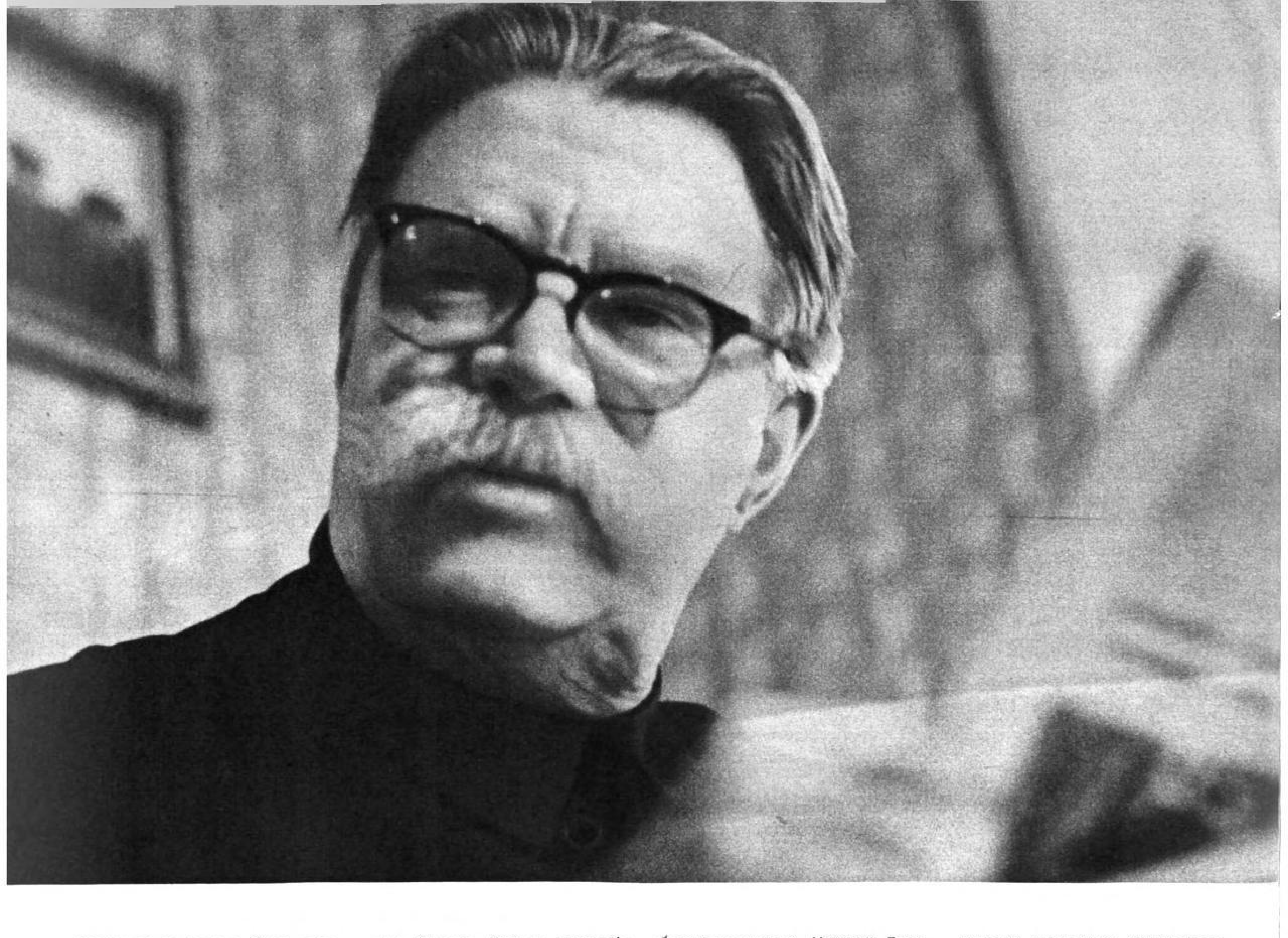
Живыми ручьями под аккомпанемент второго гудка вливается на завод утренняя смена: слесари, сборщики, сварщики, литейщики, фрезеровщики, столяры, машинисты, крановщики... Ручьи растекаются по цехам. Идет к своей полыхающей жаром мартеновской печи Герой Социалистического Труда сталевар Николай Иванович Анищенков. Это и он был делегатом от горьковской партийной организации на XXI съезде партии.

Большим стал его цех. Разрослось на «Красном Сормове» сталелитейное дело. Именно здесь еще в прошлом веке русский инженер А. А. Износков поставил первую в России мартеновскую печь. Неузнаваемо, несравнимо изменилось все с тех пор. Построены и еще строятся для мартенов новые корпуса, в которые вносится все то лучшее, что дает наука и техника. Печи работают на кислородном дутье. Сооружены две установки непрерывной разливки стали. Готовится третья, такая же.

Но самое чудесное творится, конечно, в сборочных цехах. Начинается оно еще в светлых, тихих конструкторских залах и, совершив длинное путешествие по заводу, приходит на сборку. Здесь финиш. Здесь девяносто лет назад — в 1871 году — был построен первый двухпалубный пассажирский пароход — предок современных речных кораблей. Именно здесь воплотилась и смелая мечта коммуниста-конструктора Ростислава Евгеньевича Алексеева о летучем, на подводных крыльях, судне. Впервые в мире со стапелей сормовского завода вышла на большую орбиту «Ракета». А сейчас в Сормове собирается экспериментальный серебристый морской экспресс, трехсотместный «Спутник». Такой же «Спутник», только для рек, будет построен к XXII съезду партии.

К уникальным детищам «Красного Сормова» скоро можно будет отнести дизель-электрический железнодорожный паром для Каспийского моря и гигантский самоходный кран для нефтяников Азербайджана. К открытию съезда должен быть спущен на воду сухогрузный озерный теплоход «Патрис Лумумба». А вот и «рядовая» продукция сормовичей: самые различные грузовые суда, и среди них танкеры, танкеры, танкеры...

Сергей Дмитриевич Военнов — как раз крупнейший специалист по танкерам. Сборка по классу самой высокой точности доверяется только ему, не имеющему себе

равных во всем цехе. И это вполне закономерно. Проработал же его род на заводе сто десять лет! Здесь родился его дед Игнатий Военнов, здесь появился на свет его отец Дмитрий Военнов, здесь в канун империалистической войны дал о себе знать миру громким криком он сам — Сергей Военнов.

...Формовщик Игнатий Военнов пришел в мастерские в первые дни их существования — сто десять лет назад, когда сарай, называвшийся литейной, озаряли лишь вспышки расплавленного металла. Может быть, ему приходилось встречать на грязных, ухабистых сормовских дорогах столяра, приехавшего из Питера? Это Степан Халтурин пытался создать рабочую организацию здесь, в Сормове. Потом Игнатий привел в литейную тринадцатилетнего Дмитрия, своего сына. Парнишка оказался смышленым и в работе и в политике. Освоил фасонное литье и... угодил в Балахнинскую тюрьму. Первого достиг благодаря Игнатию и своему старанию, а в тюрьму попал за участие в покушении на сормовского пристава. Знакомство с решеткой, вероятно, не охладило его горячую голову, потому что в грозные дни Октября, выполняя задание партийной организации, бесстрашно добывал оружие для отрядов красногвардейцев.

А с 1926 года, когда ходил на завод еще отец, поступил в ученики слесаря Сергей Военнов — внук Игнатия. Ему не понадобилось покушаться на пристава, досадившего изрядно рабочим, по той простой причине, что приставов к тому времени уже не существовало, и не пришлось ему, как некогда отцу, вывозить в собачью яму в тачке мастера за его издевательства над рабочими. Ударник коммунистического труда, коммунист Сергей Дмитриевич Военнов ныне сам стоит на страже законности. Он народный заседатель Верховного суда РСФСР.

На заводе можно познакомиться и с правнуком формовщика Игнатия Военнова. Сын Сергея Дмитриевича Анатолий Военнов работает в конструкторском отделе и учится в политехническом институте, и, конечно же, на кораблестроительном факультете! Он, потомок рабочего-кораблестроителя, хочет сам создавать новые корабли. И он добьется этого!

Вот она, прямая эстафета четырех поколений старинного сормовского рода! Ее пример далеко не исключение. Внуки, дети, братья, сестры коренных сормовичей умножают сегодня дела и подвиги своего завода. И будут умножать!

Никому не известно пока имя этого юноши. Еще по-детски округло его лицо, доверчиво и широко раскрыты жадные ко всему глаза. Перед ним вся жизнь, перед ним весь мир. Не темным мальчонкой в опорках и крестьянской рубахе явился он в Сормово, как некогда Вася Рыбаков и тысячи ему подобных деревенских ребят, гонимых нуждой. Николай Торопов в строгой форменной гимнастерке с серебристыми пуговицами. Трудовые резервы! Он будущий сборщик кораблей. Может быть, потом, много лет спустя, он станет Героем Социалистического Труда, как сталевар Николай Анищенков, или депутатом Верховного Совета СССР, как токарь Анатолий Годяев, или партийным работником, как А. А. Рыбаков — секретарь райкома партии. Перед Николаем Тороповым открыты все дороги...

Семьсот юношей и девушек учатся в ремесленном училище № 3. Семьсот юношей и девушек готовятся стать слесарями, сборщиками, станочниками, столярами, сварщиками. Для них еще не пропел боевой рабочий гудок. Они для него еще не созрели. Но наступит день, и долгожданный победный бас призовет их в армию рабочего класса — к станкам, на стапеля, к мартенам и верстакам. Будущее — за ними!

...Три часа дня. Не семь часов вечера, как в былые горьковские времена, а три часа дня. Бездонна безоблачная голубизна, солнце и не думает садиться, а стоит высоко и светит, отраженное широкими окнами новых домов, училищ, техникумов, многочисленных школ и клубов.

Солидно, степенно, долго — ровно в три часа — рокочет заводской гудок. Конец смене! И сразу становится тесно на улицах старинного Сормова. Заполонила их оживленная, шумная толпа. Впереди, до сна, еще по крайней мере семь свободных часов, и каждый волен распоряжаться ими по-своему: воспитывать детей, заниматься спортом или общественными делами, смотреть фильмы и спектакли, или читать, или учиться. Идет в школу рабочей молодежи сталевар Николай Анищенков. А его подручный Владимир Захаров готовится к экзаменам в институт. Садится за книги комсомолец Юрий Горячев — помощник Сергея Дмитриевича Военнова. Он тоже собирается стать студентом. Торопится на лекции Анатолий Военнов. И даже ремесленники бегут в школу. В свою школу рабочей молодежи. Без отрыва от производственного обучения завершают они среднее образование. Такое сейчас наступило время — нельзя отставать.

Им, строителям коммунизма, людям счастливого поколения, самой историей присуждено знать много!

Не о такой ли жизни для рабочего человека мечтали Павел Власов и Ниловна, Андрей Находка и Николай Весовщиков? Все, за что они боролись, за что страдали, сбывается... В едином строю, в одной шеренге, к одной цели поколение за поколением идут юные и убеленные сединой сормовичи. Над ними, наследниками Петра Заломова, полыхает красное знамя, почти шестьдесят лет назад поднятое его смелой рукой!..

←
Василий Алексеевич Рыбаков.

Дед и отец Сергея Дмитриевича Военнова (справа) работали тут же, в Сормове.

Перед Николаем Тороповым вся жизнь впереди, перед ним весь мир!

Леонид СОБОЛЕВ

РУКОПОЖАТ

←
Здесь шутят, что в окрестностях Ла Паса никогда не бывает дождей, потому что тучи проходят ниже гор.

1. Ла Пас

В полдень 21 декабря мы поднялись в Буэнос-Айресе и пошли на небольшой высоте — тысяч пять метров — над равнинами Аргентины. Потянулись зеленые квадраты с редкими домиками в центре, расчерченные каналами и прямыми дорогами. Затем земля начала буреть по цвету и бугриться по рельефу и постепенно приближаться к самолету снизу: начался подъем земной поверхности к гигантскому хребту Андов, вставшему могучей стеной вдоль побережья Тихого океана. Мы приближались к удивительной высотной стране, сама столица которой, Ла Пас, находится на высоте 3 800 метров. Что же касается самолета, то ему предстояло приземлиться на «самом высоком аэродроме земного шара, на высоте 4 080 метров», как оповещал рекламный проспект авиакомпании «Панагра».

В окне выросла величественная снежная громада, сверкающая острыми синеватыми изломами льдов, врезанная в синий, туго натянутый шелк безоблачного неба, как гигантский алмаз. Это был пик Иллимани, царствующий над высоким плоскогорьем, божественный фетиш древних индейцев, властителей этих мест. Скоро впереди показался аэродром.

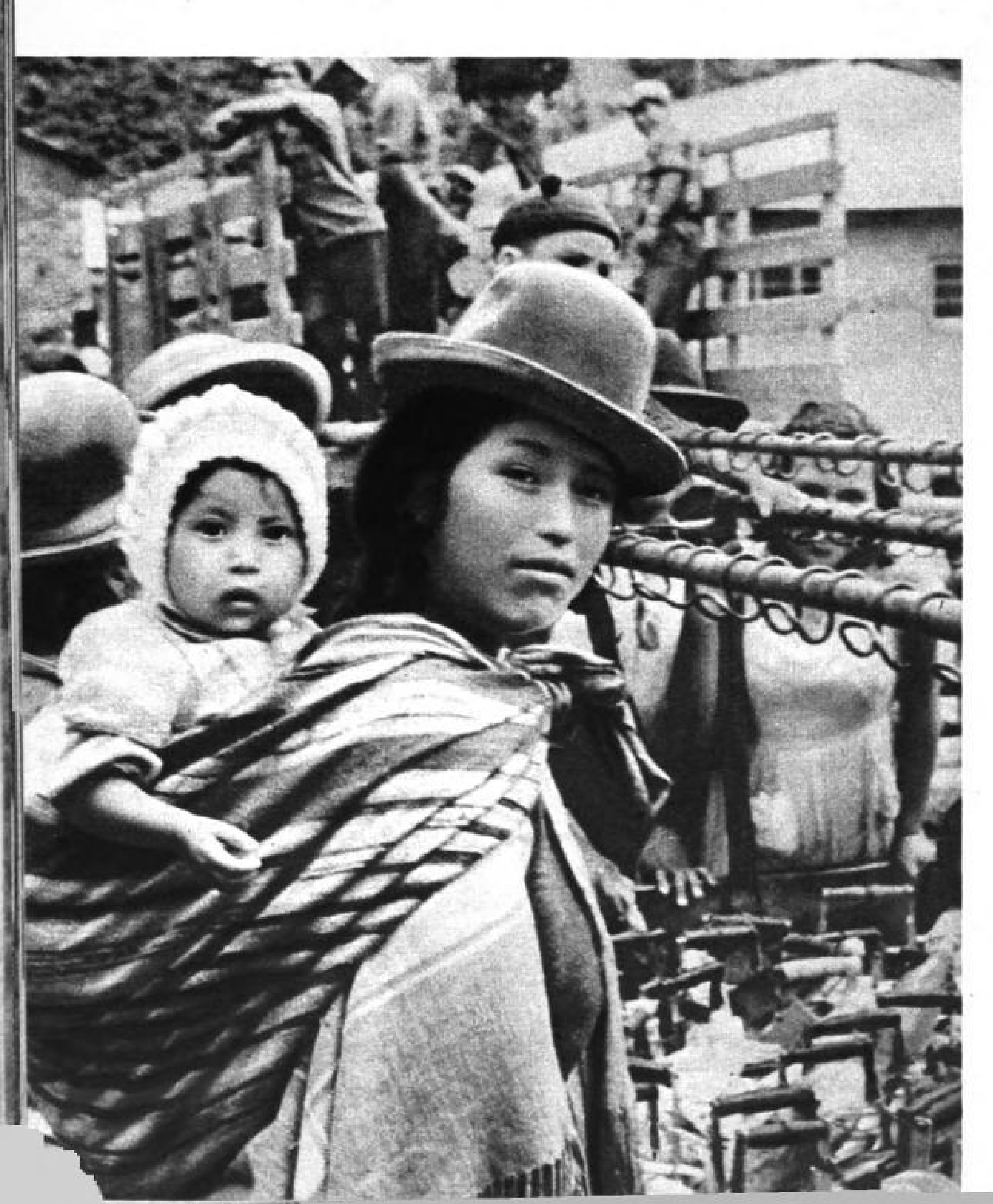
Небольшое здание аэропорта было украшено боливийскими и советскими флагами. Множество таких же флажков алело и пестрело зелено-желто-красными полосами в руках людей, которые огромной толпой залили все пространство перед зданием аэровокзала и, едва самолет остановился, двинулись к нему, крича, улыбаясь, размахивая флагами, вздымая руки. Многоголосый гул стоял над полем. Можно было различить слова: «Вива Унион Совьетика! Авахо янки! (Долой американцев!) Русиа — си, янки — но!..» Первым спустился руководитель нашей делегации Н. Н. Родионов; его тут же осыпали конфетти, серпантином, цветами, подхватили на руки и понесли к машине. Так же подхватывали на руки каждого из нас, а заодно и нескольких пассажиров самолета. Один из них яростно отбивался и доказывал, что он американец; как только это выяснилось, все руки, несшие его, мгновенно разнялись, и он шлепнулся на землю, о чем после с огорчением сообщила католическая газета.

Завладевшая мною группа молодежи, не считаясь ни с возрастом, ни с весом, понесла меня в сторону от автомобилей, предназначенных для делегации, и засунула в маленький джип. Я никогда бы не поверил, что он может вместить в себя столько людей: на переднем сиденье нас было трое, сзади — семеро (причем один с автоматом), с боков заглядывали под парусиновый верх еще шестеро, прицепившихся к крыльям, а впереди на капоте сидело еще пять молодых людей. Как мог шофер вести машину, было непонятно. Однако, изгибаясь и глядя в просветы между спинами, он обгонял на полном ходу караван грузовиков, забравших тех, кто нас встречал. Оливково-смуглый юноша, сидевший сзади, похлопал меня по плечу, ткнул пальцем в свой автомат и сказал: «Хуан... Персональ гуарда!..», — потом в меня: «Компаньеро!» — и все было совершенно понятно. Я достал из кармана значок и протянул ему. Тотчас весь темперамент боливийской молодежи пришел в опасное действие, все руки протянулись ко мне. Даже шофер оставил на руле только левую руку. Я поспешил отдать ему первый же значок.

Дружеские чувства и радость трудящихся людей столицы, встречавших нас, были несомненны. Оказалось, что наш приезд предварялся сообщениями по радио из американских источников: согласно одному из них, два члена делегации погибли в автомобильной катастрофе при следовании на аэродром Буэнос-Айреса, по другому — вся делегация погибла целиком при неудачной посадке в Лиме, столице Перу (куда мы не собирались и заглядывать). Так была использована наша задержка в пути, вызванная забастовками пилотов «Эр-Франс» и обслуживающего персонала аэродрома в Рио-де-Жанейро.

Мы проехали по нарядным и широким улицам центра и остановились на площади Изабелла-Католика. Здесь нас снова ждала толпа. Осыпанные густым слоем разноцветного конфетти, опутанные яркими лентами серпантина, с букетами, торчавшими во всех карманах, оглушенные приветственными криками, взволнованные, растроганные и ошеломленные, мы вышли у подъезда восьмиэтажного отеля «Крийон». Нас провели в комнаты и тотчас же попросили выйти на балкон. Вся площадь вокруг равнодушной Изабеллы, застывшей на пьедестале, была животрепещущей, шумной, белозубой в улыбках.

Так началось наше десятидневное пребывание в Боливии, в стране, где после буржуазно-демократической революции 1952 года национализирована горнодобывающая промышленность и осуществляется аграрная реформа, в стране, где трудится и борется замечательный рабочий класс, в стране поразительных контрастов, древней стране индейского народа, в стране, где до нас было всего два-три советских человека, да и то много лет назад.

Индейская женщина из племени аймара. Ребенок удобно устроился у нее за спиной.
←

2. Город наоборот

Похоже на то, что здесь все наоборот: на юге — холод, а на севере — зной, молодой месяц висит рожками вниз, солнечная тень прячется под ноги, гигантские озера стоят не в долинах, а на высоченных плато, под самыми облаками, новый год начинается летом, женщины носят мужские шляпы, а мужчины — пестрые шали.

Городом наоборот показался мне и Ла Пас.

Хотя он известен как самая высокая в мире столица, попасть в него можно не снизу, а только сверху — с того плато, куда сбегаются все шоссе и где находится аэродром, а чуть ниже — вокзал железной дороги. Высокая арка с радушным приветствием «Bien venido!» и с надоевшей рекламой вездесущей кока-колы открывает спуск в город — и перед вами развертывается картина необычайная. На вечно синем ярком небе вечными снегами сияет величественная корона Иллимани. Огромная котловина, вся в складках и в острых ребрах красных скал, уходит глубоко вниз. По крутым ее склонам лепятся бесчисленные крыши невысоких домов, образуя пестрые уступы, среди которых сбегают извилистые ручейки узких улиц, стремительными водопадами вливаясь в плавные реки широких авенида — проспектов. Там, окруженная пышным барокко вычурных домов испанских завоевателей и кварталами современных зданий, взлетающих порой до двух десятков этажей, находится древняя башня собора святого Франциска — центр города.

Это и есть здешнее «наоборот»: обычно город разрастается в веках вокруг холма с крепостью, подобной пражским Градчанам, московскому Кремлю, таллинскому Вышгороду, а окраины его распространяются по низинам. Здесь же центр города находится на четыреста метров ниже его окраин, а виллы богачей спрятались еще ниже — на самом дне котловины, как бы стараясь дать своим владельцам наибольшее количество дефицитного кислорода, нехватка которого в этом разреженном горном воздухе заметна с каждой лишней сотней метров.

Город этот очень красив весьма своеобразной красотой. Окружающие его массивы гор с видимой отовсюду белой шапкой Иллимани безлесны и не покрыты травами, и вид стихийного нагромождения первобытного камня — голого, твердого, бурого, иногда переходящего в кровавый цвет — придает красоте города черты суровости. Но всегда безоблачное небо и яркий, слепящий свет солнца смягчают жизнерадостным буйством красок эту суровость. Синяя тьма глубоких теней, которые солнечные лучи создают возле всех выступов, отчетливо выделяет объемы зданий и резко отмечает щели узких улиц. Из тяжелой каменной резьбы старинных испанских дворцов и церквей свет создает легчайшее кружево орнаментов и узоров, он заставляет висеть в воздухе резные балконы, а там, где ютятся старые лапасские дома и современные хижины бедноты, волшебная игра светотени украшает любую развалину, будь то заповедник прошлых веков или свидетель не устроенного еще городского жилья освобождающейся страны.

Широкие авенида и небольшие площади с зеленью скверов и с обязательным памятником — или легендарному Боливару, или его генералу Сукре, или президенту Вильяроэлю, — пышные правительственные здания конгресса и мэрии, гигантские светлые кубы и параллелепипеды зданий недавней постройки — университет Сан-Андрэ, здание Нефтяной корпорации, некоторые банки и бывшие храмы оловянных компаний — придают городу ту парадность, которая необходима столице. А карабкающиеся ввысь кварталы, изрезанные узкими уличками, по которым не ходят автобусы, зигзаги пешеходных троп, отчетливо заметные на склонах и ведущие к маленьким домикам, забравшимся к самому плато, лучше всяких диаграмм доказывают, как планировала рост города бездушная логика международного капитала, который долгие столетия был подлинным хозяином и этой страны и ее столицы.

ИЕ В АНДАХ

3. «Нищий на троне из золота»

Название Ла Пас означает «мир». Это подчеркивает и сам герб города, где под шлемом, на котором уселся голубь с оливковой ветвью в клюве, изображена гора Иллимани, речка и на берегах ее лев и овца, мирно взирающие друг на друга. Девиз на гербе гласит: «Раздоры на согласие сменили и город мира создали, чтобы мир и любовь их навек объединили!» Это случилось в 1548 году, но вовсе не в ознаменование дружбы испанцев с индейцами селения Чокеяпу, как это можно было бы подумать, а в память примирения двух испанских конкистадоров, не поладивших при разделе добычи. От прошлого тут остались лишь громадные каменные идолы, перевезенные с места раскопок вблизи Ла Паса. Теперь в этом городе, насчитывающем 400 тысяч жителей, вы встретите не так уж много потомков прежних властелинов страны. В основном все три древних народа, составляющие более двух третей населения Боливии, предпочитают жить на обширном горном плато, расположенном на высоте более 3 000 метров: здесь расселились полтора миллиона индейцев кечуа и свыше миллиона индейцев аймара. Лишь четверть миллиона индейцев народа гуарани заселили низины восточной части Боливии.

Страшна судьба этих древних индейских народов. Испанские конкистадоры и рыцари наживы разных наций, ринувшиеся вслед за ними, четыре столетия грабили эту обширную страну, совершая неслыханные насилия, жестокости, массовые убийства. Неизвестно, сколько было уничтожено индейцев при завоевании нового континента, но известно, что за одно только XVIII столетие на серебряных рудниках погибло восемь миллионов индейцев — почти в три раза больше того, что осталось в стране сейчас! До самого последнего времени продолжительность жизни индейского горняка на шахтах оловянных компаний выражалась трагической цифрой — 25 лет. Только полтора десятка лет тому назад в рудниках были даны горнякам кислородные маски и респираторы. «Оловянная болезнь», неизбежный спутник высотных рудников, создала вокруг них обширнейшие кладбища; похоже, что здесь содержание человеческих костей в породе выше содержания самого олова.

Не легче было и в деревне. До аграрной реформы 1953 года на помещичьих землях практиковалось 120 видов бесплатного труда индейцев, что означало полную нищету и бесправие. Людей держали в состоянии первобытности, следствием чего является поразительный факт: в наши дни в деревнях только 3 процента грамотных.

«Хотя Боливия безмерно богата своими природными ресурсами, среди всех американских народов ее народ — самый бедный», — пишет автор книги «Боливийская национальная революция» Роберт Дж. Александер (США). «Боливийцы долгое время называли свою страну «нищий на золотом троне», — сообщает он.

В самом деле, эта обширная страна, величиной около половины Казахстана (а если равнять по Западной Европе, то вмещающая в себе Францию и Испанию), обладает богатствами неисчислимыми — как в своих недрах, так и на благодатной поверхности тропических низин. Здесь пятое в мире количество запасов олова. Здесь железная руда, которой больше, чем во всех Соединенных Штатах Америки, и по меньшей мере треть которой содержит 50 процентов металла. Здесь в высыхающих озерах много серы. Здесь гигантское количество нефти, больше, чем в легендарной Венесуэле. Здесь наибольшие в мире запасы сурьмы, здесь вольфрам, свинец, висмут, цинк, медь, серебро. Предгорья и низины могут давать народу рис и сахар, кофе и какао, миндаль и бананы, апельсины и коку, ценную древесину, каучук и хину. Кукуруза может созревать здесь круглый год. Здесь во времена своего владычества испанцы имели до пяти миллионов голов крупного скота: его разводили только для шкур, мясо пропадало: не на чем было вывозить. Здесь своя энергетика. Множество горных речек имеет такой высокий перепад воды, что на каждой можно строить электростанцию.

Исторически экономика Боливии развивается на плато выше 3 тысяч метров, где сосредоточились важнейшие ископаемые и где живет 4/5 всего населения страны. Но вместе с тем имеются неограниченные возможности в остальных районах страны, обладающих громадными сельскохозяйственными ресурсами и запасами нефти, которая способна вывести Боливию в разряд мировых экспортеров горючего. Но все это требует денег, денег и денег. Одно лишь переоборудование шахт современной техникой обойдется в 100 миллионов долларов. Продажа металла во много раз выгоднее продажи концентрата, но для этого нужно построить оловоплавильную печь (которой хозяева шахт не интересовались), а для этого тоже требуются немалые деньги. Нужно построить нефтепровод, который доставлял бы нефть к океану и в соседние страны. Нефть — это будущее Боливии.

С радостью широкие круги боливийской общественности встретили известие о том, что в беседе с боливийским представителем в ООН осенью 1960 года Н. С. Хрущев выразил готовность рассмотреть вопрос о строительстве в Боливии оловоплавильного предприятия, подобно тому как Советский Союз построил и продолжает строить ряд заводов и предприятий, помогающих расцвету дружественных народов Индии, Индонезии, Объединенной Арабской Республики и многих других стран. В особенности горячо приняли эту мысль горняки Оруро, Катави, Кочабамбы, Потоси — главнейших горнорудных районов страны. В их рассуждении (может быть, не очень-то дипломатично выраженном) отчетливо вставала существенная разница между помощью СССР и помощью США. За эти годы США не раз предлагали боливийскому правительству помочь экономике страны предоставлением необходимых капиталов, однако это всегда сопровождалось определенными условиями: вкладывать эти капиталы только в частный сектор, снизить закупочные цены, цены на оловянный концентрат, иметь контракт с определенными фирмами по экспорту, — то есть так или иначе реставрировать влияние и значение частного капитала за счет сужения круга деятельности национализированных предприятий.

Любопытно отметить, что беседа боливийского представителя с Н. С. Хрущевым сразу же вызвала аналогичное предложение США. Последнее обстоятельство, которое стало известно рабочему классу Боливии, дополнительно разогрело страсти. На митингах и на встречах с руководителями профсоюзов, с представителями шахтных организаций, молодежи и

крестьян — везде и всюду люди настаивали на том, что единственный выход Боливии на широкий путь самостоятельного развития заключается в обращении к Советскому Союзу с просьбой об экономической и технической помощи. Наша делегация получала письма, подписанные сотнями людей, где говорилось одно и то же: «Единственная для нас надежда — это бескорыстная помощь народа Ленина, сумевшего поднять свои национальные ресурсы и стать самой мощной страной планеты». «Боливийцы тоже могут стать богатым народом,— говорилось в другом свитке, любовно разрисованном от руки национальным орнаментом с традиционным цветком Боливии с острова на озере Титикака,— мы надеемся, что ваша страна взорвет старые основы дипломатии и протянет нам руку дружеской помощи».

4. В Национальном конгрессе

На следующий же день нашего пребывания в Ла Пасе состоялось заседание обеих палат конгресса, посвященное приезду делегации Верховного Совета СССР.

По окончании работы сената состоялось заседание палаты депутатов. Внутренними переходами нас провели к залу заседаний палаты. Вся лестница перед ним была заполнена народом.

Мы вошли в большой, высокий овальный зал, в котором двенадцать белых колонн поддерживают два яруса балконов, отделанных светлым деревом с красивой резьбой. Места депутатов — около 70 — расположены на кожаных диванах, идущих амфитеатром по полуокружности зала, с пюпитрами перед ними. Наша делегация поместилась за председательским столом. Появление ее там было встречено бурной овацией.

Балконы были забиты народом, именно народом — рабочая молодежь, женщины, старики, чьи морщинистые лица врезались в память. В руках почти у всех маленькие красные флажки. Они трепещут, как веера, и порой, поддерживая оратора, вспыхивают языками пламени по всей полуокружности зала. Запомнился парень в рабочей одежде, которого, видимо, соседи просто вытеснили из ложи: держа в правой руке шляпу, он упирался левой в резной узор облицовки балкона, сложившись пополам и нависая над залом. Однако когда кругом взрывались аплодисменты, он надевал шляпу на голову и яростно хлопал в ладоши, чудом держась в воздухе.

Причиной этих аплодисментов были слова оратора — депутата Хайме Арельяно, представителя левого крыла партии МНР (Национально-революционное движение). Я записал фразы, поддержанные слушателями: «СССР занимает в мире ведущее положение», «Как мы желали узнать друг друга! И вот вы здесь!», «Кто, кроме вас, окажет нам действенную помощь в технике?» Все, что он говорил о честной дружбе, об экономической мощи СССР — страны, где «человек — хозяин», покрывалось бурным дружеским шумом. Но вот заговорил о чем-то другом, и зал взревел яростными криками. Переводчик мне объяснил, что оратор коснулся вопроса о помощи недостаточно развитым в экономическом отношении странам со стороны более богатых капиталистических стран. После некоторых его фраз в зале начался настоящий ураган, все балконы на разные голоса кричали знакомые нам уже слова: «Авахо империализм янки!»,— и переводчик лишь подтвердил мою догадку, что Арельяно сказал о том, что помощь должна оказываться без каких-либо условий, политических или экономических. Пережидая шум, оратор решил выпить воды, и тогда балконы, будто сговорившись, очень ритмично начали скандировать слова: «Русиа — си, янки — но!» Затем крики перешли в свист, люди, отложив флажки, яростно замахали кулаками, и председатель палаты приподнялся над столом. Шум постепенно стих. До нового взрыва. На этот раз его произвели слова оратора о том, что экономику надо поставить на службу народу, который сам должен управлять заводами и фабриками, как это происходит в Стране Советов. Еще одна волна восторженных возгласов пронеслась при сообщении, что палата депутатов уверена в намерении правительства вести переговоры с Советским Союзом об экономической помощи и что это не даст нефти попасть в лапы американских капиталистов. Это вызвало новую овацию, которая тут же разрослась в неописуемую бурю, когда слово было предоставлено главе парламентской делегации СССР.

Во время его речи, прочтенной в испанском переводе, я наблюдал за хорами, расположенными над верхним ярусом балкона. Мне сказали, что они еще за три часа до начала заседания палаты были забиты вплотную, люди пришли туда прямо с работы, может быть, не успев поесть. Плотной стеной, локоть к локтю, тело к телу, они закрыли собой все низкое пространство галереи, и когда гигантский людской организм, заполнивший балконы, пронизывался электрической искрой всеобщего чувства и все руки на балконах приходили в движение, размахивая флажками или хлопая в ладоши, там, на хорах, стояли неподвижно: люди не могли ни пошевелиться, ни вытащить рук. Они могли выражать свои чувства только голосом и глазами. И блеск их глаз, сияющий или яростный, и их возгласы лучше всего выражали надежды и чаяния лапасских рабочих.

5. Почти на Эльбрусе

К полудню сочельника все официальные учреждения прекратили работу, и наша делегация отправилась на высокогорную обсерваторию, занимающуюся изучением космических лучей. Обсерватория находится на горе Чакалтая, недалеко от города. Мы привычно подошли к тем двум комфортабельным «фордам», где превосходно размещались по пять человек, но нам предложили сесть только по трое, объяснив, что на ожидающей нас высоте мощность мотора падает почти вдвое из-за отсутствия компрессии в цилиндрах, создать которую из разреженного воздуха поршни не могут. Дорога, пройдя мимо знакомого аэродрома, устремилась по обширному плато и потом полезла на небо крутыми зигзагами серпантина. Откуда-то взялись облака, которых в Ла Пасе не было, день посерел. Вершина Уайна Потоси, невидная из города, встала в левом окне неприветливой и суровой громадой. Такой же показалась нам и гора Чакалтая, открывшаяся справа. Наконец автомобиль, выбиваясь из последних своих лошадиных сил, забрался на ровную площадку перед небольшим домиком, прилепившимся к снежному склону, и остановился.

Мы вышли из машины — и ноги сразу сделались ватными, тяжелыми и нетвердыми. Три десятка шагов по пологому подъему до домика достались нелегко. Высота здесь была 5 230 метров, то есть всего на 400 метров ниже Эльбруса. Однако еще на сто метров выше мы увидели красный домик, нависший над пропастью. Это была лыжная станция Чакалтая, и мы подивились, до чего же крепко выделаны сердца лапасских любителей этого спорта: какникак, атмосферное давление выражается здесь в незначительной цифре 390 мм вместо привычных для нас 760, и понятно, что в этой атмосфере, потерявшей не только плотность, но и совесть, содержится едва лишь половина кислорода, потребного человеку. Вспомнив, как, не считаясь с возрастом, бодро карабкаются по крутым улицам Ла Паса его жители и с какой самозабвенной яростью гоняют тут мячи на высоте более 4 тысяч метров (это мы видели на двух или трех футбольных полях по дороге), мы поняли, что привычка — великая вещь. Боливийцы с рождения приспособляются к высотным условиям существования.

Но нам-то от этого было не легче: пять ступенек, ведущие в дом, нас окончательно добили, и даже более молодые, чем мой, русские организмы запросили пощады. Хозяева любезно предложили нам портативный баллон с кислородом, мы по очереди погрузили лицо в маску и сделали вид, что нам много лучше; по секрету говоря, баллон оказался пустым, что, вероятно, никак не беспокоило персонал обсерватории, привычный к здешнему полувакууму. Впрочем, через некоторое время выяснилось, что если двигаться не очень резко и смеяться сдержанно, тут вполне можно не только

существовать, но даже интересоваться теми малопонятными для нас приборами, которые двигали мировую науку на боливийской горе Чакалтая. Тем, кому тайны космоса открыты и кто понимает назначение этих деловито пощелкивающих приборов, обсерватория хорошо известна. Профессор Эскобар, ее руководитель, был в Москве на одной из конференций, да и сюда нередко приезжают деятели науки из Европы и США. Сейчас тут работает один индийский ученый, ожидают четырех англичан, одного японца и одного американца. Ученые и персонал обсерватории обычно проводят здесь посменно двое суток, уезжая на следующие трое вниз, в Ла Пас.

В разговоре выяснилось, что и урожденные лапасцы тоже испытывают неприятности после более или менее длительного пребывания на высоте ниже 2 тысяч метров, не говоря уже об океанском побережье: вернувшись, они недели две-три сами ощущают, что это за штука — голодный паек кислорода, и преисправно разевают рты, подобно рыбам на песке, как и мы, приезжие. Нами было замечено обстоятельство, может быть, ценное для науки: нехватка воздуха не очень чувствительна днем, несмотря на то, что вы двигаетесь, говорите, работаете. Расплата начинается ночью. После двух-трех часов сна, очевидно, при попытке повернуться на другой бок, вы просыпаетесь от собственного глубокого вздоха и некоторое время пытаетесь отдышаться, словно взбежали на пятый этаж. Затем с трудом засыпаете, чтобы через некоторое время повторить все сначала. Сердце при этом ведет себя по-разному: у меня, например, оно проваливалось куда-то в левую пятку, а у другого члена делегации пыталось остановиться и пугало его этим намерением. Нас утешали, что через пять-шесть дней это пройдет, а мы утешали себя, что через десять дней будем в нормальных слоях атмосферы.

6. Почти в тропиках

На следующий день — праздник рождества — мы поехали в восточные районы.

Шоссе опять начало крутиться серпантином, приближая нас к небесам, и через час мы забрались опять на птичью высоту в 4 654 метра, о чем любезно сообщила надпись на дорожном столбе. Проецируясь на ослепительно белом облачке, врезанном в синеву, появился и сам именинник, чье рождество нынче праздновали: на высокой скале, раскрыв бетонные руки, стоял Христос. Дышать стало опять сложно, тем более что всем захотелось пощелкать затворами фотоаппаратов, для чего пришлось влезать на камни, расходуя немало дефицитного кислорода.

Потом серпантин покатился вниз — и чудесная природа восточного склона Андов начала постепенно раскрывать перед нами свою волшебную красоту, совершенствующуюся с каждым километром дороги и с каждой сотней метров спуска вниз. Суровые до этого склоны начали зеленеть на глазах, низкий кустарник — вытягиваться и превращаться в стройные, высокие деревья, потом в зелени там и здесь начали вспыхивать яркие краски невиданных цветов, то громадных, то мелких, но соединившихся в гроздья и повисших на ветвях тяжелыми плотными мешками, подобными роям пчел, бросивших улей. Менялся и воздух, все легче становилось дышать, и он приобретал нежные ароматы вместо той почти стерильной чистоты, которой отличался на высотах.

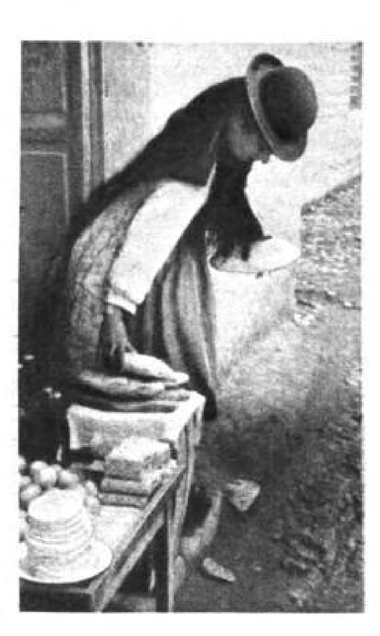
Вскоре могучее однообразие зеленых склонов стало нарушаться геометрическими рисунками плантаций коки, бананов, маиса. Эти плантации располагаются по необычайно крутым (иногда порядка 45°) склонам, зазубривая их рядом узких ступеней. С дороги кажется, что в зеленой стене прорублены гигантские окна, закрытые планками жалюзи, подобные тем, какие мы за это время привыкли видеть во всех городах, начиная с Рио-де-Жанейро. Черные полоски тени между грядками и уклон горы, кажущийся отвесным, подчеркивают это сходство. Порой на этих ступеньках видны люди. Согнувшись под прямым углом, они пропалывают грядки или ощипывают лишние листья под палящими лучами солнца. Непонятно, как забрались они на эту крутизну. Но потом, всмотревшись, видишь острые зигзаги тропинок, чернеющие в зелени: тут эти люди ножами проложили себе дорогу в сплошной зеленой массе буйной растительности. Тогда понимаешь вдобавок и то, почему все встречные, даже подростки, вооружены здесь огромными ножами: это не против зверя, а против леса — иначе не пройдешь.

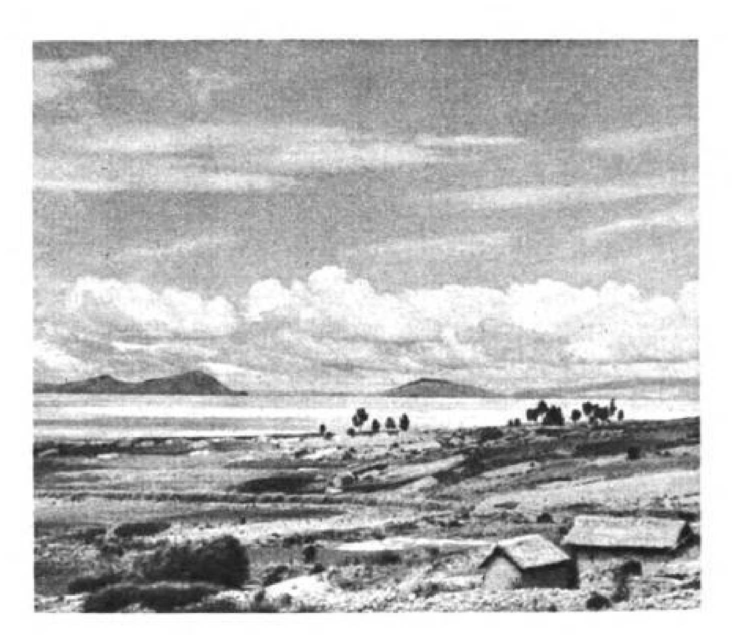
У самого въезда в Чулумани, утопающего в густой зелени, дорогу нам преградил небольшого роста старичок, размахивающий цветком. Он что-то кричал, но шофер не остановился. Мы подъехали к маленькому отелю, построенному на испанский манер, с внутренним патио — мощеным двориком с фонтаном и цветами.

К обеду появился тот самый старичок, который пытался нас остановить. Оказалось, он русский, в первой мировой войне попал в плен к австрийцам, научился в Вене портновскому мастерству, лет двадцать тому назад переехал сюда и сейчас имеет свое небольшое заведение в Ла Пасе. За обедом он то и дело вскакивал, поднимал стакан вина, восторженно кричал: «За здоровье русских людичек» — и пытался петь русские песни, но дальше «Стеньки Разина» и «Очи черные» дело не шло. Фамилия его была Лепченко, он просил называть его «дядя Яша». Я все же осведомился, как его отчество. Он сказал: «Мое отечество — Россия!» Наконец он вспомнил, что значит это слово, и ответил: «Ильевич»...

Наступила блаженная ночь на чудесной высоте всего-навсего в 1 900 метров — ночь, наполненная благоуханием роскошной природы, ночь, разразившаяся великолепной грозой, которая освежила воздух, но которую я едва слышал, в полной мере наслаждаясь процессом спокойного сна при спокойной работе легких и сердца. И подумать только, как мы не замечаем тех бесценных благ, которые окружают нас! Стоило только провести трое с половиной суток даже не в вакууме, а только в разреженном воздухе, чтобы понять всю прелесть процесса нормального дыхания! Поистине, что имеем, не храним!...

На снимках (слева направо):

Индейские кушанья одинаково нравятся индейцу, креолу и метису.

Индеец-рыбак в лодке «балсе». Такие лодки боливийские индейцы плетут из стеблей травы тоторы, которая в изобилии растет по берегам самого высокогорного в мире озера Титикака.

Здесь начинается Ла Пас.

Раскопки недалеко от Ла Паса, в местечке Тиацанаку. Здесь был один из очагов древнейшей культуры.

На улицах рабочего квартала Ла Паса нередко можно встретить индейских женщин, разложивших на маленьком столике нехитрую снедь. Рабочий, не имеющий времени в короткий обеденный перерыв идти домой, приезжий крестьянин могут съесть кукурузную лепешку или пару апельсинов, запив все это вездесущей кока-кола, проникшей и сюда, за Анды.

Индейские хуторки на берегу озера Титикака. Это самый населенный район страны.

Индейские пастухи. Стада овец и лам то и дело попадаются на глаза, когда путешествуешь по дорогам Боливии.

Фото Ю. Честного.

Окончание следует.

В. И. Ленин и сопровождающие его товарищи любуются высоким мастерством пилота, летавшего 7 ноября 1918 года над Москвой.

Листовка возвещала о победе

Первая годовщина Октябрьской революции!

Когда в этот торжественный день Владимир Ильич заканчивал свою речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу на площади Революции, со стороны Театрального проезда появился белоснежный самолет, украшенный алыми лентами, и сбросил листовки. Люди их быстро подхватывали. Одну из них поймал и я. Это была напечатанная в две краски карта военных действий Красной Армии на Волге. Были уже освобождены от белых Казань, Симбирск, Самара. Мое внимание отвлек крепко сложенный, коренастый военный: он попросил у меня листовку, чтобы показать Владимиру Ильичу. С радостью я отдал ее и вместе с военным подошел к Ленину. Владимир Ильич взглянул на карту и, улыбаясь, сказал: да, подарок к празднику хорош.

Задержав немного карту, Ленин вернул ее военному, а тот, в свою очередь, передал ее мне и тихо проговорил: «На память». И он угадал мои мысли: я бережно положил эту листовку в записную книжку.

После закладки памятника Владимир Ильич вместе с товарищами Свердловым, Смидовичем, Загорским и другими направился к Красной площади, но в этот момент в лихом вираже перерезал воздух тот же белоснежный самолет. В восторге от удивительной смелости летчика все невольно остановились и залюбовались его удалью и мастерством. Владимир Ильич первый похвалил храбреца: такой пилот и на фронте покажет себя героем.

Но кто же был этот летчик, так понравившийся Ленину? После долгих поисков мне удалось установить его имя.

«Подтверждаю, что 7 ноября 1918 года, в первую годовщину Октябрьской революции, над Красной площадью, над Театральным проездом, между домами улицы Тверской, над трамваями на одноместном самолете «Ньюпор-21» летал летчик Веллинг Борис Константинович, начальник Московской авиашколы и начальник истребительного отделения этой школы. Для этого полета я заправлял и выпускал машину в воздух.

Андрей Матвеевич Гусев, ст. механик истребительного отделения Московской авиационной школы в 1918 году».

Эту же запись подтвердил бывший инструктор той же школы старый летчик Александр Петрович Бобков.

Спрашиваю у Александра Петровича: а кто еще мог бы засвидетельствовать, что в первую годовщину Октябрьской революции в присутствии Ленина летал над Москвой летчик Веллинг? Подумав с минуту, он отвечает, что в 1918 году учился в Московской авиационной школе Михаил Михайлович Громов, ныне Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации.

Набираю номер телефона. Отвечает Михаил Михайлович Громов: «Да, я тогда учился в этой школе. Летчик Бобков Александр Петрович — мой учитель. Кто летал в первую годовщину Октябрьской революции над Москвой на белоснежном самолете? Борис Константинович Веллинг, превосходный летчик».

...В те годы на летном небосводе это была восходящая звезда первой величины. Будучи еще студентом Московского высшего технического училища, Веллинг занимался вопросами аэродинамики под руководством Н. Е. Жуковского — «отца русской авиации». В первую мировую войну Б. К. Веллинг прославился своими боевыми разведывательными полетами на фронте. После октября 1917 года на общем собрании личного состава Московской авиационной школы его единодушно выдвинули ее начальником. Вместе со своими воспитанниками Борис Константинович участвовал в воздушных боях с белыми на Восточном фронте, под Петроградом и Двинском. По окончании гражданской войны он был назначен начальником учебных заведений Военно-воздушного флота. Летчик совершал рекордные по тем временам длительные перелеты. Один из них Веллинг героически осуществил в 1923 году. На сухопутном самолете с экипажем он преодолел Кавказский хребет, пересек Каспийское море, пролетел над песками Каракумов и вернулся в Москву. Имя советского летчика прогремело тогда на весь мир. Борис Константинович уже готовился к еще более сложному перелету, стремясь проложить воздушную трассу через Сибирь к берегам Тихого океана, но при испытании самолета погиб 18 ноября 1923 года. Он умер совсем молодым. «Правда» писала тогда: «Веллинг был одним из наших лучших пилотов».

Теперь мне хотелось узнать о том военном, который вручил Владимиру Ильичу листовку - карту, сброшенную Веллингом в праздник первой годовщины Октября. Постепенно, шаг за шагом удалось установить, что это был рабочий с Мытищинского вагонного завода, член партии с 1912 года Василий Матвеевич Барычкин. В апреле 1917 года он на броневике встречал Владимира Ильича Ленина на площади у Финляндского вокзала во время его приезда из-за границы в Петроград. Затем Барычкин участвовал в вооруженном восстании в октябре 1917 года, а в 1918 году был комиссаром бронечастей в Москве, подавлял контрреволюционный мятеж, разгонял банды анархистов, засевших в московских особняках, сражался против белых в гражданскую войну. Одно время Барычкин состоял в личной охране Владимира Ильича Ленина.

П. ЧУМАК,
член КПСС с 1918 года

Летчик Борис Константинович Веллинг.

Исследования продолжаются

Сотни фотографий запечатлели образ великого Ленина.

Владимира Ильича фотографировали на конференциях и съездах, на совещаниях и собраниях, на парадах и митингах. Снимали с учениками и соратниками, с многочисленными делегациями. Нечего и говорить о том, насколько важна для нас каждая такая фотография, рассказывающая о каком-то дне, о какой-то минуте в жизни В. И. Ленина.

И очень жаль, что мы не знаем иногда ни даты, ни места съемки, ни фамилий многих людей, снятых вместе с Владимиром Ильичем.

Научные сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, работники центральных музеев В. И. Ленина и Революции неустанно трудятся для того, чтобы расшифровать такие фотографии. Историкам помогают и многие исследователи, которые занялись этим по доброй воле.

Старый коммунист генерал-майор М. П. Еремин — один из самых активных исследователей-добровольцев. Михаил Петрович — бывший кремлевский курсант — имел счастье видеть и слышать Владимира Ильича, не раз стоял на посту у его квартиры, знал многих людей, которые бывали у Ленина, хорошо помнит некоторые даты событий, в которых участвовал Владимир Ильич.

В записной книжке Михаила Петровича — сотни адресов людей, имеющих какое-то отношение к ленинским фотографиям или к событиям тех дней.

У Михаила Петровича много помощников — это Т. Ф. Людвинская, В. Л. Розовский, С. Г. Уралов, И. С. Ашкенази, П. И. Воеводин, Е. Я. Драбкина, Е. А. Беленькая, Инна Арманд, К. С. Туляков, У. Галлахер, Н. Д. Виноградов, С. Т. Коненков, И. С. Кобозев, А. А. Левицкий, А. Г. Лемберг, Д. В. Романовский, С. С. Виноградская, В. В. Казин и другие товарищи.

Вместе они расшифровали уже немало ленинских фотографий.

В. И. Ленин произносит речь на открытии временного памятника Степану Разину на Красной площади 1 Мая 1919 года.
На открытии памятника присутствуют: В. М. Загорский (1) — секретарь МК партии, погибший при взрыве бомбы, брошенной «левыми» эсерами в здание Московского комитета осенью 1919 года; С. Т. Коненков (2) — автор скульптуры «Степан Разин с ватагой»; скульпторы Г. И. Мотовилов (3) и И. М. Шапиро (4).

Нелегко было расшифровать снимок, сделанный на III конгрессе Коминтерна.

Молодого человека в пенсне, сидящего слева от Владимира Ильича, никто из очевидцев не мог узнать, письменные источники тоже не помогали. Наконец, читая воспоминания участника III конгресса Коминтерна немецкого коммуниста Роберта Лейббранда, Еремин почувствовал, что он идет по верному следу. Лейббранд упоминал о снимке, который интересовал Михаила Петровича.

Он тут же послал письмо в Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕП Германии. Ответ подтвердил предположения Михаила Петровича. Да, Роберт Лейббранд, работающий сейчас в этом институте, был снят на III конгрессе Коминтерна рядом с В. И. Лениным.

Четыре года назад, просматривая журнал «Товарищ Терентий», который издавался на Урале, Еремин увидел снимок «Делегаты VI съезда на Театральной площади». Среди изображенных на фотографии людей должен был быть делегат из Гусь-Хрустального Иван Осьмов. Михаил Петрович долго не мог узнать о судьбе Осьмова.

Пересмотрел кипы газет и журналов того времени, опросил не один десяток людей. И тогда Михаил Петрович обратился к телефонному справочнику. Его внимание привлекла фамилия О. И. Осьмовой. Звонок по телефону. «Да, Иван Владимирович Осьмов — мой отец»,— ответила Ольга Ивановна. И вот И. В. Осьмов, старый член партии, в прошлом чекист, встретился с Ереминым.

Сейчас Михаил Петрович работает над фотографией «В. И. Ленин в группе политических ссыльных в селе Шушенском». На снимке, кроме Владимира Ильича, девять человек. Имена их пока неизвестны. Много предстоит узнать научным сотрудникам Института марксизма-ленинизма, работникам музеев, исследователям-добровольцам. Ведь давность снимка — более 60 лет.

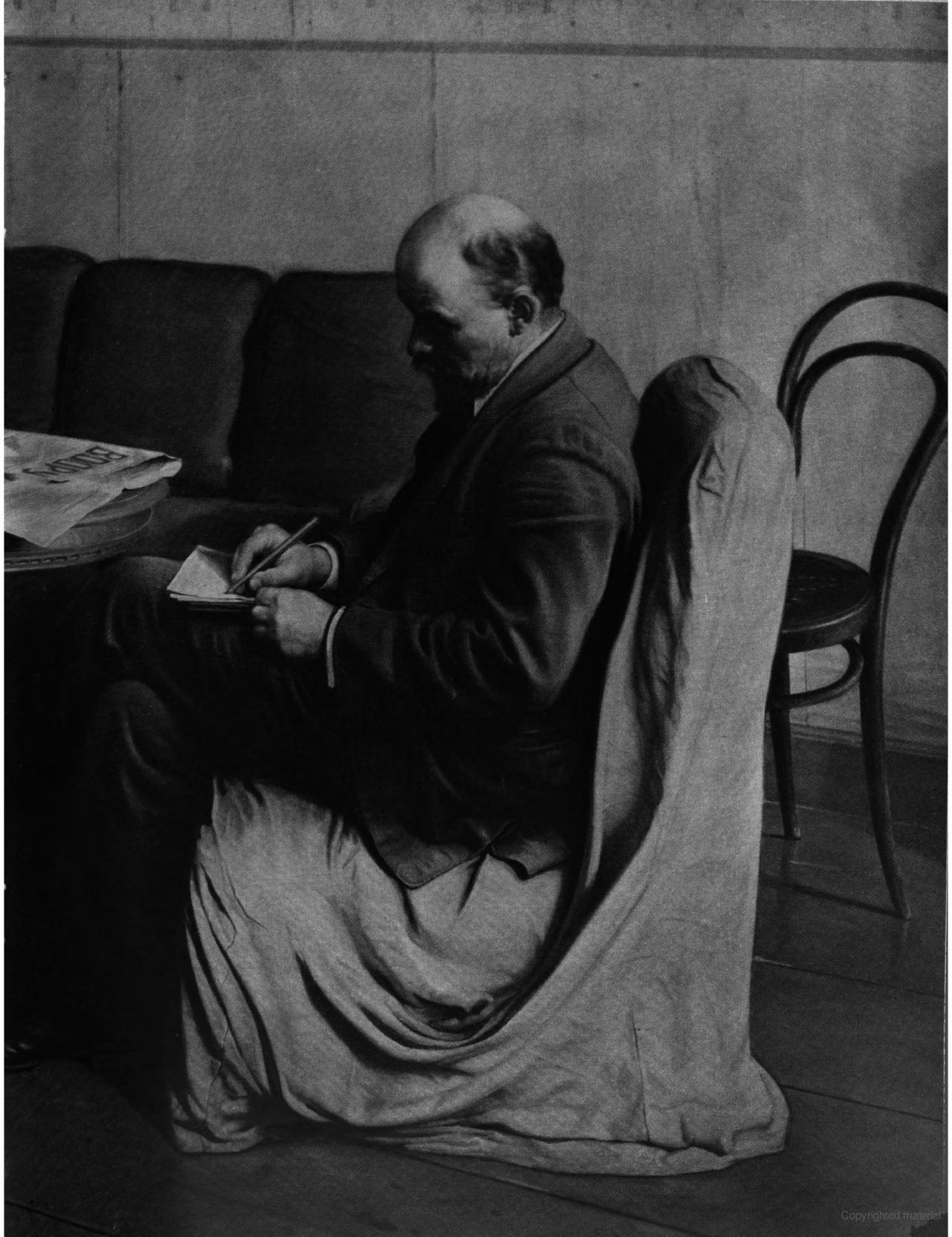
В. БУРДЫКИН

А. Герасимов. В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ.

На обороте: **И. Бродский.** В. И. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ.

Мальчик с коньками

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

В солнечный мартовский день в городе начинают таять сосульки. Как стеклянные пипетки, отсчитывают они целебные капли больной, простуженной зиме.

По городу идет мальчик с коньками.

Он худой и вытянутый. Все ему не по росту, все мало. Лыжные брюки до щиколоток. Пальто едва достает до колен. Руки он держит в карманах, а запястья голые, красные от ветра: рукава коротки. Шея у мальчика тоже длинная, худая. Шарф закрывает ее только наполовину. Шарф зеленый, в полоску, с фиолетовым чернильным пятном на самом видном месте.

Кажется, что вчера еще все было мальчику впору и что это он за ночь так подрос, вытянулся.

Руки мальчик держит в карманах, а коньки у него под мышкой.

Какой-то он нескладный и неустойчивый. То споткнется на ровном месте, то наткнется на прохожего. То бежит вприпрыжку, то, заглядевшись на машину, останавливается посреди дороги. Глаза у него зеленые, задиристые.

Дерзкий взгляд и независимая походка выдают в мальчике непоседу и драчуна, который среди ребят чувствует себя уверенно, а, оставшись один, не знает, куда себя деть.

На пальто не хватает пуговицы. Она вырвана с мясом. Основательно потертая шапка сидит на одном ухе, оставив второе на холоде. Развязавшийся шнурок болтается по тротуару: некогда с ним возиться.

И только коньки, удобно пристроившиеся под мышкой, в полном порядке. Они приклепаны медными заклепками к черным ботинкам. Ботинки аккуратно сложены «бутербродиком» и стянуты желтым кожаным ремешком. Это не какие-нибудь девчачьи «снегурочки», а вполне серьезные мужские коньки «английский спорт». У них острые крепкие носы. Когда бежишь на этих носах, ледяные крошки отлетают в стороны, как искры из-под железных подков. Можно быстро бежать, а потом встать на полозья и долго скользить по ледяной глади катка.

Эти аккуратные, ухоженные конечки уж очень не подходят к короткому пальто с оторванной пуговицей и к потертой шапке, сидящей на одном ухе.

Холодная капля упала мальчику на щеку. Он вытер ее свободной рукой и, бросив на сосульки недовольный взгляд, свернул в переулок.

2

У школьников весенние каникулы, а взрослые работают. Поэтому на улицах малолюдно. А в переулке вообще редко встретишь прохожего.

Переулок старый, двухэтажный. Мостовая покрыта ледяной коркой. Снегоочистительные машины не заглядывали сюда всю зиму. Сразу видно, что маленький переулок приходится очень дальним родственником большим, главным улицам города.

Мальчик с коньками шагает по переулку. Он сдвигает шапку на другое, замерзшее ухо — погрейся, твоя очередь! — и прислушивается. Он слышит музыку. Она доносится сюда со стадиона. На больших улицах ее заглушают машины. А здесь тихо. И музыка слышна. Она действует на мальчика, как сигнал боевой трубы. Ноги сами начинают ускорять шаг, и развязавшийся шнурок только поспевает постукивать по ботинку.

А хорошо бы на каток опять пришла девчонка в красном пушистом свитере и в синей короткой юбочке! Та, у которой на голове белая меховая шапка. Высокая, как папаха. Из-под шапки у нее торчат две косички. Хорошо бы попробовать дернуть ее за косичку! Но девчонка такая гордая и неприступная, что в прошлый раз не хватило решимости сделать это. На ее глазах он сбил шапки с трех мальчишек. Один из них был большой. На полголовы выше. От него вполне можно было получить сдачу. Сегодня он опять собьет с него шапку, если не хватит мужества дернуть девчонку за косичку... А если она уже на катке, уже катается на своих серебряных «снегурочках»? И вдруг большой мальчишка дергает ее за косичку?!

Мальчик с коньками под мышкой уже не идет, а бежит. Только бы не опоздать! Только бы не опоздать!

И тут в конце переулка он увидел человека. Мальчик бы не обратил на него никакого внимания, но человек оказался единственным прохожим, и шел он ему навстречу. Человек был высокий, крупный. На нем белые бурки с кожаными носами и широкая длинная куртка, сшитая из шкуры какого-то черного зверя. Шаги у мужчины тяжелые и неторопливые. А мальчик бежал, и поэтому они скоро должны были встретиться.

И вдруг прохожий остановился. Потом он качнулся вперед и сделал несколько неуверенных шагов, словно собирался упасть. Но не упал, а удержался на ногах. Он беспомощно начал двигать руками, словно искал в воздухе невидимую опору. На этот раз он наверняка бы упал, но рука вовремя ухватилась за стену дома.

«Наверное, пьяный»,— подумал мальчик, и в глазах его вспыхнул недобрый зеленый огонек: он терпеть не мог пьяных. Мальчик брезгливо сморщил нос и ускорил шаг, чтобы поскорее разминуться с нежданным встречным.

Когда мальчик поравнялся с прохожим, тот стоял, прислонясь к стене, крепко зажмурив глаза. Лицо его было неестественно бледным. У рта запали две глубокие складки. Он тяжело дышал. Вероятно, тугой воротник куртки мешал дышать. Одной рукой человек держался за каменную стену, другой он силился расстегнуть железный крючок воротника. Крючок был цепкий, и у руки не хватало сил освободить его из петли. На лбу у прохожего выступили мелкие бисеринки пота.

Мальчик с коньками невольно остановился. И тогда прохожий открыл глаза и посмотрел на мальчика. Его глаза смотрели из-под нависших бровей откуда-то издалека. Нет, это не были мутные, шальные глаза пьяного! Они были полны боли и тревоги. И во всем облике этого большого, грузного человека была неловкость за свою беспомощность.

Наконец ему все же удалось расстегнуть крючок. Усталая рука соскользнула вниз, плечи опали под собственной тяжестью. Человек закрыл глаза. Он закрыл глаза и тут же открыл их вновь. Он заметил мальчика и боялся потерять его из виду.

Мальчик еще стоял рядом. Но ему было некогда. Он боялся опоздать. Зеленые глаза недружелюбно глядели на тяжело дышащего человека.

Человек молчал. Его грудь тяжело поднималась и медленно опускалась, словно боялась наколоться на что-то острое. А пальцы, отцепившие железный крючок, теперь расстегивали пуговицы.

Человек молчал.

Мальчик вспомнил, как однажды на улице упал старик и сломал ногу. Он лежал на тротуаре и тихо стонал. Ему было очень тяжко, а вокруг стояли зеваки. Они смотрели на несчастного старика до тех пор, пока за ним не приехала «Скорая помощь»...

Может быть, и этому человеку неприятно, что рядом с ним стоит незнакомый мальчишка?

И вдруг человек сказал:

— Сынок...

Он произнес одно слово и начал тяжело дышать. Видимо, у него не хватило сил на остальные слова.

Услышав слово «сынок», мальчик с недоумением посмотрел на незнакомца. Так называла его мама. Это было мамино слово. А от мужчины он слышал его впервые.

Незнакомец опять собрался с силами и заговорил:

— Помоги мне добраться до дома... Здесь недалеко.

Мальчик молча переложил коньки в другую руку и подставил плечо. Человек неуверенно отнял руку от стены и оперся на плечо мальчика. Он был большой и тяжелый, а мальчик

В. Серов. В СМОЛЬНОМ. Фрагмент.

был худой и неустойчивый. Незнакомец старался, чтобы на мальчика приходилось меньше тяжести. И они пошли.

Сам не замечая того, мальчик все время ускорял шаги. Музыка с катка сладко вливалась в ухо. Она манила, требовала. Мальчику показалось, что он и впрямь может опоздать. Что если он придет пятью минутами позже, все кончится. И уже не будет ни льда, ни музыки, ни вереницы бегущих ребят...

А больному человеку было трудно передвигать ноги. Каждый шаг отдавался в сердце. Он старался не отставать от своего неспокойного поводыря, но у него не хватало сил. И несколько раз он останавливался, чтобы перевести дух. Тогда он чувствовал, как мальчик ерзает под его рукой и нетерпеливо оглядывается.

Всю дорогу ни большой, ни маленький не проронили ни слова. Их связывал неприятный случай. Один из них был в тягость другому. Они понимали это, и обоим хотелось поскорее расстаться.

Наконец у низкого подъезда человек остановился. Видно было, что дальше он идти не намерен, что это конечная остановка. Человек вытер со лба холодный пот и, ни к кому не обращаясь, будто сам себе сказал:

— Зашевелился осколочек. Столько лет не беспокоил — и вот на тебе!

Вероятно, он чувствовал себя виноватым перед мальчиком и решил часть вины переложить на «зашевелившийся осколочек».

Но мальчик воспринял его слова иначе. Он насторожился и с недоверием поднял глаза на мужчину:

— Какой осколочек?

— Обыкновенный, брат, от снаряда... Вот ведь война кончилась, а осколочек остался,— сказал мужчина и показал пальцем на грудь.

Он стоял, прислонясь к стене, а мальчик внимательно рассматривал его. У человека все было крупным — и нос, и губы, и подбородок с глубокой ямочкой. На щеках у него была шершавая щетина.

— Пойдем, что ли,— сказал мужчина, открывая дверь парадного подъезда.

И они снова пошли.

3

Когда они поднимались по лестнице, человек сильней опирался на плечо мальчика. Другой рукой он цепко хватался за перила, будто страшился, что ступенька уйдет у него из-под ног. Ему было больно. А мальчику тяжело. Но оба терпели. Мальчик думал об осколке, который зашевелился в груди у незнакомца, и ему на минуту показалось, что он ведет бойца, только что раненного разорвавшимся снарядом.

А человек думал, как бы поскорей добраться до постели.

Очутившись дома, человек стал стягивать с себя меховую куртку. Он делал это с такими усилиями, будто она весила по меньшей мере два пуда.

Наконец ему удалось освободиться от этой тяжести. Под курткой была гимнастерка военного образца и синие брюки. На гимнастерке с правой стороны над кармашком была пришита потемневшая полоска галуна. Эта полоска — знак тяжелого ранения — как бы подтверждала, что человек занемог старой военной болезнью: зашевелился осколочек.

Пока человек раздевался, мальчик стоял в сторонке и следил за ним. Сам он не снял пальто, даже не вынул из кармана руки, которая локтем держала коньки «английский спорт».

Человек тяжело опустился, почти упал на диван. Старые пружины жалобно скрипнули. Человек откинулся назад и закрыл глаза.

А мальчик продолжал стоять перед ним. Он был растерян и не знал, что полагается делать в подобных обстоятельствах. Перед ним лежал человек. Не просто заболевший гриппом или ангиной, а старый боец с осколком в груди. Зеленые глаза мальчика, привыкшие бесцеремонно разглядывать все, что они пожелают, сейчас утратили свою дерзкую самоуверенность. Они вопрошающе смотрели на человека, с которым судьба свела его в переулке, ведущем на каток.

Трудно сказать, сколько времени человек лежал с закрытыми глазами. Когда он поднял веки, мальчик все еще стоял перед ним: в коротком пальтишке без пуговицы, с шапкой, надвинутой на одно ухо, с коньками под мышкой.

— Ты еще здесь? — спросил раненый, почти не шевеля губами.

— Ага.

— Ты иди. Дома я сам управлюсь... А за помощь спасибо.— Человек глотнул воздух и спросил: — Спешишь?

Он заметил под мышкой у мальчика коньки «английский спорт».

«Да, да!» — эти два коротких слова должны были сорваться с губ мальчика, но вместо них прозвучали совершенно другие:

— Я не спешу... я уже был на катке.

Он удивился, что произнес именно эти слова. Но произнес их с такой уверенностью, будто на самом деле все обстояло именно так. Собственные слова огорчили мальчика, но отступать было нельзя.

— Я дождусь кого-нибудь из ваших и пойду.

Ему казалось, что все эти слова произносил не он, а кто-то другой, помимо его воли. И он уже раскаивался, что сказал их. Ведь неизвестно, когда придут домашние. Может быть, не скоро. Вечером.

— Никто не придет,— помолчав, сказал человек.— Понимаешь, жена с сынишкой уехали к бабушке. На каникулы. В Сапожок.

— В какой «сапожок»? — вырвалось у мальчика.

Человек через силу улыбнулся и пояснил:

— Это город такой есть. Вернее, городок рязанский.

Мальчик положил коньки на стул. Этим движением он как бы хотел подчеркнуть, что никуда не спешит.

Он серьезно посмотрел на своего нового знакомого и спросил:

— Что же теперь делать?

— Да ничего. Отлежусь, и все пройдет,— сказал хозяин дома и, словно желая оправдаться перед мальчиком, добавил: — Понимаешь, я еще ночью в цехе почувствовал себя неважнецки. Но там не разболеешься. Стал карусельный станок. Пришлось налаживать... Утром почувствовал себя совсем скверно. Но подумал, что до дома доберусь. И вот видишь...

Он закрыл глаза и провел ладонью по волосам. Ему, видимо, немного полегчало, и он разговорился:

— Это мне под Орлом так приложило. Пять осколков вынули, а один при себе ношу.

— Кто же это вам... приложил? — спросил мальчик, стараясь говорить в тон хозяину дома.

— «Фердинанд». Это немецкий танк... Знаешь, что такое ПТО?

Мальчик покачал головой.

— Противотанковое орудие,— продолжал бывший боец,—пушечка такая. Сорокапятимиллиметровка. Мы, как кроты, врылись в землю, а на нас шли танки. Два танка мы подожгли, а третий нас приложил... Ни расчета, ни пушки... Ну ничего, все пройдет. Вот отлежусь...

И вдруг он снова побледнел, и две складки у рта стали еще глубже.

— Сходить за доктором?— предложил мальчик.

Раненый мотнул головой. Говорить ему было трудно. Потом он все-таки сказал:

— За доктором не надо. Разве что за лекарством сходи. Если не очень спешишь.

— Не спешу,— отозвался мальчик.— Где рецепт?

— В столе. Рядом, в комнате. Открой средний ящик. Там где-то завалялся рецепт. Болеутоляющее. Поищи, если тебе не трудно.

4

Человек не спросил мальчика, как его зовут, и не назвал ему своего имени. А спросить первым мальчик не решался.

В других обстоятельствах мальчик чувствовал бы себя очень скверно, очутившись в чужом доме у незнакомого человека. Но тревога, которая все больше и больше овладевала им, заглушала неловкость, как большая боль заглушает малую. И поэтому он без особых колебаний отворил дверь в соседнюю комнату.

Комната была залита желтым солнечным светом. Будто и впрямь есть такая желтая, светящаяся краска, которая не высыхает ни на полу, ни на стенах, ни на книжной полке и даже на глобусе. Мальчик зажмурился — солнечная краска брызнула ему в глаза — и услышал металлический стук пишущей машинки. Это за окном звонкие капли тающих сосулек стучали по железному подоконнику.

Весенняя солнечная комната была совсем не похожа на ту, где сейчас лежал раненый боец. Комната, наверное, еще не знала, что произошло с ее хозяином, и у нее было отличное настроение. И календарь тоже не знал. На сегодняшнем листке было написано: «Партком в 4 часа».

Мальчик подошел к столу. Но прежде чем выдвинуть средний ящик, он заметил учебник и две тетрадки. Это был учебник физики для шестого класса. А на тетрадках были написаны имя и фамилия владельца — «Сергей Бахтюков. 6-го «а». Это он, Сергей Бахтюков, сейчас отдыхает с мамой у бабушки в рязанском городе Сапожке.

Глаза мальчика недовольно сверкнули. Он отшвырнул тетрадки и медленно открыл средний ящик стола.

Ящик был доверху набит бумагами, чертежами, фотографиями, а также множеством незначительных вещиц, не представляющих на первый взгляд никакой ценности. Чем, например, может привлечь курительная трубка, изогнутая, как знак вопроса, или старая цепочка от часов, или лезвие в пакетике, напоминающем фантик?

Разыскивая рецепт, мальчик старался не разглядывать эти чужие вещи, но они притягивали его, как магнит. Он взял в руки трубку. От нее пахло пожаром. Наверное, хозяин курил эту трубку в последний раз на фронте у своей пушечки ПТО. Мальчик вдохнул в себя запах трубки и бережно положил ее обратно. Потом ему попалась фотография хозяина дома. Он был снят в военной форме и был молодым и

худощавым. Может быть, это был не хозяин, а его младший брат? С ямочкой на подбородке. Нет, это был он сам. Вероятно, когда он снимался, в его груди еще не было никаких осколков от снаряда «фердинанда».

А потом в руки мальчику попалась алая коробочка. Стыдясь самого себя, он не удержался и открыл ее. В коробочке лежал орден. Самый настоящий орден Красного Знамени. Мальчик взял орден и положил его на ладонь. Орден был прохладным и тяжелым.

Мальчик подержал в руках и запонки, и перочинный ножик, и лезвия безопасной бритвы с надписью «Нева». Ему никогда не приходилось встречать в таком количестве мужские вещи. Да откуда было им взяться, ведь в своем доме он был единственным мужчиной? Его тянуло к этим вещам. Он испытывал почти физическое удовольствие от прикосновения к ним.

Наконец рецепт нашелся. Он был очень старым. Вероятно, хозяин не пользовался им уже много лет. На маленьком пожелтевшем листке стоял лиловый штамп: «Санчасть полевая почта 31497». Рецепт был написан рыжими чернилами. Казалось, что буквы когда-то сверкали и лишь от времени поржавели. Мальчик разобрал только первую строчку: «Старшине Л. Бахтюкову». Дальше шла латынь.

Мальчик бережно взял рецепт в руки и тихо задвинул ящик. Потом его взгляд скользнул по тетрадкам Сергея Бахтюкова 6-го «а». Он почему-то сжал кулак и погрозил тетрадкам.

И вдруг мальчик почувствовал, что его тянет к человеку, который с осколком в груди лежит в соседней комнате. К больному, бесстрашному мужчине, которому принадлежат боевой орден в красной коробочке, прокуренная солдатская трубка, пахнущая пожаром, и лезвие «Нева».

Почему этот большой, сильный человек беспомощно лежит на диване, а он, мальчишка задиристый, но на деле не такой уж сильный, может бегать, смеяться и сбивать шапки у встречных шкетов?

5

Мокрый, тающий снег пахнет сыроежками. Он шуршит под ногами. Ему уже не белеть на крышах, на мостовой и на воротниках прохожих. Много месяцев будет он журчать в ручьях, петь в водопроводных трубах, дружить с кораблями. И только в декабре он вернется обратно, белый, нетронутый, без единого пятнышка. Как он будет не похож на этот придорожный, серый, истоптанный, тающий снег, который путается под ногами накануне своих волшебных превращений!

Мальчик не замечает запаха сыроежек. Он бежит. Спотыкается, перепрыгивает через лужи, соскакивает с тротуара на мостовую. Лыжные брючки, едва достающие до щиколоток, забрызганы. Шарф совсем размотался, пола коротенького пальто развевается: пуговицы-то не хватает.

Но кажется, что ему малы не только брюки и пальто и не только шапка, которая держится на одном ухе. Нет, ему не впору тротуары и мостовые, улицы и площади. Весь город тесен ему. Мальчик вырос из него и не вмещается в родной город с тревогой, неожиданно обрушившейся на его плечи.

Мальчик задевает на ходу прохожих, натыкается на фонарные столбы. Тесно! По поперечным улицам несутся машины. Разве в городе нет других улиц!..

Окоченело левое ухо: шапка надета на правое. На болтающемся шнурке наросла целая сосулька. Но в замерзшей руке, как волшебная лампа Аладдина, зажат пузырек с лекарством.

И вот он, с трудом переводя дыхание, входит в дом и тихо затворяет за собой дверь. Человек лежит с закрытыми глазами.

«Уснул,— думает мальчик,— значит, отлежался. Вот и хорошо».

Он ставит на стол пузырек с лекарством и обветренной рукой неловко заматывает шарф вокруг шеи. Теперь он принадлежит самому себе. Можно уходить.

Он смотрит на спящего раненого бойца почти с любовью. И ему становится неловко перед самим собой за это непонятное чувство. Он не узнает самого себя... Встречаются мужчины, рядом с которыми любой мальчишка чувствует себя сыном. Их отцовская власть незаметно распространяется даже на тех, кто считает себя очень взрослым и самостоятельным.

Мальчик встретил такого человека, а теперь ему надо с ним расставаться.

А человек не просыпается. Он, видно, справился со своим осколочком и теперь крепко спит. И мальчику ничего не остается, как молча попрощаться с ним и уйти. Он идет на цыпочках, чтобы половицы не заскрипели. Он доходит до двери и свободной рукой тянется к замку. Замок не слушается его: он разбирается, кто свой, а кто чужой.

И вдруг мальчик вздрагивает. Он слышит тихое, далекое слово «сынок». Это человек зовет его? Мальчик прислушивается. В доме тихо. Только звонкие капли тающих сосулек стучат в подоконник. Никто его не зовет. Это только показалось.

Мальчик стоит перед дверью и думает о том, что сейчас он уйдет и никогда не увидит этого большого, сильного человека. Не ощутит на своей ладони холодную торжественную тяжесть ордена Красного Знамени. Не вдохнет в себя таинственный запах старой трубки. Он медленно поворачивается и идет обратно в комнату. Здесь все неподвижно, как в спящем царстве. Спят двери, спят лампочки, спят половицы. Уснули вместе с хозяином. Балансируя рукой, мальчик идет на цыпочках: боится, что половицы проснутся и заскрипят.

Он подходит к дивану. Человек по-прежнему лежит без движения, спит.

А вдруг он умер?!

Эта мысль ошеломляет мальчика. Забыв о предосторожности, он наклоняется к спящему. Он кладет ему руку на плечо и начинает легонько трясти. Раненый боец не открывает глаза. Может быть, позвать его? По фамилии, которая написана на старом военном рецепте? Он зовет:

— Бахтюков... Дяденька Бахтюков!

Раненый боец вздрогнул и открыл глаза. Значит, он жив. Но почему он молчит? Почему не спрашивает про лекарство? Почему глаза его не закрываются, а как-то неестественно закатываются и голова безжизненно падает на плечо?

Он жив, но он может умереть.

Что делать? Мальчик стоит рядом. Его глаза расширены. Надо действовать! И если ты сам не знаешь, как быть, то позови на помощь!

Мальчик бросается к двери. Он будит все спящие половицы, и они скрипят, каждая на свой лад. Но он ничего не слышит. Он бежит. Он еще сам не знает, куда он бежит.

Мальчик перескакивает через две ступеньки. Звенят железные подковки, прибитые к каблукам, чтобы не стаптывались. Скорей! Скорей! Подковки высекают искры. Мальчик уже знает, что ему делать: надо звонить в «Скорую помощь».

6

Когда он вбежал в подъезд с синей табличкой «Телефон-автомат», там у аппарата стояли две девочки. Одна из них — с круглым, как луна, лицом — держала трубку и, сложив ладошку рупором, быстро говорила в микрофон. Другая — длинная, с глазами навыкате — что-то нашептывала на ухо подруге и заражающе хихикала.

— Что он говорит? Что он говорит? — шептала она так громко, что подружке приходилось закрывать микрофон ладошкой, чтобы не пустить туда шепот.

— Он в кино приглашает,— сказала девочка-луна своей любопытной подружке.

Подружка захихикала и зашептала еще громче — закричала шепотом:

— А ты скажи: не пойдем! Скажи: не пойдем!

Она повторяла каждое слово дважды, словно боялась, что подружка-луна не поймет ее с первого раза.

Несколько секунд мальчик молча наблюдал за веселыми подружками. Он никак не мог отдышаться.

Наконец он пришел в себя.

— Кончайте! — сказал он сердито.— Мне в «Скорую помощь» звонить надо.

Две подружки враждебно посмотрели на мальчишку в коротеньком пальто, и та, что хихикала и подсказывала шепотом, насмешливо сказала:

— Знаем мы, какую тебе «Скорую помощь»! Небось, на каток спешишь.

И тут мальчик обратил внимание, что он держит под мышкой коньки: они сегодня мешали ему на каждом шагу. Он подошел к девчонкам вплотную и грозно сказал:

— А ну кончайте!

— И не подумаем! — сказала девочка-луна, прикрывая ладошкой микрофон. Потом на минутку оторвала ладошку и сказала в трубку: — К нам тут нахал пристает.

Зеленые глаза стали злыми и колючими. Там человек умирает, а эти девчонки смеются и кривляются. Мальчик резко оттолкнул пучеглазую и выхватил трубку из рук ее подруги. Девчонки от неожиданности взвизгнули и отбежали в сторону.

— Дурак! — крикнула одна.

— Нахал! — подпела другая.

Они очутились у противоположной стены и стали наблюдать за тем, что будет дальше.

Мальчик прижал трубку к уху. Он услышал незнакомый мальчишеский голос:

— Так вы придете в кино? Чего же вы молчите?

Мальчику показалось, что этот голос доносился совсем из другого мира — беспечного и благополучного.

Он нажал рычаг, и мальчишка, который приглашал девчонок в кино, сразу замолчал.

Он набрал номер «03».

В трубке зазвучал молодой женский голос:

— «Скорая» слушает.

От неожиданности мальчик не знал, с чего начать. Он молчал. Голос нетерпеливо повторил:

— «Скорая» слушает. Что у вас?

— Тетенька,— заговорил мальчик,— человеку плохо.

— Фамилия? — бесстрастно спросил голос.

— Чья фамилия?

— Больного.

— Он не больной, он раненый.

— Где ранен?

— На фронте, под Орлом.

Наверное, там, в «Скорой помощи», так привыкли ко всем необычным вещам, что даже не поинтересовались, при чем здесь Орел.

Нетерпеливый голос спросил:

— Где находится пострадавший?

— Дома.

— Адрес?

Мальчик запнулся. Он не знал адреса. Он так и сказал:

— Я не знаю адреса.

— Так что же ты вызываешь «Скорую помощь»? На деревню дедушке, что ли, ехать? Узнай адрес и перезвони.

В трубке раздались короткие гудки. «Скорая помощь» повесила трубку.

Мальчик тоже повесил трубку и оглянулся. Девчонок не было. Вероятно, убедившись, что нахальный долговязый мальчишка сказал правду, они тихонько выскользнули из подъезда. Может быть, побежали к другому автомату. А может быть, им стало стыдно.

Мальчик вышел из подъезда. Он ненавидел себя за беспомощность, за то, что, убегая, не посмотрел на номер дома раненого бойца. Да и названия переулка он тоже не знал толком: не то Гончарный, не то Дегтярный... Оставалось одно: бежать узнать адрес.

Мальчик уже собрался рвануться с места, когда до него донесся далекий звук санитарной сирены.

7

По улице мчалась «Скорая помощь». Куда она спешила? К человеку, попавшему в беду? Или возвращалась на стоянку? Или она приняла сигнал бедствия и спешит на помощь раненому бойцу, не зная адреса?

Голос сирены нарастал. Он то взлетал под облака, то стремительно падал. Он звучал как сигнал боевой тревоги.

А что, если эта почти крылатая машина с красным крестом промчится мимо?

Надо остановить ее!

И мальчик решился. Он выбежал на середину мостовой и преградил путь «Скорой помощи». Расстояние от летящей машины до мальчика было очень небольшим. Оно сокращалось с каждым мгновением. Сирена выла истошно. Она взлетела и больше не падала. Она нагоняла страх. Мальчик закрыл глаза, но не тронулся с места.

И вдруг сирена умолкла. Машина резко затормозила. На мостовой было скользко, и ее занесло в сторону.

Когда мальчик с коньками открыл глаза, машина «Скорой помощи» стояла совсем близко, развернувшись поперек дороги. А из распахнутой дверки уже выскакивал бледный шофер в фуражке с блестящим козырьком. Тяжело дыша от волнения, он подбежал к мальчику и замахнулся, чтобы ударить его. Но сдержался и не ударил. А заговорил часто и сбивчиво:

— Какого черта! Шантрапа!.. Жить надоело? Под машину лезешь! Герой!

Но мальчик был защищен от ругательств невидимой броней своего смятения. И обидные слова отскакивали от этой брони, как дробинки. Когда шоферу не хватило воздуха и он замолчал, чтобы сделать вдох, мальчик, не поднимая глаз, сказал:

— Человек умирает.

— Где? — спросил шофер. Он сразу остыл, почувствовал себя на своем посту.

— Я вам покажу, — ответил мальчик.

Шофер нахмурился. Когда работаешь в «Скорой помощи», надо быть ко всему готовым. Но такого оборота дела он не ожидал.

Он полез в карман и достал оттуда пачку сигарет. Он сунул одну в рот и чиркнул зажигалкой, зажатой в кулаке. Зажигалки не было видно, и казалось, что он извлек огонь из самого кулака.

— Идем к врачу, — сказал шофер, — он решит.

Когда мальчик и шофер подошли к машине, там уже начал собираться народ. Машина «Скорой помощи», стоящая поперек мостовой, успела привлечь зевак. Они толпились у машины, спрашивая друг друга:

— В чем дело?

— Что случилось?

— Кого-нибудь задавили?

Но никто не лежал на мостовой, а к машине быстро шел шофер в фуражке с лакированным козырьком и долговязый мальчик с коньками под мышкой.

— Арсений Иванович, — сказал шофер, заглядывая в открытую дверку, — тут у малого с отцом плохо. А у нас вызовов нет. Поедем?

— Что с ним? — спросил из кабины басистый голос, обращаясь к мальчику.

Мальчику хотелось сказать, что шофер ошибся, что раненый боец вовсе ему не отец, а чужой человек. Но сейчас не было времени для объяснений. И он, стараясь говорить понятней и убедительней, сказал:

— Лежит без сознания. Раненый он. Осколок зашевелился в груди.

— Поехали! — решительно сказал врач.

Мальчик и шофер забрались в кабину. Завыла сирена, разгоняя зевак. И, присев на задние колеса, как конь перед скачкой, «Скорая помощь» устремилась вперед.

8

Мальчик не знает, застанет он раненого бойца в живых или нет. Поэтому, открывая дверь, он чувствует, что у него слабеют руки. И ноги легонько дрожат в коленках. Всю дорогу он торопился, а сейчас вдруг замедляет шаги. Что, если Бахтюков не дождался его?..

Но медлить нельзя. За спиной стоит врач с чемоданчиком и два санитара с пустыми носилками. А внизу у подъезда дежурит машина «Скорой помощи». Мальчик заходит в прихожую. За ним входят трое мужчин. Они здоровые, в белых халатах поверх пальто. От них сразу становится тесно в квартире.

Человек на диване по-прежнему бледен, глаза его закрыты. Жив он или нет?

От волнения мальчик сжимает в карманах кулаки.

Врач берет Бахтюкова за руку. Он считает удары пульса, поглядывая на часы. Раз он считает, — значит, пульс есть. Значит, Бахтюков жив. Хотя он не очень похож на живого. Потом врач «Скорой помощи» засучивает рукав больного до самого плеча и берет в руки ампулу. Ампула похожа на маленькую сосульку. Врач щелкает сосульку по носу и ловким ударом отбивает стеклянный кончик. Потом он опускает туда стальное жало шприца. Он берет руку человека, лежащего без сознания, и прикидывает, куда бы лучше вонзить иглу.

Мальчик упирается большими пальцами ног в носки ботинок.

Он вспоминает, как в школе ему делали прививку. Его тоже кололи шприцем. Было больно, но терпимо. В общем, пустяк. Но мальчику кажется, что Бахтюкову будет в сто раз больнее. Ведь ему и без укола так больно!

Мальчик прижимает локти к бокам и болезненно щурит глаза. Игла впивается в руку.

Санитары поставили носилки в угол, а сами сидят на стульях у стола. Они большие и тяжелые. Взгляд у них безразличный. Они не наблюдают за действиями врача. Они заняты своими мыслями. Им все знакомо. От постоянной встречи со страданиями и несчастьем их сердца покрылись черствой корочкой. У них свои заботы.

— Лестница узкая,— говорит один санитар другому,— боюсь, носилки не пройдут.

— Пройдут,— отвечает другой,— пройдут. Приподнять немного придется.

— Больной-то тяжелый.

Мальчик слышит за спиной их спокойный разговор, и ему хочется сказать им что-нибудь обидное. Но он не поворачивается к ним. Он смотрит на Бахтюкова. И Бахтюков открывает глаза.

Он видит мальчика. Мальчик стоит перед ним, как стоял в ту минуту, когда он потерял сознание. Может быть, мальчик никуда не уходил? Так и простоял у его изголовья целую вечность, как бессменный часовой? Бахтюкову хочется улыбнуться этому долговязому, нескладному парнишке. Но вместо улыбки получается болезненная гримаса: очень больно. Он замечает врача и санитаров. Он все понимает.

— Что будем делать?—спрашивает он врача.

И врач, убирая шприц, отвечает:

— Поедем в больницу.

Бахтюков молчит, потом покорно кивает головой. Взгляд его стал озабоченным. С застенчивой улыбкой он просит мальчика:

— Сынок, будь другом, отправь телеграмму моим в Сапожок.

— Хорошо. Отправлю,— говорит мальчик.

И ему почему-то становится обидно, что человек сейчас думает о своем Сережке Бахтюкове. А этот самый Сережка, небось, гоняет с ребятами на лыжах...

— Принеси мне бумагу и карандаш.

Мальчик идет в соседнюю комнату. Календарный листок все еще зовет Бахтюкова к четырем часам на партком... На столе лежат две тетрадки Сережи Бахтюкова из 6-го «а». Мальчик берет первую попавшуюся и небрежно открывает ее. Это тетрадь по литературе. В ней написано сочинение. Большими аккуратными буквами выведено заглавие «Как я провел лето». Ни кляксы, ни помарочки. «Чистюля!» — думает мальчик и читает первые строки: «Лето я провел в городе Сапожке у бабушки. Это маленький город. В нем много зелени...»

Мальчик вырывает листок из тетради. Вырывает неровно, наискосок, пусть хозяин обязательно заметит, что лист вырван.

Бахтюкову трудно писать. Буквы получаются кривыми, будто им тоже плохо и они не держатся на ногах. Он пишет телеграмму в Сапожок, а врач делает запись в свою книжечку. Врач ставит точку, и санитары, как по команде, встают из-за стола. Они ставят носилки на пол. В боевое положение.

Мальчик смотрит на Бахтюкова. И вдруг он думает о том, каким бы он был счастливым человеком, если бы Бахтюков писал эту телеграмму ему, а не Сереже. Он смотрит на него с грустью. Он понимает, что сейчас они расстанутся навсегда. Бахтюков пишет долго. И мальчику хочется, чтобы он писал еще дольше. Чтобы он никогда не кончил писать эту телеграмму.

— Вот,— говорит Бахтюков и протягивает мальчику листок и деньги.— Держи. Сделай это, сынок. И вообще спасибо тебе.

Санитары кладут больного на носилки. Мальчик отходит в сторонку. Если бы он мог, он сделал бы это один. И сделал бы хорошо. А санитары трясут Бахтюкова, и ему, наверное, больно.

Он стоит и не дышит. Ему начинает казаться, что все это не на самом деле. Показывают в кино, а он зритель. Он по другую сторону экрана. У него под мышкой коньки «английский спорт», а здесь, в комнате, носилки, белые халаты, запах лекарства. И человек — большой, хороший, близкий человек, и ему очень плохо.

Санитары берутся за ручки носилок.

— Взяли? — спрашивает передний.

— Взяли! — командует задний.

И носилки отрываются от пола.

Они плывут по комнате, по темному коридору. Мимо комнаты, залитой желтой солнечной краской. В замочную скважину протиснулся один луч солнца. Он прямой и светлый. В нем, как маленькие живые существа, кружатся пылинки. Когда носилки проплывают мимо, солнечный луч касается щеки раненого бойца. Он прощается с хозяином дома.

На улице мальчик говорит Бахтюкову:

— До свидания.

— Ты еще здесь? — отзывается раненый боец, и его глубокие большие глаза встречаются с зелеными глазами мальчика, полными печали.

Завыла сирена. Машина забуксовала, вздрогнула, потом оторвалась и покатила.

А мальчик стоял и смотрел ей вслед, держа в руке неотправленную телеграмму.

9

Что толку в коньках, когда они бессмысленно торчат под мышкой! Будь они на ногах, можно было бы мчаться, сокращая время и расстояние. Но в городе на коньках не очень-то разъедешься. Лед сколот или посыпан песком. А в Голландии все пешеходы надевают зимой коньки. Там даже старушки катаются на коньках. Но там вместо улиц каналы, покрытые гладким синеватым льдом...

Коньки помогают, когда они на ногах, а когда их приходится нести под мышкой, то они только мешают.

Опять мальчик спешит. Телеграмму нужно отправить поскорее. Ведь в телеграмме Бахтюков, наверное, зовет жену и сына, этого противного Сережку, который пишет сочинения каллиграфическим почерком, без единой помарки. Черт с ним! Раз Бахтюков хочет, пусть приезжает Сережка.

Одному уху все время тепло — оно под шапкой, а другому — холодно. Это несправедливо. Но в спешке все некогда передвинуть шапку на закоченевшее ухо.

Зато на почте тепло. Здесь пахнет красным сургучом, тягучим клеем и еще каким-то неповторимым почтовым духом. За барьером в глубине стучит телеграфный аппарат. Его звук напоминает капель. Может быть, это тающие сосульки проникли в дверь, на которой висит строгая, как приказ, табличка: «Посторонним вход воспрещен!»

На почте мальчику сразу стало жарко. Он расстегнул пальто и размотал зеленый шарф. В распахнутом пальто он стал походить на галчонка с подбитым крылом. Он подошел к окошечку, где принимают телеграммы, и протянул листок.

— Это что за каракули? — спросила девушка из окошка.— Что ты, получше написать не мог? Не маленький! На́ бланк, перепиши.

Мальчик покраснел от неловкости, но не стал объяснять, что телеграмму писал не он, а раненый, у которого едва хватило сил удержать в пальцах карандаш.

Посреди почтового зала стояла конторка, похожая на деревянный гриб. Мальчик прислонил коньки к ножке гриба, а телеграфный бланк положил на шляпку. Не торопясь, стараясь уместить буквы в строку, он вывел адрес. Мальчик старался писать как можно аккуратнее, но почерк у него был нескладный, а буквы получались очень вытянутыми, им были малы строчки телеграфного бланка.

Когда адрес был написан, мальчик тяжело вздохнул — нелегкая это работа — и стал писать текст.

«Заболел,— писал он,— ложусь больницу. Квартиру запер. Отдыхайте. Отец».

Только теперь, когда телеграмма была переписана, до сознания мальчика дошел ее смысл. Нет, Бахтюков никого не звал. Он просто сообщал о случившемся. Сердитые зеленые огоньки зажглись в глазах мальчика. Выходит, он для того бежал на почту, чтобы сообщить Сережке Бахтюкову, что он может спокойно отдыхать в то время, когда отец его лежит в больнице и жизнь его в опасности?!

Мальчику захотелось порвать телеграмму. Написать новую, свою. В этой телеграмме он на все деньги отругал бы этого Сережку. Он бы высказал ему все, что он о нем думает... Но он не сделал этого.

Когда телеграмма была написана, у окошечка уже образовалась очередь. Мальчик молча встал в очередь и стал ждать. Спешить было некуда. Когда людей в трудную минуту не зовут на помощь, а советуют им спокойно отдыхать, спешить не обязательно. Разве это не так?

10

Мальчик сходит со ступенек почты. Он никуда не спешит. Он держит коньки не под мышкой, а в руке. Блестящий полоз холодит руку, но сейчас это не страшно: в городе потеплело, хотя солнце клонится на закат, земля подставляет под его лучи свой продрогший, зимний бочок. Греется.

Сосульки сбились со счета, и теперь их прозрачные капли без передышки стучат о камни, о подоконники, о крыши киосков. Их стук сливается в длинную пулеметную очередь. Это весна бьет из своего веселого пулемета по льдинам и снегам, по вьюгам и морозам.

Мальчик оглядывается вокруг и замечает, что снежный наст в городском сквере осел и напоминает поверхность луны. На его шероховатой, кремнистой корочке виднеются маленькие лунные цирки. И пусть не скоро распустятся почки и прорастет трава,— на еловых лапах, на самых кончиках, уже появилась свежая зелень. Темные прошлогодние иголки жесткие, а новые весенние иголочки еще не окрепли, не научились колоться. Дотроньея до них щекой, почувствуешь, какие они нежные.

Мальчик с коньками идет по городу...

Вот уж действительно человек, не следящий за своей внешностью! Даже мысль о встрече с девочкой в белой шапке не может заставить его привести себя в порядок. Интересно, заметила она, что его не было на катке? Или он ей совсем безразличен, как и все остальные шкеты?

Плечи у мальчика опущены. А взгляд зеленых глаз усталый, растерянный. Одна рука держит коньки, а другая свободна. Она болтается просто так, а когда хозяин спотыкается, помогает ему удержаться на ногах. Наконец она замерзла, и мальчик сунул ее в карман.

Пальцы нащупали какую-то бумажку. Ах да, это листок из тетради, который не приняли на почте. Мальчик вынимает листок и перечитывает слова, составленные из букв, которые еле стоят на ногах: «Заболел. Ложусь больницу. Квартиру запер. Отдыхайте. Отец».

Отец... Это слово мальчик произносит вслух. Он никогда в жизни не произносил этого слова, и ему хочется знать, как оно звучит. Он не узнает собственного голоса. Ему кажется, что кто-то другой произносит это слово.

Мальчик представляет себе, как произносит слово «отец» Сережка Бахтюков. Ему даже чудится, что он слышит его голос. Мальчик морщится, как музыкант от фальшивой ноты.

И вдруг он приходит к выводу, что ни Сережка, ни его мать не поедут к отцу. Они не покинут раньше срока город Сапожок и не примчатся к человеку, который сейчас страдает в больнице. К человеку, которого зовут «отец».

Он представил себе Бахтюкова одного на больничной койке. И почувствовал, как уголки глаз начинает щипать горькая накапливающаяся слеза.

А что, если сходить в больницу? Просто так, узнать, как здоровье больного Л. Бахтюкова. Передать привет и уйти. Все человек не будет себя чувствовать одиноким.

Да и на каток ему совсем неохота идти. Нет настроения. На каток можно сходить и завтра.

Мальчик перешел на другую сторону и, незаметно для себя ускоряя шаги, направился в городскую больницу.

11

У каждого дома есть свой запах, даже если дом нежилой. У почты — почтовый запах, у булочной — хлебный, у больницы — лекарственный.

Почтовый запах рассказывает о посылках и бандеролях, о свежих газетах и заморских марках, отмеченных черными радугами печатей. Запах булочной рассказывает о поджаристых корочках, о бубликах, усыпанных черными дробинками мака, о булочках, залитых сладкой глазурью.

Больничный запах не рассказывает ни о чем хорошем. Он встречает человека на пороге и сразу отравляет ему настроение рассказом о боли и страданиях.

Этот запах встретил мальчика за дверью с надписью «Приемный покой».

В приемном покое стояла торжественная тишина. Собственно, это был не сам приемный покой, а лишь коридор перед ним. На скользком кафельном полу стоял белый деревянный диван. И больше ничего здесь не было.

Мальчик сделал несколько неуверенных шагов и очутился перед стеклянной дверью. Дверь была приоткрыта. Мальчик заглянул туда и сразу встретился взглядом с дежурным врачом. Врач был в белой шапочке и с большой черной бородой. Рукава халата были закатаны до локтей. Вид у врача был строгий и, как показалось мальчику, немного свирепый. Заметив посетителя, врач смерил его строгим взглядом и вышел в коридор. Он подошел к мальчику и задал ему самый неожиданный вопрос:

— Что это у тебя, «английский спорт»? Дай-ка сюда.

Удивленный мальчик протянул доктору коньки. Тот взял их в руки и попробовал лезвие ногтем: острые они или нет. Врач рассматривал коньки, а мальчик не отрывал глаз от врача. Доктор был молодым. У него не было ни единой морщинки, а щеки были такие румяные, будто их обладатель только что пришел с катка. Мальчик сделал это открытие, и ему сразу стало легче. Он сказал:

— К вам привезли больного. Его зовут Л. Бахтюков. Как его состояние?

Врач протянул мальчику коньки и почесал бородку.

— Бахтюков? — повторил он.— С осколком?

— Да, да,— подхватил мальчик,— его привезли на «Скорой помощи».

— К нам всех на «Скорой помощи» привозят,— сказал врач.

Мальчик промолчал.

— Случай тяжелый.— Голос врача сразу стал теплее, а от свирепости не осталось и следа.— Я сейчас узнаю, как дела. А ты посиди здесь на диване.— И доверительно добавил:— Вообще-то здесь не положено быть посторонним. Но случай тяжелый.

Доктор скрылся в своем приемном покое, а мальчик сел на диван. Он сел и сразу почувствовал во всем теле такую слабость, что зажмурил глаза. Ему даже показалось, что он уже ни за что не сможет подняться на ноги.

Он слышал, как за стеклянной дверью молодой бородатый доктор звонил по телефону, как он расспрашивал о Бахтюкове, как называл себя доктором Коном из приемного покоя.

Через некоторое время он снова появился в дверях. Он испытующе посмотрел на мальчика и сказал:

— Вот что. Сейчас отца будут оперировать. Будешь ждать?

— Буду!

Доктор одобрительно кивнул ему головой и скрылся за дверью.

12

Есть люди, созданные для сидения на месте. Их девиз: в ногах правды нет. И есть непоседы. Они ерзают на стуле, с трудом досиживают до конца урока и, стоя в очереди, испытывают ни с чем не сравнимые муки. Из таких людей вырастают путешественники и строители, разведчики и почтальоны. У них правда в ногах, в движении, в смене впечатлений.

Мальчик с коньками принадлежал к такой породе людей.

Почему же сейчас в приемном покое городской больницы он сидит смирно? Не ерзает? Не болтает ногой и не барабанит пальцами по белому больничному дивану? Но если он смирно сидит на месте, это вовсе не значит, что он спокоен.

Его мысли мечутся. На них не действует закон приемного покоя.

Как проходит операция? Больно Бахтюкову или на него действует наркоз?.. Наверно, больно.

Мысли переносят мальчика в операционную. Он представляет себя на операционном столе. Он старается причинить себе боль... Для этого он вспоминает, как однажды летом наступил босой ногой на гвоздь. Гвоздь вошел глубоко. Сначала было не очень больно. Потом ранку обожгли йодом. От боли он прыгал на одной ноге. Потом острая боль стала тупой и долгой...

Мальчик почти физически ощутил эту боль. Он даже пошевелил ногой в ботинке.

Но Бахтюкову, конечно, еще больнее.

И вдруг мальчик мысленно очутился возле города с гордым названием Орел. Он видит степь с птичьего полета. Сверху огневые позиции противотанковых орудий похожи на кротовые норки: вокруг насыпь из свежей земли. А фашистские танки, которые ползут по степи, похожи на желтых черепах. Черепахи медленно приближаются к кротовым норкам.

Он видит, как над кротовыми норками замелькали вспышки. Это ПТО открыли огонь

по танкам. Вот один танк остановился. Из него повалил густой черный дым. Этот дым разрастается. Он ползет по траве, застилает черепах и кротовые норки. Уже не видно, что делается на земле. Только в дыму сверкают вспышки ПТО, как в туче отблески молний.

Мальчику кажется, что он идет по земле, разгребая дым руками. Дым густой, как вода, он мешает идти. Земля черная. Она пахнет пожаром, как старая солдатская трубка в столе Бахтюкова.

Вот пушка Бахтюкова... А вот сам Бахтюков. Худой, похожий на младшего брата нынешнего Бахтюкова. На нем гимнастерка с расстегнутым воротом... Пушка ПТО стреляет. После каждого выстрела она приседает, а ствол откатывается назад, будто хочет спрятаться, но потом раздумывает и возвращается обратно. А Бахтюков кричит: «Огонь! Огонь!»

И чем громче кричит Бахтюков, тем сильнее стреляет пушка.

«Огонь!» — кричит Бахтюков, и огонь срывается с губ Бахтюкова. И переносится на танк. И танк горит.

Но следующий танк успевает выстрелить. Бахтюков падает. Пушка опрокидывается. Колеса беспомощно вращаются.

...Бахтюков лежит в траве. Он бледный, с непокрытой головой. На белых бурках кровь... Да нет, не на бурках — на сапогах...

Бахтюков большой и тяжелый, но мальчик несет его на руках... Он прикрывает его собой от осколков фашистских «фердинандов».

Сердце стучит громко. На весь приемный покой. Нет покоя в приемном покое.

Сюда привозят больных, измученных людей. Здесь тревожатся о своих близких. В насмешку, что ли, назвали это место «покоем»?

Мальчик ждет. Он сидит на месте. Но мысли его неспокойны. Нет для него сейчас ни катка, ни города, ни дома. Есть только раненый боец. Он командует мыслями мальчика, и мысли подчиняются ему.

13

Оказывается, мысли тоже устают. Они замедляют ход. Перестают метаться. Но они не дремлют. Они ждут.

Мальчик устало прислонил голову к стене. Его глаза смотрят в одну точку. Они уже не видят ни окопа ПТО, ни фашистских танков.

— Кто от Бахтюкова?

Мальчик вздрагивает и вскакивает с дивана.

— Я!

Перед ним стоит пожилая медицинская сестра. Она такая полная, будто надела халат поверх шубы, как санитары «Скорой помощи».

— Ты? — произносит сестра почти мужским голосом.

Она говорит степенно, с расстановкой, будто читает по бумажке.

— Операция была тяжелой. Больной потерял много крови. Но все обошлось благополучно.

И вдруг она по-бабьи жалостно посмотрела на мальчика и заговорила другим голосом, женским:

— Ты не волнуйся. Будет жить отец. Организм у него могучий.

— А скоро он поправится? — спрашивает мальчик.

— До зеленых листиков полежит,— говорит сестра.— Теперь беги домой. Скажи матери, чтоб не волновалась... А это тебе на память.

Сестра протянула мальчику маленький кусок ржавого железа.

— Что это? — Мальчик вопросительно поднял глаза на сестру.

— Осколок.

Это был тот самый осколок, который через много лет после конца войны вдруг ожил и пожелал сделать то, что ему не удалось там, в степи под Орлом: поразить сердце бойца.

— У самого сердца отыскался,— пояснила сестра и, спохватившись, заторопилась: — Мне пора. Передать что-нибудь отцу?

Мальчик задумался. Что сыновья передают больным отцам?

— Передайте, что дома все в порядке. Целуют его... все. И пусть скорее поправляется.

Слова показались ему сухими, но других слов он не знал.

Мальчик сжал в кулаке осколок и почувствовал боль: у осколка были острые края.

Сестра ушла.

Она ушла туда, где в тихой палате весь в бинтах лежал бывший старшина Бахтюков. Он лежал с открытыми глазами и скрипел зубами от боли.

Сестра подошла к нему, поправила подушку и как бы невзначай сказала:

— Какой у вас хороший сынок!

— Сынок? — Бахтюков, забыв про боль, слабо улыбнулся.

— Он всю операцию в приемном покое просидел. Волновался.

— Сынок, — прошептал Бахтюков и почувствовал, что боль стала слабее.

Значит, телеграмма пришла вовремя. Значит, сын, узнав о его болезни, не пожелал отдыхать, а примчался в родной город!..

Человеку было невдомек, что никакая телеграмма-«молния» не могла так быстро дойти до дальнего города Сапожка и тем более привезти ему сына.

14

В городе стемнело. Уже не видно лунных цирков на корочке осевшего снега. Уже на елочках нельзя различить молодые, нежные иголки от старых, колючих и жестких. Уже скрылись из глаз скользкие серебристые сосульки. Но хотя земля повернулась к солнцу другим бочком, в городе тепло, и невидимые сосульки продолжают таять.

По городу идет мальчик с коньками под мышкой.

В темноте не видно, что одна пуговица вырвана с мясом, а на шарфе чернильное фиолетовое пятно. И не видно, что он вырос из пальтишка и из лыжных брюк. Все ему коротко, все не по росту. Но кто виноват, что мальчики так быстро растут?

На каком ухе сидит старенькая шапка? Не все ли равно. Когда весна своим теплым, влажным дыханием касается лица, это не имеет значения: уши не мерзнут. И только ботинки, набегавшиеся за день по лужам, промокли, и ногам холодно.

Мальчик думает о высоком, крупном человеке в меховой куртке, сделанной из шкуры черного зверя, о боевом ордене, и о прокуренной трубке, и о рецепте, выданном санчастью с номером полевой почты. Он думает о человеке, которого ему недоставало всю жизнь. И теперь этот человек нашелся, но он принадлежит не ему...

Мальчик думает о том, что он на месте Сережи бросил бы все на свете и примчался к отцу... Нет, он бы вовсе не уезжал от отца ни к какой бабушке, ни в какой Сапожок. Он бы всегда был рядом с ним, чтобы в любую минуту прийти на помощь.

Мальчик не замечает, как справа от него вырастает забор стадиона. На катке уже не звучит музыка, не горят веселые лампочки и не слышно зазывного шороха, который издают коньки, разрезающие лед.

Под единственной лампочкой на воротах висело объявление.

«Ввиду теплой погоды каток закрыт».

Мальчик сжал кулак и почувствовал боль. В руке был зажат осколок, который мог вонзиться в сердце Бахтюкова. Мальчик сжал кулак крепче, и ему стало еще больней.

И вдруг мальчик обрадовался. Он может терпеть боль, и ему наплевать, что каток закрыт. И он смеется над счастливчиком Сережкой, хотя у того есть отец. И человек, назвавший его «сынком», будет жить и поправится до зеленых листиков. И хотя ноги мерзнут, это хорошо,— значит, в городе много луж, значит, весна спешит и скоро появятся эти самые зеленые листики.

Мальчик расстегнул свое коротенькое пальто, переложил коньки в другую руку и зашагал домой.

ПО ЛЕНИНСКОМУ ДЕКРЕТУ

Вл. РУДИМ

Весеннее золото солнечных лучей пробилось сквозь деревья и коснулось холодного мраморного прямоугольника на стене здания. И, казалось, мрамор стал теплеть, на нем проступили розовато-бронзовые отсветы, а вырубленные в камне буквы заиграли то золотом, то багрянцем — словно от костров. На мраморе были высечены слова из декрета Совета Народных Комиссаров:

«Учредить в гор. Ташкенте государственный университет.
Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)»

По улице вдоль здания университета течет оживленный человеческий поток. Идут пожилые, идут юноши, обгоняют прохожих юркие мальчишки. Проходят разные поколения, а с ними — история этого здания, история города, судьба целой республики.

* * *

С чего же все началось? Как возник первый вуз в крае, где было — трудно поверить! — всего два процента грамотных?

В библиотеке имени Навои мне дали ветхие, желтые, как лица стариков, газеты. Они воскресили прошлое.

Какое время было!.. Гражданская война, разруха, интервенты, банды... Казалось, до университета ли тут! Но Владимир Ильич Ленин понимал, какое огромное значение будет иметь вуз для Средней Азии. В Москве, на Волхонке, появилась скромная вывеска: «Организационный комитет Туркестанского Государственного Университета». Комитет был создан при непосредственном участии Надежды Константиновны Крупской. С той поры прошло немало лет, но ничего не забылось.

Профессор Александр Сергеевич Уклонский, заведующий кафедрой минералогии, с азартом молодости (а ему ведь ой как много лет!) рассказывал:

— Это всегда будет удивлять и восхищать, как далеко и как глубоко видел Владимир Ильич Ленин! Обратите внимание: наш университет основан по декрету правительства. Ленин знал лучше, чем кто-либо другой, что такое университет да еще в Средней Азии! Владимиру Ильичу было ясно: если организовывать университет обычным путем, на годы растянется дело. Значит, нужны энергичные меры, нужен декрет! И действительно, уже в том же двадцатом году мы получили необходимое оборудование, книги и начали научную работу.

Одна черта, характеризующая ленинский стиль: чтобы решение об университете не повисло в воздухе и чтобы не было долгой раскачки, еще до издания декрета в Ташкент направились и преподаватели и оборудование. И, наверное, не без участия В. И. Ленина в Гусь-Хрустальном несколько товарных вагонов были загружены редчайшим для того времени добром: химической посудой. Для Ташкента!

С первым эшелоном ехали в Узбекистан нынешние профессора Иларий Алексеевич Райков и Михаил Александрович Орлов. Ехали ни много, ни мало — 51 день, расчищали снежные заносы, добывали топливо для паровоза.

Когда материальная база для университета была в основном создана, 7 сентября 1920 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет.

...В том году по пыльным улицам Ташкента бродил сирота, беспризорник Шукур. Ночью спал под высокими чинарами возле арыка, днем шел в старую городскую крепость, где обосновались красноармейцы: они не раз делились своим пайком с босоногим узбекским мальчишкой. Ему было 12 лет, но он не знал ни одной буквы. И, конечно, не придал никакого значения словам красного комиссара, который однажды разбудил его, спящего под чинарами, и сказал:

— Пойдем-ка, дружище, в интернат. Выучишься там, потом рабфак окончишь, а потом поступишь в этот университет, под стенами которого ты сегодня ночевал.

Так Шукур попал в интернат. А дальше все было почти так, как говорил комиссар.

Шукур стал учиться, вскоре его приняли в пионеры, и тут ему выпало большое счастье: он поехал с делегацией в Москву. А в Москве узбекские пионеры неожиданно увидели Ленина. Увидели издалека, мельком. Мимолетная встреча заполнила сердца до краев и не померкла с годами. Шукур помнил ее, когда стал студентом университета, он помнит об этом и сейчас так, словно встреча произошла всего несколько минут назад. А сейчас Шукур Талипович Талипов — доктор наук, декан химфака.

Сколько в университете людей, в жизни которых произошли такие удивительные перемены!

Подобно тому, как иссушенная зноем земля жадно впитывает влагу, так узбеки потянулись к знаниям. Дочь малограмотного узбека, всю жизнь работавшего на других, София Хамидовна Миркамалова стала доктором наук; она возглавляет геологический факультет. Три сестры Софии и брат тоже получили высшее образование.

А вот еще один декан, Нугман Далимов. Он руководит географическим факультетом. Послушайте, какие у него братья и сестры: Субутай — преподаватель на филологическом, Зияд — кандидат медицинских наук, Султан — доцент, Фатима — врач, Мастура — учительница. Одним словом, если считать братьев и сестер и их детей, наберется с высшим образованием шестнадцать человек!

* * *

...В раскрытые окна аудиторий льется пахнущий фиалками весенний воздух и неумолчное воркование маленьких шоколадно-сизых азиатских горлинок. А в аудиториях шелестят страницы книг и тетрадей, на досках возникают формулы, схемы, фразы на языках хинди, фарси... Пять с половиной тысяч студентов. Тридцать четыре национальности. Десять факультетов, семьдесят четыре кафедры. Опытные преподаватели, прекрасные учебники, хорошо оснащенные лаборатории, в которых вы найдете и электронный микроскоп и счетно-вычислительную машину — самое современное оборудование.

Чем же занимается коллектив старейшего вуза республики? Здесь и исследования природных ресурсов Средней Азии, и испытание новых веществ, ускоряющих созревание и раскрытие хлопковых коробочек, и проблемы травосеяния на Памире, и изучение условий распространения радиоволн, и применение метода меченых атомов, и участие в составлении истории государства и права Узбекистана, и создание учебников — всего не перечислишь. И, конечно, на первом месте — насущные вопросы народного хозяйства.

Проходишь из одной аудитории в другую и словно путешествуешь по республике: всюду слышишь то, что волнует весь Узбекистан. Вода, хлопок, газ, нефть, пастбища — много проблем, в решении которых практически участвуют преподаватели и студенты совместно с другими учреждениями республики.

* * *

Фам Хоанг Нгок рос в деревне недалеко от Ханоя. Черноглазый паренек слушал в школе рассказы о великом В. И. Ленине, потом увидел кинофильм о вожде революции и сам стал рассказывать крестьянам про человека из такой далекой и такой близкой страны. Но юный Нгок не предполагал, что ему предстоит учиться в университете, возникновение которого тесно связано с именем Ленина.

Окончив школу, Нгок поехал продолжать учебу в Ханой и там однажды попал на лекцию советского профессора Шукура Талипова, приехавшего в Ханой из ташкентского университета. Вскоре после этой встречи Фам Хоанг Нгок отправился в Ташкент, на тот самый химфак, который возглавляет Талипов. И на своих тетрадях Нгок написал по-русски и по-вьетнамски дорогие слова: «Университет имени В. И. Ленина».

А непосредственным учителем Нгока стал Абид Садыкович Садыков — ректор университета, действительный член Академии наук Узбекистана. Абид Садыкович руководит одной из интереснейших лабораторий, в которой ведется изучение веществ, выделенных из растений Средней Азии. Известно, что свыше четырех тысяч дикорастущих растений этого края содержат различные активные вещества. Ими-то и занимается ряд специалистов, в том числе и университетских. В лаборатории Садыкова получены и вещества, годные для борьбы с заболеваниями хлопчатника, и вещества, которые, по предварительным данным, обладают противораковым и анестезирующим свойствами.

Стоит ли говорить, с каким увлечением занимается здесь Нгок! А до него у Садыкова учился Тумур Балдан из Монгольской Народной Республики. Он первый монгол, который стал специалистом в этой области.

Знаменательная эстафета: русские ученые, приехавшие по путевке Ленина, подготовили первых узбекских специалистов, а они, в свою очередь, выучили новое поколение, которое в тесном содружестве с ветеранами учит не только узбеков, не только студентов других советских республик: здесь получают образование студенты из Китая, Вьетнама, Монголии, сюда приезжают преподаватели из многих зарубежных стран. Сейчас выпускники восточного факультета проходят практику в Индии, Афганистане, Ираке. А заграничные поездки университетских профессоров! Доклады и сообщения узбекских ученых встречали аплодисментами в Эдинбурге и Женеве, Лондоне и Пекине, Дели и Париже, Багдаде и Кабуле...

* * *

Я снова стою перед мемориальной доской, вновь читаю короткие, но полные глубочайшего значения слова.

В крае, где не было ни одного вуза, возник сорок лет назад первенец, а теперь в Узбекистане уже тридцать высших учебных заведений! Словно разветвления арыков, несущих влагу и жизнь, все шире растекаются знания, и этот поток, вызванный к жизни Лениным, с каждым годом становится все обильнее.

Дилоран Юсупова — студентка Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина. Она учится на 3-м курсе арабского отделения восточного факультета.

Фото Риммы Лихач.

11 апреля 1980

ОТОМУ ЧТО СТЬ ТЫ...

СЛОВО О МАТЕРИ

ЕМ люди рождаются,
вут, умирают?
сто задаю этот вопрос.
задумывался над ним,
разные, очень разные
Ни разу я не встретил
их схожих. Потом за-
что ответы, если они
кровенны, зеркально
и суть человека, по-
цели, каких он доби-
бо, напротив, их от-
подвижнические чер-
уши или зияющую
ость, светлое начало
или — мрак.

катила разухабистая свадеб-
ная процессия.

— А вы в церкви венчались
с Алексеем Ивановичем?

— Да. Под Покров день.
14 октября.

— Ох, и память!

— Ну, а как не помнить.
Один раз в жизни замуж вы-
ходишь.

Не останься она сиротой к
тому времени, может, и не вы-
шла б замуж в чужую дерев-
ню. Столы накрыли, свадьбу
справили. Всего-то и яств бы-

зло и подлость, а живет от-
крыто и добро?

Когда родилась Анюта-Ан-
нушка, семья уже обосновы-
валась в Питере. Заколотили
ставни в доме и, тогда каза-
лось, переехали в город окон-
чательно. Тут и школа нача-
лась для Аннушки — три клас-
са, — тут и закончилась. На
семью посыпались беды. Тя-
жко заболел отец. На порог
вступила бедность. Умерли
младшие сестрички: пятилет-
няя Шура, трехлетняя Катень-
ка. Потом еще трижды в их

жаюсь, как выносила она все.
Встанет в три часа ночи. Печь
истопит. Что-нибудь еще испе-
чет. Еду всем нам приготовит.
И ни свет ни заря бежит на
ферму.

Доброй работницей была в
колхозе Анна Тимофеевна.
Все ладилось в ее руках, хоть
и труд нелегкий, и волнений
хватало. Поросят да телят в
зимнюю пору таскала домой
отогревать. Бывало, по не-
скольку телят за печкой мы-
чали. Серчал Алексей Ивано-
вич: «Сделала, понимаешь, из
избы скотный двор». А потом,
когда жену наградили отре-
зом на юбку, говаривал с гор-
достью: «Нюшка-то моя удар-
ница!..»

Что там говорить о привыч-
ке к труду? Был просто труд.
Потный и тяжкий. Недобрый,
неженский по нашим сего-
дняшним меркам труд. Руки
опухали в конце дня. Но за-
втра снова надо было вставать
на рассвете за плуг. Пахала
она так, что все дивились:
«Ну, Анна Тимофеевна, ты у
нас героиня, целое поле се-
годня подняла».

Не знаю, сжималось ли ма-
теринское сердце или умиля-
лось, когда видела, как Зоень-
ка, самой-то едва семь, пыхтя
тащит малыша Юрку покор-
мить. На поле, на ферму, на
ток... Пока снопы переворачи-
вают, присядет в тени мама,
прижмет к груди сына:
«Ешь, сынушка, расти боль-
шим-большим, прямо до не-
ба».

ОТЧЕГО так бывает? Поче-
му жизнь одного челове-
ка течет ни шатко ни валко,
в общем-то, гладко, без особых
трагедий и потрясений. Но он
становится себялюбцем, эго-
истом, человеком нередко ни-
чтожным; а тот, кого жизнь
била и мяла, которому и кор-
ка хлеба даром ни разу не да-
лась, кто вынес все, что толь-
ко может вынести человек,
напротив, не ожесточается,
не начинает проповедовать

в землянку, в которой вше-
стером прожили они два года
оккупации. Два шага на три.
Нары. Печурка. На полу во-
да. «Заливало по весне, — по-
яснит мне позже Валентин
Алексеевич. — Сотню ведер в
день бывало выкачивали». И
еще он расскажет, как немцы
крутили на гагаринском пате-
фоне наши марши. Нрави-
лись. Не знали только они, ка-
кие слова разносились по
улице: «Помнить будут ба-
сурманы о походе на Моск-
ву...».

Валентину удалось сбежать
из эшелона. Довоевывал он
башенным стрелком «три-
дцатьчетверки». Зоя бежала
в Польше, когда их гнали в
Гданьск грузить на транспорт
и топить. Они вернулись в
разрушенный Гжатск. И им
завидовали, потому что ред-
ко какая семья осталась не-
вредимой, необожженной этой
войной.

Зоина свадьба. Как тут
свою не вспомянуть? Лишь
картошка на столах, да соле-
ной трески удалось достать.

Валентин, целый и невреди-
мый вернувшийся с фронта,
едва не потерял ногу — при-
давило упавшим столбом. Со
страхом ждала мать, когда
гангрена переползет через ни-
точки, повязанные хирургом,
через последний предел. Обо-
шлось.

Уехал Юра. Слал письма из
Люберец, Саратова, Ленин-
града, Оренбурга. Навещал. И
каждый раз все шире в пле-
чах, все уверенней в жизни.
Стал летчиком.

Зоя родила внучку Тамару.
И радостей, и хлопот полон
рот. Опять серчал Алексей
Иванович: и у Валентина
внучки, и у Юры, что тут по-
делаешь. Некому род гага-
ринский продолжать.

И вдруг в одно утро все за-
боты стали второстепенными.

«...мама. Она словно вошла
в корабль и наклонилась надо
мной, как в детстве, во время
сна. Я даже ощутил на лице
тихое ее дыхание...» — будет
рассказывать о космическом
полете ее сын и почему-то
вспомнит, как целовала она
его на сон грядущий в спину
между лопаток.

Какое было у нее счастли-
вое лицо, когда сын вел их,
своих родителей, взявши под
руки, на митинг в парк по
улицам Гжатска... Вокруг
кричали: «Гагарину ура!»

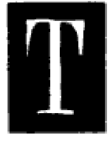
«Задание выполнил. Иду
на аэродром», — последнее,
что сообщил Гагарин на ко-
мандный пункт. Четыре кило-
метра высоты, полсотни кило-
метров до аэродрома. Через
минуту самолет уже не отве-
тил... Операторы еще видели
на экране локатора сигнал.
Потом и он исчез. Средства
обнаружения подняли по бое-
вой тревоге. Вскоре с одного
из вертолетов передали: «Ви-
дим в лесу обломки самоле-
та...»

Через полгода приехала
она на эту поляну под Киржа-

ДЕТЯМ — БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО

Школьники у экрана

Заметки педагога

Тревожные ноты прозвучали у писательницы З. Александровой в статье, посвященной эстетическому воспитанию детей («Огонек» № 9 за 1961 год).

Мы много говорим о воздействии окружающего — начиная от игрушки — на вкус ребенка. Но иногда не замечаем сами, как на наших глазах и с нашего же доброго согласия (либо своеобразного «невмешательства») засоряются ребячьи души.

Одна из учительниц нашей школы, Е. И. Макарова, спросила у ребят, кто из них смотрит передачи по телевизору каждый вечер. Со всех парт радостно потянулись руки.

В сотнях тысяч семей дети усаживаются перед экраном телевизора на целый вечер и смотрят все подряд: интересное и неинтересное, понятное и непонятное, важное и неважное. Родители обычно рассуждают так: уроки сделаны, ну и пусть ребенок побудет дома, на глазах. Беспокойство проявляется только в том случае, когда диктор объявляет: «Детям до 16 лет смотреть не разрешается». Так ведь и здесь ребята порою ухитряются ловко обойти родительскую «цензуру».

Нет, никто из нас, педагогов и родителей, конечно, не будет отрицать роли телевидения в эстетическом воспитании подрастающего поколения, его воздействия на кругозор ребенка. Но возможности телевидения в этом направлении еще используются очень ограниченно. Поэтому и права писательница З. Александрова: основание для тревоги есть!

Конечно, наше искусство чистое. В нем нет того, что растлевало бы, портило, возбуждало нездоровый интерес ребенка, будило в нем дурные инстинкты. Об этом знает весь мир, и мы гордимся этим.

И все равно «взрослые» передачи — при всей их бесспорной моральной и этической чистоте — не приносят детям пользы.

Прежде всего, проглотив очередную порцию вечерних телепередач, ребята очень утомляются. Способность живого восприятия притупляется...

Мы знаем: вопрос «почему» — это любимый вопрос ребенка. А вот у тех, кто не отходит от телевизора весь вечер, этот чудесный вопрос значительно реже слетает с языка. Он не успевает даже родиться, ибо на одно впечатление мгновенно наслаивается другое, третье... И, ни в чем как следует не разобравшись, ребенок постепенно привыкает не столько мыслить, сколько смотреть. Порою смотреть совсем пассивно. Важнейшая функция искусства — возбудить воображение, активизировать сознание и волю — атрофируется.

На собрании родительского актива нашей школы вопрос о телевидении обсуждался с большой горячностью. Людмила Панфиловна Зверева, сын которой учится в 8-м классе, сказала, что в будни предпочитает сама остаться без «зрелища», но телевизор включает только по субботам и воскресеньям. И не потому, что Володя не успевает учить уроки. Вечером он должен и погулять, и почитать книгу, и послушать хорошую музыку. А ведь одно время он совершенно перестал читать, зато имена всех артистов знал лучше таблицы умножения.

Людмилу Панфиловну энергично поддержали. В семье Сорокиных телевизор тоже включается один-два раза в неделю, и лишь в тех случаях, когда бывают полезные детям передачи.

Многие родители видят, что пресыщенность впечатлениями на пользу детям не идет. Она легко развивает у них этакое пренебрежительное отношение ко всему. «Экскурсия в музей? Подумаешь, невидаль какая!»; «Лекция? Это я уже слышал!..».

Мне кажется, вопрос о «телережиме» детей — очень важная и очень серьезная часть проблемы эстетического воспитания. Решать ее надо, прежде всего обращаясь к разуму и сознанию родителей; но о ней следует думать и всем педагогам, особенно же классным руководителям.

...Ну, а кино?

Казалось бы, направлять интерес детей к кино должны в первую очередь мы, педагоги. Но, сказать правду, учителя слишком перегружены своей основной работой. Очень часто они не могут посмотреть картину в первые дни выхода на экраны. А когда соберутся, их ученики уже успевают ее забыть: давно видели!..

Детям «детское» — это бесспорная истина. Но пока эта истина, увы, не распространяется на кино. Не взята она на вооружение родителями. И, как ни жаль, но, значит, в стороне волей-неволей стоит и школа.

Однажды в разговоре с нашим учеником-семиклассником Алешей В. я заговорил о кино.

Алешу еще в раннем детстве приучили читать хорошие книги, водили в музей, галереи, театр. И вдруг он говорит мне:

— Кино? Нет уж, я предпочитаю ходить туда пореже! Не потому, что мама не дает денег. Просто меня не тянет. Правда, хроника, научно-популярные фильмы — это другое дело! А художественные картины... Наверное, я их не люблю или, может быть, не понимаю, что ли...

Я задумался. Обыкновенно ребята говорят о кино восторженно, а тут вдруг этакий «нигилизм». Но, поразмыслив, я пришел к выводу, что подобное отношение к кино у мальчика не случайно. Он ходит в кино не «убивать время», а видеть познавательное. А ведь некоторые 11 — 12-летние школьники рассуждают иначе: «Время есть, уроки сделаны, давай сбегаем в киношку!»

И в том и в другом случае ребята оказываются вне той могучей сферы воздействия, которым обладает подлинное искусство кино. Они порою даже и не подозревают о силе, об истинных возможностях этого чудодейственнейшего из искусств...

Если же мы начнем доискиваться причин, откуда, каким образом сложилось у ребят подобное отношение к кино, долго искать, пожалуй, не придется.

Давно уже не появлялись у нас новые значительные детские картины!..

Спору нет, «Белеет парус одинокий», «Тимур», «Остров сокровищ» — эти фильмы были и остаются классикой детского кинематографа. И все же — надо прямо сказать — на детей 60-х годов они уже не производят такого потрясающего впечатления, как на тех, для кого были созданы 10 — 20 лет назад... И тут ничего не поделаешь, жизнь меняется, и требования ребячьи, как ни странно это прозвучит, тоже ведь меняются: они диктуются новой эпохой, ее главными устремлениями, целями и задачами...

Для нас, взрослых, фильмы «Тимур и его команда», «Дети капитана Гранта» вечно юны. Но так могут рассуждать лишь педагоги и родители, а дети придерживаются иного мнения.

Они хотят новых приключений, хотят видеть яркие образы современных героев... Увы, на экране их нет, дети оказались без своего кинематографа. В результате они часто увлекаются пустыми, внешне развлекательными зарубежными фильмами.

В 7-м классе «В» учительница попросила ребят назвать кинокартины, которые им понравились в последнее время. И вдруг школьники стали вспоминать «Золотую симфонию», «Римские каникулы»... Учительница специально заглянула в программу телевизионных передач. Может быть, названные зарубежные фильмы шли в это время по телевизору и поэтому запечатлелись в ребячьей памяти? Ничего подобного!

В чем же дело?..

Зоря Львовна Бонер, руководитель 7-го класса «В», отнюдь не думает, что в души ее воспитанников проник микроб преклонения перед Западом, что детей привлекает аромат легкой, беспечной жизни... Она знает своих ребят. Ведь когда семиклассникам сказали, что деньги, которые они выручат за металлолом, пойдут на большое, важное дело, усердие школьников было безгранично. Старые железные кровати, дырявые чайники, детские ванночки они доставали словно из-под земли... Поговорив с ребятами, руководительница поняла, что не ошиблась. Просто никто ни разу не помог детям хорошенько разобраться в том, что они смотрят на экране.

Наши ребята с самого раннего возраста — патриоты Родины, они смельчаки, они честны и готовы на все хорошее. Поговорите же с ними о том, что они видят на экране, помогите им разобраться в увиденном.

Вот что написал в своем сочинении «Если бы я был волшебником» Сережа Мухин, который упорно настаивал, что «Седьмое путешествие Синдбада» — любимая его кинокартина: «С помощью волшебного жезла я могу делать все: от превращения слона в комара до полета на другую звездную систему. С помощью этого жезла я добываю автомашину «Волга», ручку-самописалорешалку, коньки-скороходы (так как сапоги устарели), делаю так, что у меня в дневнике одни пятерки и что я самый сильный. Здорово?.. Но все это взгляды ученика-мещанина (как выразился мой товарищ Вячеслав Ч.), и я с ним совершенно согласен. Я хочу подругому командовать жезлом. Взмах жезла — и слово «война» навсегда исчезает даже из нашей речи, а по всей земле возникают новые города, все становятся друзьями. Человек летит в космос, в Антарктиде разводят виноград. Еще я хотел добавить, что уничтожил бы у себя всю лень. Жезла у меня нет, но люди все равно будут бороться, и все, о чем мы мечтаем, осуществится...»

Ну разве эти идеалы навеяны «Синдбадом»? Нет, конечно! Они идут из самой души советского школьника.

А разве только у Сережи Мухина такие интересные мысли? Нет, конечно. Ребята из 7-го «В» — самые обыкновенные ребята. И всех их горячо, по-настоящему волнуют красивые мечты и героические поступки. Эти ребята — наше будущее. Зов прекрасного неустанно звучит в их душах, и на этот настойчивый зов надо отвечать.

В. МЯСИН,
директор 645-й школы Москвы.

На снимках:
Декан геологического факультета профессор С. Х. Миркамалова и заведующая кафедрой этого же факультета доцент Ю. М. Голубкова, работающая в университете со дня его основания.

Студенты химического факультета на лабораторных занятиях.

Фото Риммы Лихач.

Над бесценными руко
«ТИХОГО Д

А. СОФРОНОВ

Трудно сейчас представить советскую литературу, и не только ее, а и всю мировую литературу, без «Тихого Дона».

Да и сама старая казачья станица Вёшенская, или, как ее зовут на Дону, Вёшки, прочно вошла в историю нашей литературы. Именно там, в станице Вёшенской, Никита Сергеевич Хрущев, приехав в гости к Михаилу Александровичу Шолохову летом 1959 года, сказал добрые, сердечные слова об авторе «Тихого Дона» и «Поднятой целины»:

«Своими лучшими произведениями наши писатели способствуют укреплению единства народа, помогают воспитывать советских людей в духе коммунизма. Ярким примером этого служит творчество нашего великого советского писателя Михаила Александровича Шолохова».

«Тихий Дон» является классическим произведением современной русской литературы. В этом романе-эпопее на материале жизни донского казачества показана широкая картина событий начала нашего века. Это, может быть, единственный в истории мировой литературы случай, когда через изображение основных событий на географически небольшой территории видны великие революционные перемены, свершившиеся на одной шестой земного шара.

Герои «Тихого Дона» стали в ряд с выдающимися классическими образами всей мировой литературы. Аксинья Астахова и Григорий Мелехов, их трудная жизнь и судьба известны не только русскому читателю. Куда бы вы ни приехали: в Индию или Австралию, в Японию или Соединенные Штаты Америки, на Цейлон или в Гвинею,— все, кто любит литературу и знает ее, непременно поинтересуются тем, что делает в настоящее время Михаил Шолохов, и притом добрым словом вспомянут и «Тихий Дон» и его героев. Да и как может быть иначе! Аксинья, простая донская казачка, крестьянка, по глубине своей души, цельности и человечности образа затмила многих героинь мировой литературы, как бы поднявшись в своей прекрасной сути высоко над ними.

Не случайно и по настоящее время испытываешь какое-то странное волнение, когда, находясь в Вёшенской или в ближайших от станицы хуторах, при встрече с незнакомыми казачками невольно всматриваешься в лица, ожидая: не Аксинья ли идет тебе навстречу?

Противоречивый и очень сложный характер Григория Мелехова с его поисками и колебаниями также является одним из самых примечательных образов мировой литературы.

Ильинична, Наталья, Дуняшка, Пантелей Прокофьевич, Мишка Кошевой, Дарья, Петр Мелехов, Штокман, семейство Коршуновых — многие, многие герои «Тихого Дона» во всей своей реалистической ясности рассказывают о событиях жизни целого народа. Этот густонаселенный роман захватил миллионы читателей. Есть книги, которые, однажды прочтя, откладываешь в сторону уже навсегда. «Тихий Дон» хочется читать снова и снова, и всякий раз в каждой строке видишь какие-то не замеченные раньше стороны героев романа и творчества Михаила Шолохова.

Трудно представить, что такой роман был начат двадцатилетним юношей, сразу же после первых двух небольших книжек рассказов. Можно явственно увидеть станицу Вёшенскую 1926 года, когда, примостившись у стола, при свете керосиновой лампы совсем молодой человек писал первые страницы «Тихого Дона». Правда, к тому времени Шолохов уже многое видел и знал в жизни. В 1919 году в станице Вёшенской клокотало контрреволюционное восстание, поднявшееся в тылу Красной Армии. Шолохов еще мальчиком был свидетелем этого восстания. Позже он сам нес службу в красноказачьих частях.

Поселившись с 1926 года в станице Вёшенской, Михаил Шолохов работал там над «Тихим Доном», романом, который вначале по замыслу писателя должен был называться «Донщина».

Да, действительно трудно сейчас представить, чтобы такой роман, с таким широким охватом событий, мог быть начат и написан очень молодым писателем!

Всем, кто до войны бывал в станице Вёшенской, всегда будет вспоминаться голубой деревянный дом, в котором с многочисленной семьей жил простой и радушный человек — Михаил Александрович Шолохов. Помнится, за несколько лет до войны я приехал в Вёшенскую для того, чтобы встретиться с Михаилом Александровичем и попросить согласия заснять его для документального короткометражного фильма «У тихого Дона», который предполагала в ту пору делать ростовская студия «Союзкинохроники». Я остановился в доме приезжих и теплым майским утром, предварительно позвонив Михаилу Александровичу, пришел к нему. Он радушно принял меня, расспрашивал, как живут и что пишут мои друзья, ростовские писатели. Мы поднялись в комнату на втором этаже, комнату, в которой на все четыре стороны выходили окна. Смотря зачарованно на простой письменный стол, я спросил:

— Михаил Александрович, вы здесь пишете?

Шолохов ответил:

— Бывает, что и здесь. Но зимой здесь холодновато, а летом жарко. Так что примащиваюсь где-либо в другом месте.

А я все смотрел на стол, на груды писем, на рукописи, которые лежали на столе, и, по-

1

2

3

ПИСЯМИ

ОНА»

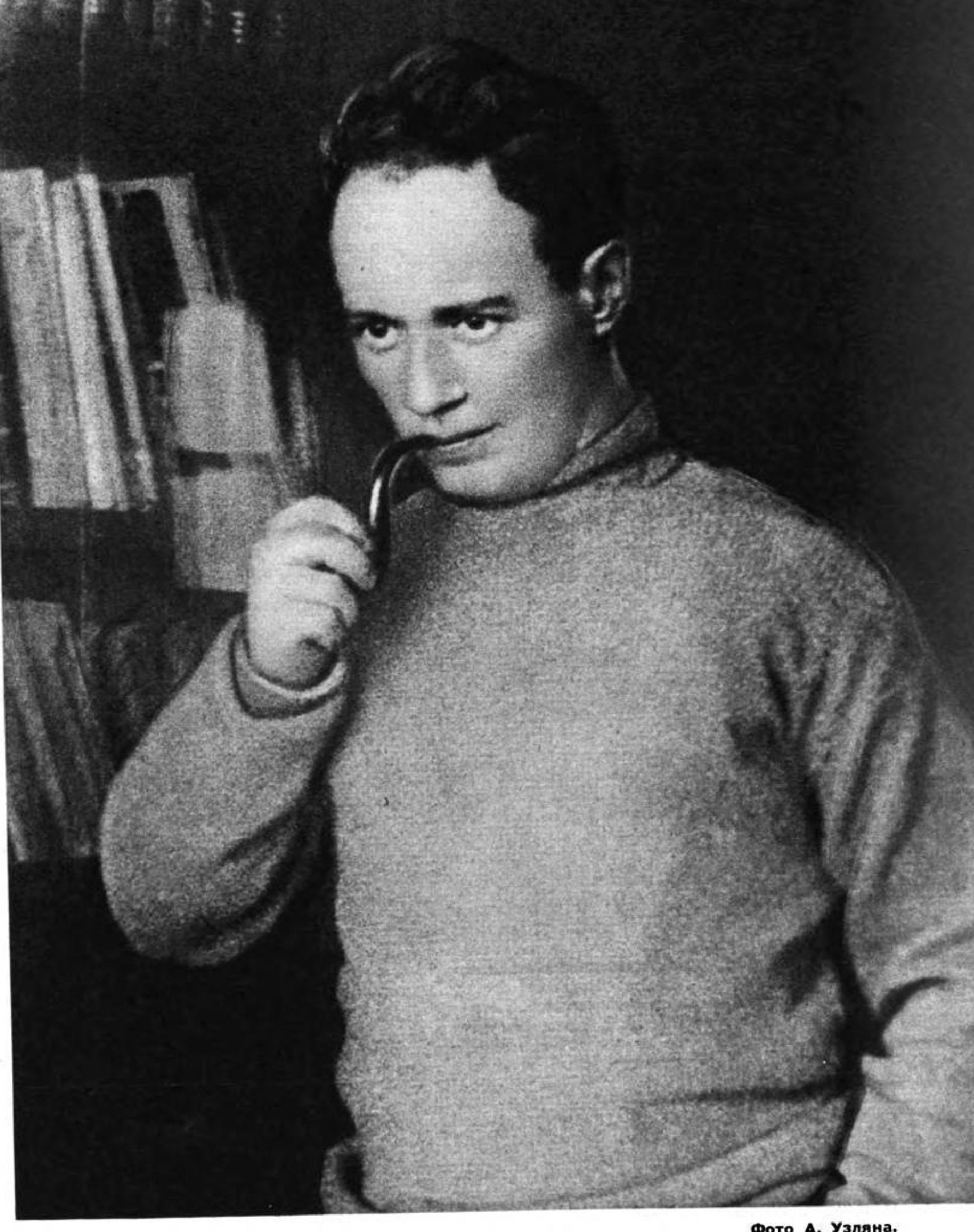
мнится, все хотел попросить Михаила Александровича разрешить мне взглянуть на рукопись «Тихого Дона». Но я так и не высказал своей просьбы, слушая Шолохова, рекомендовавшего больше показать в фильме колхозников.

— Зачем показывать писателя? Труд его незаметен,— говорил Михаил Александрович.

Уже позднее, когда последняя, восьмая книга «Тихого Дона» была напечатана в «Новом мире», захватив свежий номер журнала, я поехал пароходом в станицу Цимлянскую побродить по степным просторам, повстречаться с людьми. В райкоме партии меня попросили рассказать интеллигенции района о литературных новостях и почитать стихи. В конце литературного вечера я предложил собравшимся, еще не знавшим последней части «Тихого Дона», прочитать вслух любую из глав книги. Я выбрал одну из самых последних глав — смерть Аксиньи. Притихшие сидели в зале люди. И сам я чувствовал, что какой-то комок сжимает мне горло. Я читал, стоя на маленькой сцене:

«Аксинья умерла на руках у Григория незадолго до рассвета. Сознание к ней так и не вернулось. Он молча поцеловал ее в холодные и соленые от крови губы, бережно опустил на траву, встал. Неведомая сила толкнула его в грудь, и он попятился, упал навзничь, но тотчас же испуганно вскочил на ноги. И еще раз упал, больно ударившись обнаженной головой о камень. Потом, не поднимаясь с колен, вынул из ножен шашку, начал рыть могилу. Земля была влажная и податливая. Он очень спешил, но удушье давило ему горло, и, чтобы легче было дышать,— он разорвал на себе рубашку. Предутренняя свежесть холодила его влажную от пота грудь, и ему стало не так трудно работать. Землю он выгребал руками и шапкой, не отдыхая ни минуты, но пока вырыл могилу глубиною в пояс — ушло много времени.

Хоронил он свою Аксинью при ярком утрен-

1934 год.

Фото А. Узляна.

4

5

6

нем свете. Уже в могиле он крестом сложил на груди ее мертвенно-побелевшие смуглые руки, головным платком прикрыл лицо, чтобы земля не засыпала ее полуоткрытые, неподвижно устремленные в небо и уже начавшие тускнеть глаза. Он попрощался с нею, твердо веря в то, что расстаются они ненадолго...

Ладонями старательно примял на могильном холмике влажную желтую глину и долго стоял на коленях возле могилы, склонив голову, тихо покачиваясь.

Теперь ему незачем было торопиться. Все было кончено».

Я не мог больше читать. У всех на глазах были слезы. Через некоторое время с трудом дочитали главу...

* * *

Никогда раньше не видел я рукописных страниц шолоховского романа, а сейчас вот держу их перед собой: черные, красные, синие, фиолетовые чернила, страницы, написанные карандашом, и страницы, отпечатанные на машинке. Все они с авторской правкой. Вот они, пожелтевшие, исписанные густо с двух сторон, некоторые—примятые и разорванные, кое-где с расплывшимися чернилами... И среди них — страница, на которой Шолохов писал гибель Аксиньи (1). Откуда же взялась эта страница? Разве нашлась рукопись «Тихого Дона»? И вся ли она нашлась? Ведь известно же, что во время войны пропал весь литературный архив Шолохова, находившийся в станице Вёшенской.

Попробуем рассказать читателям, как все это было.

Осенью 1941 года Михаил Александрович, побывав на Западном фронте, приехал в станицу Вёшенскую, чтобы вывезти свою семью за Волгу. Ящик с черновиками «Тихого Дона», с главами из второй книги «Поднятой целины», а также с уникальными заграничными изданиями «Тихого Дона» он оставил на попечение Вёшенского райотдела НКВД. Помимо этого, в ящике находились письма и телеграммы товарища Сталина, адресованные Шолохову, и диплом лауреата Сталинской премии, полученной Михаилом Александровичем за «Тихий Дон».

В июне 1942 года, при стремительном выходе немцев к станице Вёшенской, районные организации вынуждены были так поспешно отступить, что весь шолоховский архив в числе других архивов оказался оставленным на одной из станичных улиц. Всю войну ничего не было известно о том, сохранились ли какие-либо документы из шолоховского архива, рукописи «Тихого Дона» и страницы второй книги «Поднятой целины».

После окончания войны, в ноябре 1945 года, Михаила Шолохова разыскал командир одной из танковых бригад, который на улице станицы летом 1942 года подобрал валявшиеся рукописи. Всю войну он бережно хранил их в своем танке. Этот командир бригады и вернул Михаилу Александровичу поздней осенью 1945 года его рукописи. К сожалению, то ли командир бригады не назвал своей фамилии, то ли фамилия его оказалась забытой, но до сих пор неизвестно имя этого человека. Надо надеяться, что он жив и даст о себе знать или это сделают его товарищи.

...И вот страницы рукописи «Тихого Дона» перед нами. Можно подолгу сидеть над каждой строкой, вчитываясь в каждое слово, как бы незримо наблюдая творческий процесс рождения «Тихого Дона». Я не литературовед и не текстолог, но не могу пройти мимо многих страниц шолоховской рукописи, ибо они показывают великую требовательность писателя к себе, к каждому своему слову.

Первая рукописная страница третьей главы восьмой части (2). Читаем: «В хуторе стали поговаривать о Кошевом и Дуняшке. Одна из баб, откровенно посмеиваясь, спросила у Дуняшки (Шолохов зачеркивает «откровенно посмеиваясь» и вписывает: «встретив Дуняшку на пристани, спросила с откровенной издевкой»):

— Аль наняли Михаила в работники? Что-то он у вас с базу не выходит».

Шолохов зачеркивает «выходит» и вписывает: «выводится».

Читаем дальше:

«Ильинична на все уговоры дочери упорно твердила:

— И слухать не хочу, не отдам тебя за него, нету вам моего благословения!

И только когда Дуняшка заявила, что уйдет к Кошевому, и тут же стала связывать в узел свои наряды, Ильинична изменила решение».

Рядом с рукописью — линованная страница машинописи с небольшой правкой Шолохова. Затем — вторая страница машинописи с тем же текстом (3). В ней диалог Ильиничны и Дуняшки уже более развернут:

«— Опамятуйся, куда ты собираешься? Что ж я одна с детишками буду делать? Пропадать нам?

— Как знаете, маманя, а я посмешищем в хуторе не хочу быть,— решительно заявила Дуняшка, продолжая выкидывать из сундука девичью свою справу.

Ильинична, с трудом передвигая ноги, прошла в передний угол.

— Ну, что ж, господь с тобой, дочушка, иди,— прошептала она, снимая икону.— Раз уж ты так надумала...»

И в этом месте Шолохов меняет местами фразы «раз уж ты так надумала» и «господь с тобой, дочушка, иди».

Так работал писатель.

Страница за страницей... Вот карандашный набросок главы, посвященной Мишке Кошевому (4):

«В Вёшенской, на осмотре врачебной комиссии, доктор коротко сказал Мишке...» (Шолохов зачеркивает «на осмотре» и вписывает сверху «после осмотра на», что является более точным).

Читатель помнит прекрасное начало восьмой части «Тихого Дона»:

«С юга двое суток дул теплый ветер. Сошел последний снег на полях. Отгремели пенистые вешние ручьи, отыграли степные лога и речки. На заре третьего дня ветер утих, и пали над степью густые туманы, засеребрились влагой кусты прошлогоднего ковыля, потонули в непроглядной белесой дымке курганы, буераки, станицы, шпили колоколен, устремленные ввысь вершины пирамидальных тополей. Стала над широкой донской степью голубая весна.

Туманным утром Аксинья впервые после выздоровления вышла на крыльцо и долго стояла, опьяненная бражной сладостью свежего весеннего воздуха. Преодолевая тошноту и головокружение, она дошла до колодезя в саду, поставила ведро, присела на колодезный сруб.

Иным, чудесно обновленным и обольстительным, предстал перед нею мир. Блестящими глазами она взволнованно смотрела вокруг, по-детски перебирая складки платья. Повитая туманом даль, затопленные талой водою яблони в саду, мокрая огорожа и дорога, за ней с глубоко промытыми прошлогодними колеями — все казалось ей невиданно красивым, все цвело густыми и нежными красками, будто осиянное солнцем».

Рассматриваем черновики. Перед нами линованная страница, исписанная карандашом (5): «Тихий Дон», ниже — «8-я часть», еще ниже — «глава I». Сбоку страницы, в верхнем углу, чернилами четким шолоховским почерком выведено: «17 декабря 1938 г.». Читаем то, что написано карандашом:

«Стала весна над широкой равнинной Кубанью. С моря дул теплый ветер. Сошел последний снег. На полях отыграли пенистые вешние ручьи...»

На следующей странице, уже исписанной густыми фиолетовыми чернилами (6):

«С моря двое суток дул теплый ветер. Сошел последний снег на полях (слово «отыграли» зачеркнуто, и уже написано «отгремели») пенистые вешние ручьи, отыграли степные лога и речки. На заре третьего дня утих ветер и пали над просторной задонской калмыцкой кубанской степью густые туманы, засеребрились влагой кусты...»

И дальше уже машинописная страница, на которой из трех эпитетов остался один — «задонская степь», в книжном тексте также вычеркнутый (7). На этой странице оказался вы-

7

8

9

1936 год.

черкнутым и весь абзац, начинавшийся словами: «Иным, чудесно обновленным и обольстительным, предстал перед нею мир». Как было бы жаль, если б их не оказалось в книге! Но, выправив основательно, Шолохов снова возвращает его в окончательную рукопись.

Страницы «Тихого Дона» — неоценимое пособие для понимания психологии творчества великого писателя. Можно себе представить, с каким вниманием будущие (да и не только будущие) поколения будут рассматривать каждую шолоховскую страницу, каждую его рукопись. В них мы видим подвижническую работу писателя над словом. Как это полезно знать молодым писателям и всем, кто любит художественную литературу!

Вот начало еще одной главы:

«Неподалеку от станицы Дурновской (перед этим зачеркнуто — «под хутором Подгорным») полк вёшенских казаков в первый раз вступил в бой с отступавшими красными». На странице, в левом уголке,— заметка Шолохова: «Скупой пейзаж» — и дата: «14/II-29 г.».

Эта же страница переписана (8). На ней пейзаж значительно щедрей.

Страницы, страницы...

Вот еще одна, посвященная началу верхнедонского восстания. Четырежды Шолохов начинает эту главу. И все на одном листе бумаги.

Можно привести немало примеров удивительно тонкой правки романа. Вот один из них — Степан Астахов возвращается из плена домой:

«Возница торопил упаренных сытых коней; в задке рессорных дрожек полулежал статный немолодой (зачеркнуто и написано: «широкоплечий») мужчина в сюртуке городского покроя и мягкой серой фетровой шляпе («мягкой» зачеркнуто и вписано: «сдвинутой на за-

10

11

12

1945 год. Фото Г. Петрова.

тылок»). «Некоторое время Мишка ехал сзади брички, посматривая на широкие, вислые плечи человека в шляпе, прыгавшие от толчков, на белую запыленную полоску крахмального воротничка, видневшуюся из-под ворота серого от пыли сюртука».

В этой фразе Шолохов последовательно вычеркивает красными чернилами лишние слова, и фраза после этого выглядит так:

«Мишка ехал сзади, посматривая на вислые плечи человека в шляпе, прыгавшие от толчков, на белую запыленную полоску воротничка». И дальше: «Нюх мишкин остро щекотал непривычный запах сигары («непривычный» вычеркнуто и вписано: «незнакомый»).

Еще дальше:

«Не веря себе, Мишка, не сомкнув рта, еще раз оглядел знакомое, странно изменившееся лицо хуторянина, окончательно убедился, что рессоры качают подлинно живого Степана, и крякнул, вытирая впечатанный со лба пот».

После правки фраза выглядит следующим образом:

«Мишка еще раз оглядел знакомое, странно изменившееся лицо хуторянина, окончательно убедился, что рессоры качают подлинно живого Степана, и, запотев от волнения, кашлянул».

Одним из мест в «Тихом Доне», потрясающих по напряженности, несомненно, является встреча Степана Астахова с Аксиньей в поместье Листницких. Написанная на какой-то одной пронзительной ноте, она захватывает читателя каждой своей строкой. И вот страницы рукописи (9). Темно-фиолетовые чернила, правленные красными,— о многом они говорят!

Помните, как настороженно и враждебно встретила Аксинья своего мужа... Каждым словом Шолохов старался выразить трагичность и остроту встречи. Читаем: «Шляпу Степан поднимал как тяжесть, кровь била ему в голову, заволакивала глаза. Как только вошли в аксиньину комнату и присели, разделенные столиком, Аксинья, облизывая ссохшиеся губы, со стоном спросила:

— Откуда ты взялся?». (Вначале было: «Степан неопределенно махнул рукой». Правка красными чернилами: «Степан неестественно весело, по-пьяному, махнул рукой»).

Дальше:

«С губ его не сходила все та же улыбка отчаяния, радости и боли». И снова правка: «С губ все еще не сходила все та же улыбка радости и боли».

Мы помним, что было дальше. Степан «достал из кармана небольшой сверточек и, жадно срывая с него тряпку, не владея дрожащими пальцами, извлек серебряные дамские часы-браслет и кольцо с дешевым голубым камешком...

— На что оно мне... погоди...— шептала Аксинья побелевшими губами». (И снова исправлено: «На что оно мне... погоди,— шептали аксиньины побелевшие губы».)

Так рукописи каждой строкой показывают бесконечно строгую работу, которую вел Шолохов, продвигаясь от страницы к странице «Тихого Дона».

Как художник набрасывает эскизы портретов, так Шолохов по многу раз возвращается к психологическим и внешним портретам своих героев. Несколько раз Шолохов записывает портрет Ольги Николаевны, жены однополчанина Евгения Листницкого — офицера Горчакова. Вот первые наброски:

«Маленькая, отягощенная крутым узлом волос. Листницкий осторожно рассматривал хозяйку. У нее мелкие, привлекательные в своей неправильности черты. Ресницы густы и прохладны. Губы тонкие и розово-сухие...» Все это записано на полях страницы и зачеркнуто. Вторая запись (10):

«За обедом только Листницкий осторожно рассмотрел хозяйку. Лицо ее, с мелкими привлекат. в св. неправ. чертами было, пожалуй, самое заурядное. Резко бросался в глаза только рот: тонкие, смугло-красные растрескавшиеся от неведомого жара губы на просвечивающем лице блондинки. Маленькая, не по росту, гордая в посадке голова, может быть казав. горд. от отягощав. ее...»

И вот, наконец, еще одна «во вставку вставка» (11):

«Только за обедом Листницкий как следует рассмотрел хозяйку. И в ладной фигуре ее, и в лице была та гаснущая ущербная красота, которой неярко светится женщина, прожившая тридцатую осень. Но в насмешливых холодноватых глазах, в движениях она еще хранила нерастраченный запас молодости. Лицо ее, с мелкими, привлекательными в своей неправильности чертами, было, пожалуй, самое заурядное. Резко бросался в глаза лишь контраст: тонкие смугло-красные, растрескавшиеся жаркие губы, такие, какие бывают только у черных восточных женщин, и просве-

---

Учусь видеть прекрасное?

Фельетон

Вл. НАДЕЖДИН

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Прежде всего, друзья, обращаю ваше внимание на название моего повествования. Заметили ли вы казуистический знак вопроса, кричащий о чем-то? Вероятно, нет. А ведь он звучит явным диссонансом к предыдущим словам. Непокорный, ершистый, он как бы хочет опровергнуть их. Вот этот-то смысловой груз, под тяжестью которого восклицательный знак как бы изогнулся, превратился в знак вопросительный, и заставил меня взяться за перо.

Теперь к существу дела. Я страстно увлекся фотографией. Нельзя сказать, что преуспеваю в этом своем увлечении, но снимков сделал множество. Как дорогую память храню первые свои фотографии, где деревья у меня получались самых причудливых форм, а лица людей напоминали различные пятна. Помню, в какой неописуемый восторг я пришел, когда мой пятилетний сынишка, увидев один из снимков, воскликнул:

— Бабушка! Да ведь это наша бабушка!..

Правда, кроме бабушки, на том снимке должны были быть еще человек девять, но то, что хоть бабушку можно было узнать, вызвало ликование.

С тех пор много воды утекло. Сын мой стал взрослым парнем, а мои снимки приобрели иные очертания, и некоторые из них даже появлялись в печати. Сразу же оговорюсь: три моих фотографии, а именно огромный арбуз, сфотографированный рядом с чайником (для сравнения), улыбающийся дядя Усман с медалью на груди и снимок районного Дома культуры — именно эти работы и были помещены в нашей стенной газете «За новый путь».

Без хвастовства скажу, что редкий сотрудник нашего учреждения не имеет моих снимков, на которых запечатлены или он сам, или его семья.

Между прочим, страсть к фотографированию излечила меня от целого ряда зол. Во-первых, я перестал курить. Прежде на курево у меня уходило много денег, а теперь я употребляю их с большей пользой, то есть расходую на фотопринадлежности. (Замечу в скобках: дорогое это дело.) Во-вторых, поиски объектов для съемки позволили мне завязать массу полезных знакомств, в том числе и с Георгием Ананьевичем Пупкиным, которого больше знают под именем Жоры Павлинова. В-третьих...

Однако вернемся ко второму. Георгий Ананьевич — замечательный человек. Он штатный фотограф нашей городской газеты и, как он сам говорит о себе, страстный поклонник всего прекрасного. Он открыл мне глаза на новое в фотографии. Это он, Жора Пупкин, помог мне понять, что именно в первых своих шагах в фотографии я был более близок к прекрасному, чем теперь, пятнадцать лет спустя.

Когда мы рассматривали альбом с моими ранними снимками, а это было, помнится, после седьмой бутылки кахетинского, он буквально просиял.

— Дружище! — закричал Жора. — Да ты же талант! Какие шедевры хранишь ты в этой потрепанной папке! Ведь каждая из этих работ — откровение. В рамку, в дорогую рамку надо вставлять такое! Смотри, разве это не прекрасный цветок жизни?

Коричневый палец Жоры уперся в расплывчатые контуры копны сена с торчащими из нее вилами — это была первая моя работа на сельскохозяйственную тему.

— Бог мой! Да это же чудо! Восхитительная детская мордашка! И эта дымка, которая как бы затеняет ее. Ты не показывал этого снимка другим мастерам?

— Нет, что ты! Ведь это же, так сказать, брак...

— Сам ты, дружище, брак, если говоришь такое! Завтра же пойдем к Ивану Фиолетовичу Голопузикову и покажем ему все это! Ты увидишь, что будет потом...

Надо сказать, что Иван Фиолетович — это одна из знаменитостей нашего города. Его картины пользуются широкой известностью не только у нас, но и в республике. О них спорят, пишут в журналах и газетах, именуя при этом художника Голопузикова «самобытным искателем нового». В фойе городского театра в тяжелых, позлащенных рамах висят его яркие полотна, напоминающие то осенний лес, то волны разбросанного цветастого ситца или же одновременно и то и другое.

Большинство зрителей этих картин не понимает, высказывает разные предположения о том, что на них изображено. Но люди стоят у дорогих рам подолгу в задумчивости, а иные в явном недоумении.

— Неужели самого Ивана Фиолетовича мы будем беспокоить этими пустяками? Да он непременно прогонит нас!

— Прогонит?! Он даст тебе путевку в жизнь, путевку к славе! Давай разопьем еще бутылочку за твой будущий успех в художественной фотографии. Скажу по-братски: я долго бьюсь над тем, чтобы в моих снимках была такая

чивающая розовым кожа щек, белесые брови. Она охотно смеялась, но в улыбке, оголявшей густые, мелкие, как срезанные, зубы, сквозило что-то заученное. Низкий голос был глуховат и беден оттенками. Листницкому, два месяца не видевшему женщин, за исключением измызганных сестер, она, в сущности, показалась преувеличенно красивой. Да это так и должно было быть. Он смотрел на гордую в посадке голову Ольги Николаевны, отягощенную узлом желтоватых волос».

Это уже почти то, что мы позже встречаем в опубликованном тексте «Тихого Дона».

Здесь же, на одной из пожелтевших страниц, красными чернилами записаны строфы из «Незнакомки» Александра Блока (10):

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.
И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.
И каждый вечер, в час назначенный,
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

В «Тихом Доне» цитируется только вторая из вышеприведенных строф.

Известно, что после окончания «Тихого Дона» вокруг романа возникла шумная полемика. Некоторые читатели с разочарованием встретили суровый и вместе с тем правдивый конец романа.

Анатолий Калинин в своем очерке «Встреча», опубликованном еще в 1940 году, рассказывает о своей беседе с Михаилом Александровичем:

«Глядя в окно на Дон, на степь, на вытянувшийся темной полосой вдоль донского берега бор, Шолохов говорит:

— Всем не потрафишь, всем хочется хорошего, легкого конца. А если, скажем, конец будет пасмурным?

Шолохов оборачивается и вопросительно смотрит на собеседника.

— Ну, а все же, что будет с Мелеховым?

Вопрос не праздный. Тысячи читателей с нетерпением ждут ответа. Улыбаясь, Шолохов, в свою очередь, спрашивает:

— Помните, Тарас Бульба говорил Андрию: «Я тебя породил, я тебя и убью»? — И уже серьезно, без улыбки, продолжает: — Могу только сказать, что конец обманет ожидание многих и многих. Последняя часть «Тихого Дона» должна вызвать разноречивые толки и суждения. И затем, нельзя ведь забывать, что писатель должен говорить читателю правду, как горька бы она ни была. Поэтому к оценке каждого художественного произведения нужно в первую очередь подходить с точки зрения его правдивости и убедительности».

Недавно Михаил Александрович вспоминал об этом:

— Долгое время думал я о том, какими словами закончить «Тихий Дон». Без сна проводил ночи. В одну из таких ночей встал и на первом попавшемся листе записал эти строчки.

Вот этот лист перед нами (12). Слова записаны без единой помарки, без исправлений, выношенные, сложившиеся бессонными ночами. На случайном листе, на какой-то недопечатанной странице... Миллионы людей знают эти строки наизусть:

«Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром.

Конец».

☆ ☆ ☆

...Как святыню, перебираем мы бесценные страницы рукописей «Тихого Дона». Да, «Тихий Дон» — это эпоха в нашей советской литературе.

И сейчас, впервые в жизни встретившись со страницами рукописи, невольно думаешь об огромной ценности, которую она имеет для всего нашего народа. Но когда думаешь об этом, невольно всплывает и горькое чувство: сохранилась только незначительная часть архива. В папке, которую вернул писателю в ноябре 1945 года неизвестный командир танковой бригады, нет рукописей большого количества страниц и целых глав из третьей и четвертой книг, нет глав «Поднятой целины» — нет всего остального, исключительно ценного, что хранилось в шолоховском архиве.

Очевидцы вспоминают, что после освобождения Дона от фашистских оккупантов кто-то у какой-то женщины, связанной с немецкой разведкой, видел другие части рукописи. Очевидцы говорят, что эти рукописи у нее отобрали. Но так ли это? Где сейчас находятся остальные страницы «Тихого Дона»?

Их нет в музеях, нет у автора, нет у его близких друзей.

Но когда читаешь и держишь в руках то, что осталось — эту небольшую часть шолоховского архива,— невольно хочется верить, что где-то, у кого-то, в чьих-то надежных, таких же добрых руках, как у пока что неизвестного командира танковой бригады, провозившего с собой всю войну драгоценные рукописи глав «Тихого Дона», находятся остальные бесценные страницы рукописей «Тихого Дона», «Поднятой целины» и других произведений, являющихся нашим национальным достоянием.

Хочется, очень хочется верить, что многое будет найдено, что отыщутся люди, у которых или побывали рукописи Шолохова, или они слышали о том, у кого эти рукописи находятся, а может быть, даже знают, у кого находятся, и подскажут им, что шолоховские страницы должны быть собраны воедино.

Пусть хорошенько вспомнят, поищут, расскажут, напишут, сообщат. Пусть помнят, что каждая страница, каждая шолоховская рукопись принадлежит всему советскому народу, всему человечеству. Мы глубоко уверены в том, что на эти строки откликнутся наши читатели.

дымка, такие эффектные мазки и блики, такая игра света и теней. А ты постиг это. Вы, любители, иногда запросто бьете нас, фотографов-профессионалов. Это, наверное, потому что вы не заражены грузом условностей, потому, что вам не надо отвечать за свои снимки перед редактором, зрителем, читателем...

— Какая непосредственность в этой детской улыбке, какая выразительность в смеющихся глазенках! — восклицал Жора, рассматривая тот самый пожелтевший от времени снимок, на котором мой сынишка узнал свою бабушку.

Признаюсь, у меня не хватило духа сказать восторженному Жоре, что это не детская мордашка, а лицо моей тещи, добрейшей женщины, которая много лет назад, увидев эту фотографию, смеялась буквально до слез. Да, не хватило у меня смелости прервать поток лестных слов.

Мы распили с ним еще пару бутылок прохладного кахетинского и разошлись. Сколько светлых надежд родилось в ту ночь в моем растревоженном воображении! То мне снились рыже-пламенные полотна Ивана Фиолетовича, то моя фотография с изображением улыбающейся копны сена, вправленная в дорогую рамку. Я учился видеть прекрасное...

Утром Жора, еще и еще раз пересмотрев ворох моих фотографий, отобрал из них тот самый арбуз да пяток других снимков, причем таких, где лица людей были либо перекошены до неузнаваемости, словно это были изображения посланцев других миров, либо расплылись, как маслянистые пятна на водной глади.

— Идем, нас уже ждут... — с заметным волнением произнес он, когда стрелка часов приблизилась к десяти. — Иван Фиолетович не один...

Не стану описывать того, что было в тот воскресный день у знаменитого Ивана Фиолетовича. Вышел я от него потрясенный. Мои привычные представления о прекрасном рухнули. Альбом первых моих фотографий был признан чуть ли не откровением, новым словом в искусстве. И странное дело: то, что раньше я считал самым грубым браком, объясняя такие снимки своей неопытностью, теперь признавалось свидетельством зрелости, моего необыкновенного мастерства, умением видеть вещи по-новому. Гости Ивана Фиолетовича наперебой хвалили меня, просили рассказать о моем творческом методе.

Один из них извлек из объемистого портфеля несколько потрепанных книжек, которые оказались сборниками зарубежных фотографий, и я с удивлением увидел в них такое, что в моем представлении всегда было неприличным.

— Вы, уважаемый, стихийно, так сказать, эмпирически, нащупали пульс современности. Ваши работы, безусловно, роднят вас с самыми выдающимися мастерами американской фотографии, вот, к примеру, хотя бы с этим дивным творением.

И гость Ивана Фиолетовича показал мне снимок, который напоминал что-то донельзя отвратительное.

Вернулся я домой, опьяненный вином и сладчайшими похвалами. С того дня и начался мой стремительный взлет к высотам фотографического мастерства.

Моим девизом стало: чем туманнее, тем лучше. Если я снимал человека, то стремился как можно рельефнее передать в нем самое характерное. У одного, например, выделялся нос. На моих снимках этот нос занимал, естественно, главенствующее место, оттесняя все остальное. Большой рот второго в моем исполнении беспредельно разрастался. А если человек обладал ординарным лицом, я наделял его или выразительным оскалом зубов, или густой сетью глубоких морщин: ведь они придают человеку печать мудрости.

Но странное дело: чем выше росло мое мастерство, чем слаще становились похвалы Жоры и моих новых друзей, тем меньше находилось сотрудников нашего учреждения, которые соглашались бы оказаться перед моим объективом.

— Вы стали очень злым, — объяснила мне это явление машинистка Ниночка. — Зачем вы на фотографии сделали мне такие огромные зубы? Ведь они совсем как лошадиные...

Иногда мне казалось, что Ниночка права, но, памятуя, что гении не сразу получают общее признание, я упорно шел избранным путем. И достиг своего, мои милые друзья.

В нашей республике была организована выставка лучших фотографий. Мы с Жорой тщательно подготовились к ней и, отобрав самые оригинальные работы, послали их на рассмотрение жюри. Думаю, что вы поймете мою радость, когда я узнал, что комиссия отобрала для выставки две мои фотографии. Причем одну цветную. Первая изображала две переплетенные ноги балерины, стоящей на носках. Помните, как у Пушкина:

...то стан совьет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.

А вторая... Нет, не могу рассказать вам, что за чудо моя вторая выставочная работа! Говорят, что ее даже отобрали для Всесоюзной фотовыставки. В ней, этой работе, столько прелести и обаяния, столько экспрессии и новизны, что мы назвали ее «Вкусный арбуз». Почему арбуз? Почему вкусный?

Откровенно говоря, я и сам не знаю. Мне хотелось назвать эту прелестную вещицу «Горячая пиала»: взял человек пиалу в руки, дернулся в тот самый момент, когда его фотографировали, и все смазалось. Однако Жора запротестовал:

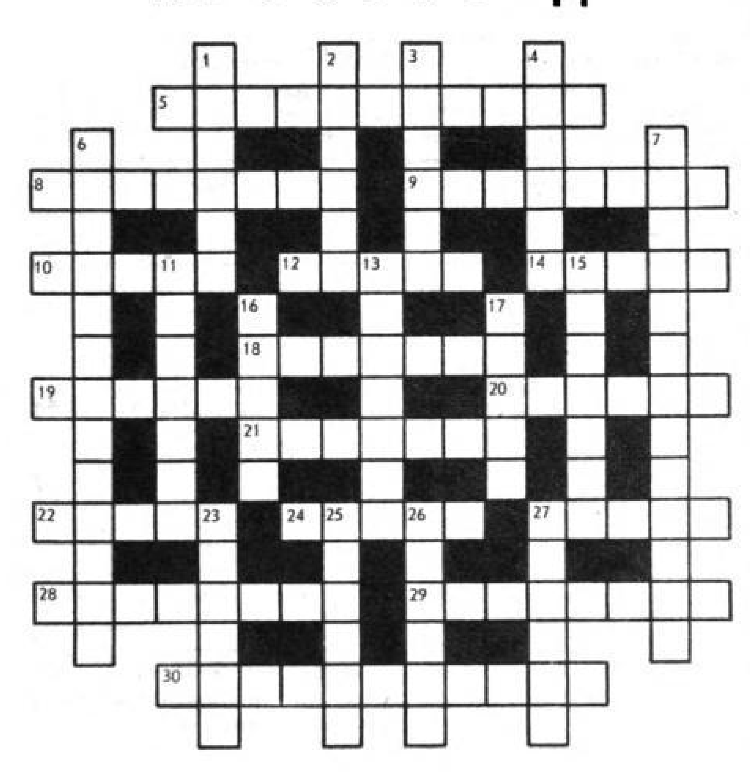
— Слишком прозаично. Надо придумать что-нибудь вкусное, манящее, друг мой. Учись у нас, мастеров, и этому искусству. Ведь иной раз такой снимок получится, что хоть выбрось. А раскинешь мысли, подумаешь — глядишь, шедевр получается. Например, для непонятных, сильно смазанных снимков самые лучшие названия такие, как «Скорость», «Последний бросок», «В вихре вальса». Для туманных, неясных фотографий, где видны лишь какие-то силуэты, подходят подписи «Штраусиана», «Покрассиана», «Осенний этюд» и прочие. Ты, конечно, понимаешь, что все это, так сказать, наша профессиональная тайна. Но я тебе верю, дружище. Что же касается твоего снимка, то к нему так и просится название «Вкусный арбуз». Понял?

...Посмотрите, друзья мои, и вы увидите, что арбуз здесь — понятие условное. Ведь главное не в прозаическом арбузе или горячей пиале, а в понимании прекрасного.

Под строжайшим секретом поведаю вам и то, что до сих пор у меня нет еще полной уверенности, правильно ли вижу я и передаю прекрасное. Учусь я видеть прекрасное или нет? Посмотрите, друзья, мой «Вкусный арбуз». Что вам это стоит! Надеюсь, что и вы увидите прекрасное...

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Советский писатель. 8. Шелковая ткань. 9. Насыпь вдоль каналов. 10. Стеклянный шкаф для посуды. 12. Киргизский народный эпос. 14. Плод субтропического дерева. 18. Пьеса М. Горького. 19. Приток Камы. 20. Планета. 21. Краткое устное замечание. 22. Остров в Тирренском море. 24. Линейка с делениями в измерительных приборах. 27. Сооружение для хранения самолетов. 28. Тонкая прочная бумага. 29. Государство в Латинской Америке. 30. Радиоактивный химический элемент.

По вертикали:

1. Периодическое издание. 2. Спортивный снаряд. 3. Древесная лягушка. 4. Азербайджанский поэт. 6. Город в Калужской области. 7. Прохождение торжественным маршем. 11. Морской моллюск. 13. Литературный жанр. 15. Музыкальное произведение. 16. Минерал. 17. Породистая лошадь. 23. Водоскат в Финляндии. 25. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 26. Старинная мера длины. 27. Создатель советской школы географов и антропологов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

7. Ханькоу. 9. Еремеев. 10. Люнет. 11. Миндаль. 12. Рисовод. 13. Кауто. 14. Баранка. 15. Сидерит. 17. Благодарность. 22. Родонит. 23. Снежноягодник. 30. «Донбасс». 31. Интерес. 33. Суффикс. 34. Стартер. 35. Сурок. 36. «Мазовше». 37. Илиамна. 38. Ручей.

По вертикали:

1. Радикал. 2. «Украинка». 3. Вулькано. 4. Петросян. 5. Мерседес. 6. Керосин. 8. Анжу. 16. Паронян. 18. Люмен. 19. Гараж. 20. Октод. 21. Туган. 24. Енакиево. 25. Несессер. 26. Огинский. 27. Нитрагин. 28. Полубак. 29. «Деревня». 32. Сарыч.

На первой странице обложки: Студентка Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы Эмилия Финн Пра приехала в Москву из Ганы. Она хочет быть врачом.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Весна в Ферганской долине.

Фото Г. Зельмы.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление И. Долгополова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02095. Подписано к печати 13/IV 1961 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 790. Заказ 937.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

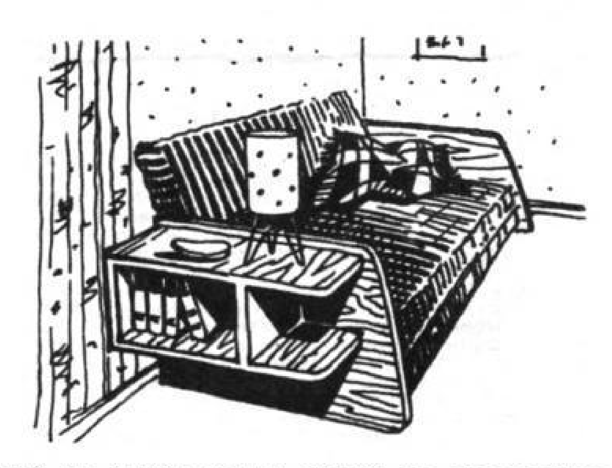
Весна, весна...

Рассказ рыболова.
Рисунок Ю. Черепанова.

— Сидоровым зачем спиливаешь? Мы ведь с ними помирились.

Рисунок В. Воеводина.

Хороший подарок

Какой бы формы вы ни собирались сделать абажур, прежде всего надо суметь подготовить для него декоративную светотехническую бумагу. Для этого приклейте лист ватмана краями к чертежной доске. Ширина промазанной клеем полосы должна быть около 1,5 см. Затем ватным тампоном смочите всю бумагу водой. Когда лист высохнет, он натянется и станет ровным. Теперь разведите в воде краску для хлопчатобумажной ткани. И, когда она отстоится, мягкой широкой кистью нанесите ее на бумагу. Цвет выберите по вкусу, но не забудьте, что предпочтительны теплые тона. Когда краска на бумаге высохнет, нанесите несложный декоративный рисунок. Лучше, если это будут нарисованные черной тушью тонкие (0,5—0,8 мм) пересекающиеся линии или точки диаметром от 3 до 5 мм. Хорошо просохший ватман аккуратно срежьте с доски.

Чтобы увеличить светопроницаемость бумаги, пропитайте ее стеарином. Для этого положите подготовленный ватман на чистую бумагу, под которую подстелены газеты. Натрите на терке стеариновую свечу и этой стружкой густо посыпьте окрашенную поверхность ватмана; накройте чистым листом бумаги, газетами и все это прогладьте сильно нагретым утюгом.

Выкройте из бумаги прямоугольник нужного вам размера. Края, образующие кромки абажура, загните на 5—8 мм и прошейте на швейной машине. Пропустите в образовавшийся шов заготовленную проволоку на 10—12 см больше, чем длина шва. Согните заготовку в цилиндр. Оставшиеся концы проволоки вложите в швы, сшейте цилиндр, наложив края друг на друга. Склеить пропитанную стеарином бумагу невозможно.

Если вам нужен абажур другой формы и размера, изготовьте его по аналогии с покупными.

Художник В. БУРСКИЙ
Рисунок автора.

Почему мы так говорим

ТЕННИС

Очень многие слова спортивного языка пришли к нам из Англии (матч, жокей, футбол, бокс, хоккей, бутсы и другие). Да и самое слово «спорт» английского происхождения. Старофранцузское «диспорт» — «развлечение», «забава» — было заимствовано английским языком. Но англичане имели в виду не любую забаву, не игру в карты, не посещение театров, а особые ее виды: греблю, конные состязания и т. п. Изменившееся в «спорт» — новое слово с новым значением — вернулось и во французский язык и распространилось по всему миру.

Французского предка имеет и название спортивной игры — теннис, перешедшее и в русский язык. Французский возглас при игре — «Тенне!» («Держите! Ловите!») — послужил основанием для названия игры.

И. УРАЗОВ

Рисунок Ю. Федорова.

— Вам что?
— Пожалуйста, веснушки!
Рисунок С. Крылова.

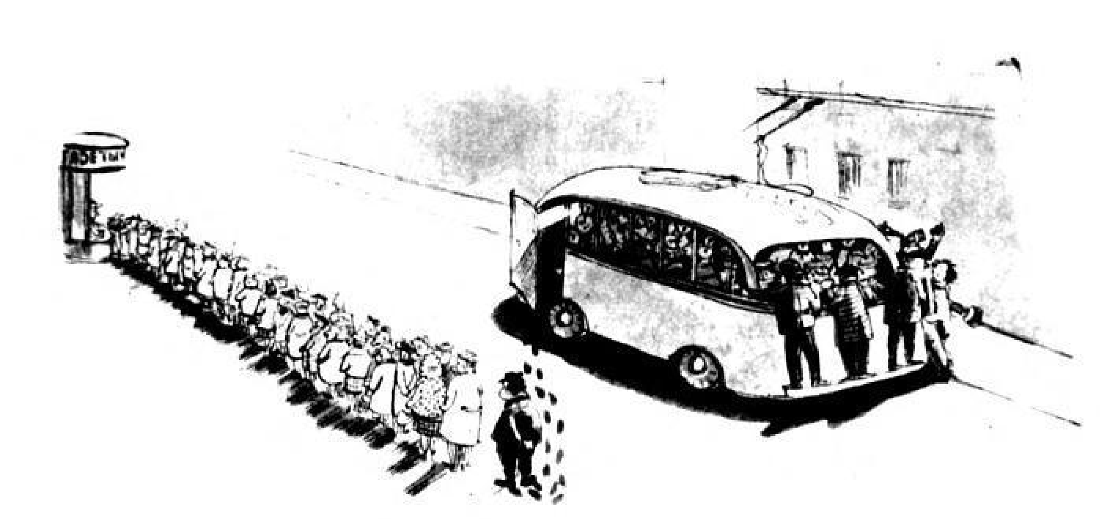

Рисунок Вл. Гальбы.

Тяжелая победа.
Рисунок А. Шера и Ю. Бутырина.

Весенние побеги.
Рисунок Ю. Черепанова.

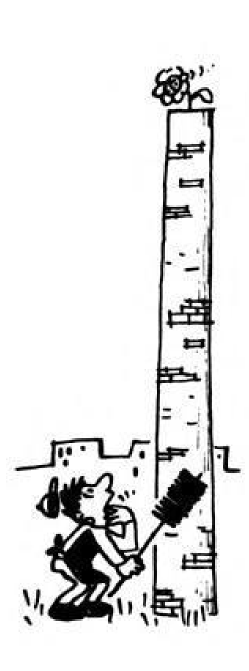

Решил почитать.

Рисунок В. Воеводина.

Энтузиаст.
Рисунок Г. и В. Караваевых.

Без слов.
Рисунок В. Сигачева.

Теоретическая подготовка.
Рисунок Таки. Венгрия.

Позаботились.
Рисунок В. Савченко и Ю. Гаврилина.

Цена номера 30 коп.

Фото И. Тункеля.

ПЕРВЫЙ

Свершилось!
Путы притяженья порваны!
Земля родная — до размеров глобуса...
О, как хотелось
разделить с ним
поровну
Земное ощущенье Космоса.

С ним — Человеком,
Земляком,
Товарищем!
Смоленский,
наш,
Лобастый и улыбчивый...
Не верилось:
полет туда? Когда еще!

Дерзать дерзай,
да не преувеличивай.

...Роились образы
Сказанья давнего.
Бежала стружка
с верстака отцовского.
И вот теперь
земля легла
к ногам его,

И в нем,
живом,
суть формул Циолковского!
Сверкает водами
Страна весенняя.
Не нужно слов,
когда так много сделано.
— Нормально!
— Поздравляем с приземлением!
...В лесах за Гжатском
песенно и зелено.

Н. БЫКОВ

12 апреля 1961 года.

На обороте:
КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙС. Рисунок А. Соколова.

